

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002>

РОМАН ГАЗЕТА

2017 №16

Эдуард Просецкий / Русская сенсация в испанском замке

90
лет

ПРОСЕЦКИЙ Эдуард Павлович

Родился в 1938 году в д. Варваровка Белгородской области. В 1960 году окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1981 году Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького.

Принадлежит к тому поколению русских писателей, кто на собственном опыте испытал последствия тяжелейшей духовной, экономической и социально-политической ломки в стране — от эпохи Сталина до эпохи Ельцина и его преемников. Характер и судьба этого поколения составили главную тему романов Э. Просецкого, вышедших в свет в 80-х годах: «Потерять и найти» («Современник», 1984), «Дальше пойдешь один» («Советский писатель», 1987), «Заглянуть в колодец», «След на песке» («Современник», 1988).

В послеперестроечный период публикуются романы Просецкого «Соцбыт» (1991), «Каземат» (1995), «Миф» (1996), «Дневные любовники» (2000), «Падение Икара» (2005), «Казанова Лосиного острова» (2010), «Паранойя» (2010), «Зона любви» (2011), которые стали художественным осмысливанием новейшей истории нашей страны.

Член Союза писателей СССР (с 1977). В настоящее время — член Союза писателей Москвы. Член Русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

Книжный фестиваль.

Красная площадь. 3–6 июня 2017

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин

Юрий Бондарев

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Юрий Коннов

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
использованы

фрагменты картин

Бориса Кустодиева

«Балаганы»

и «Купчиха с покупками»

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

© ООО «Роман-газета», 2017
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

2017 №16 /1788/ Основана в 1927 г.

Эдуард Просецкий

Русская сенсация в испанском замке

Роман

Мы не будем воевать с Россией, но через взятки, через контркультуру, кино и печать мы внедрим в неё всё самое низменное, и она сама развалится.

Ален Даллес, директор ЦРУ

Пролог

Поскрипывая коваными цепями, на обводной ров подмосковного дачного замка плавно опустился бревенчатый помост, и по нему в арочный проем широких ворот потянулись богатые иномарки элиты столичного шоу-бизнеса.

Владелец усадьбы, популярный пародист Роман Дерибасов, статный молодой красавец со смоляными кудрями до плеч, в белоснежном костюме вместе с женой Анной Столыпиной встречал гостей на пандусе перед парадным входом в донжон, главную башню замка. Рослая и плечистая, одетая в просторную, ниспадающую крупными складками лиловую хламиду, скрывающую изъяны располневшей фигуры, Донна Анна, как именовали поклонники вокальную приму советской, а потом и российской эстрады, походила на большой тропический цветок, что никак не вязалось с недовольным, даже злым выражением широкого, плотно нагримированного лица. Роман, который был ниже ее почти на полголовы, имел несколько взъерошенный, виноватый вид и, переминаясь возле Столыпиной, нашептывал ей на ухо что-то явно примирительное.

Похоже, незадолго до этого супруги мелко повздорили, что нередко случается между людьми, связанными друг с другом по жизни, но перед гостями в конце концов сумели скрыть это за преувеличенными улыбками и радостными восклицаниями.

После того, как, замыкая вереницу автомашин, во двор бесшумно вкатил золотистый «бентли» певца, признанного «солоя России» Николая Чижика, возник, дробно стуча копытцами, черный круторогий баран, запряженный в легкую повозочку. В ней восседал, погоняя животное хворостиной, самый успешный продюсер отечественных поп-музыкантов Тимур Алиханов, бритоголовый сумрачный мужчина, похожий на басмача из советских кинофильмов. Способствуя материальному процветанию «попсы», склонный к ядовитому сарказму Алиханов в глубине души презирал ее за «обжорство роскошью», как он выражался, и нынешняя его клоунада имела вполне понятную всем издевательскую направленность. Однако встречена она была одобрительными возгласами и аплодисментами, поскольку все знали: «ссориться с Тимуром — себе дороже».

— Ах, какая прелесть! — восхищались дамы, рассматривая венчающий зубчатую башню донжона флюгер в виде Дон Кихота с копьем, мавританскую вязь ковки на окнах и припавших на колени с бандерильями в холках мраморных быков у парадного входа. — Ах, просто супер, всё в испанском стиле!

— Достал он меня с этим испанским стилем... — полуслухом буркнула Донна Анна. — В Толедо от этой ихней корриды меня чуть не вырвало.

Роман реплики не услышал; в это время он галантно подавал руку, помогая выйти из автомобиля, любовнице Николая Чижика Ладе Ермаковой, блондинке с кукольным лицом, завоевавшей в прошлом году звание «Мисс Газпром».

В обширном холле с колоннами из уральского малахита были расставлены круглые мраморные столики для фуршета; между ними бесшумно сновали с подносами миниатюрные филиппинки в белых передничках. По слухам новоселья гости принялись вручать хозяевам подарки, а известный поэт-песенник Павел Дзюба по кличке Колобок, давний друг и соавтор Столыпиной, преподнес ей завернутую в махровое полотенце ушастую голубоглазую кошечку редкой породы сфинкс.

— Ну вот, теперь у меня есть дочка! — возликовала Донна Анна.

(Как многие талантливые женщины, целиком отдавшие себя сцене, она так и не удосужилась родить, отчего особенно страдала сейчас, на пороге старости.)

Дачный замок Дерибасова был возведен по его эскизам из экологически чистых материалов на берегу Истринского водохранилища, но внутренним обустройством его — в промежутках между гастролями, корпоративными концертами и съемками телевизионных шоу — занималась деятельность Столыпина, привыкшая во всем следовать своему вкусу.

После того, как гости несколько размякли и повеселились после выпитого, Донна Анна сама повела их на экскурсию по многочисленным, богато обставленным апартаментам донжона (другие башни усадьбы и дом для прислуги еще стояли в строительных лесах), прихватив в качестве указки ключку для гольфа.

— Роман пытался возражать, но я все же наняла консультанта по фэн-шую, чтобы грамотно организовать его жизненное пространство, — заметила она.

— Нынче ведь без фэн-шуя не выходит ни фуя, — сострил неистощимый на рифмы Павел Дзюба — низенький, круглый, с жидкой прядкой, перекинутой через розовую лысину.

— Попридержи язык, — окоротила его Донна Анна, — мизинца моего не стоишь, а стал благодаря мне знаменит.

Поэт густо покраснел и смолк. Грубость Столыпиной, порой переходящая в хамство, была всем известна, но свита покорно сносила ее: во-первых, впасть в немилость к приме почти наверняка означало потерю славы и заработка, а во-вторых, при своем взрывном характере Донна Анна была по-своему

добра и многим помогала вскарабкаться на эстрадный Олимп.

— Как известно, — поясняла она, ведя за собой гостей, — длинные узкие коридоры создают слишком стремительный поток Ци, не слишком благоприятный. Яркие источники света на стенах и потолке позволяют смягчить его. Сочетание белого и красного представляет собой конфликт элементов металла и огня. Его мы сглаживаем коричневыми предметами, представляющими элемент земли.

— Вот это классно! — восхищалась Лада Ермакова в просторной каминной с кожаной мебелью, медвежьей шкурой на полу и мягким сиянием светильников. — Чиж, — капризно потеребила она своего обожателя за рукав. — Хочу такой камин и такую шкуру, чтобы заниматься на ней сексом!

Пропустив это замечание мимо ушей, но неодобрительно устроив лицо, Столыпина повела гостей по многочисленным ванным комнатам, и низкий, чуть прокуренный голос ее гулко отзывался в отделанных нарядным кафелем помещениях:

Самыми подходящими цветами для ванных считаются белый, серый, голубой и зеленый. И не очень благоприятно иметь в них коричневые и красные цвета, поскольку они конфликтуют с элементами воды. А форма предметов, как видите, должна быть округлой или овальной. Зеркало — особый предмет, который следует применять с осторожностью: оно может отталкивать, но и притягивать негативную энергию...

Во время всей этой демонстрации Роман Дерибасов имел вид скучающего экскурсанта, но при слове «зеркало» вздрогнул и стал поспешно вытирая носовым платком вспотевшие ладони.

На просторной кухне что-то шкворчало и кипело, витали разнообразные запахи стряпни; юркие, расторопные азиаты, земляки Тимура Алиханова, разделявали предназначенного для шашлыков черного барана, на котором он приехал, а два важных повара в накрахмаленных белых колпаках с ловкостью фокусников крошили овощи, дробно стучали по доскам тяжелыми ножами.

После этого гости, рассеявшись по отведенным апартаментам, наскоро переоделись в легкие маечки, шорты и по широкой мраморной лестнице, украшенной вазонами с настурциями, устремились в купальня, полосатые зонтики которой покачивались под ветерком на желтом песчаном пляже.

— Что за девочка, — восхищенно произнес Николай Чижик, наблюдая, как его Лада в крохотном бикини грациозными прыжками устремляется к воде. — У нее особая, промышленная красота. Люблю ее безумно.

Они с Дерибасовым сидели в глубоких пластиковых креслах на верхней, смотровой площадке донжона, наслаждаясь теплой солнечностью летнего дня, запахом хвои, долетающим от строевых сосен, и той тихой радостью общения, что бывает между друзьями после продолжительной разлуки. Захва-

ченные водоворотом бродяжьей актерской жизни, они не виделись почти полгода; за это время Чижик успел развестись с дочерью своего продюсера, *стального короля* Ефима Лифшица и увлечься Ладой, а Роман стараниями всесильной Донны Анны стал ведущим самого рейтингового телешоу.

— Для того, чтобы любить безумно, большого ума не надо, — усмехнулся Дерибасов.

Чижик обиженно посопел и, скосив на Дерибасова пристальный взгляд, негромко поинтересовался:

— А ты... свою Донну... любишь умно?

— Донна это Донна, — сухо отозвался Роман, и Николай поспешил разговор.

— Ах, Рома, какие просторы... какая красота... — патетически произнес он, широким жестом обводя раскинувшийся перед ними ландшафт. — Зеленые холмы, цветущие луга, изумрудные скатерти озимых... Не зря эти места называют «русской Швейцарией»... Вот только деревенька несколько портит пейзаж...

— Худобино, — уточнил Дерибасов название сирого людского поселения с почерневшими шиферными крышами, покосившимися дровяными салями, жердовыми загонами для скота и корявой геометрией огородов. — Это соседство портит мне не только пейзаж, но и настроение, — признался он. — На днях явились целой делегацией: «просим барина сделать проход в заборе, мы тут испокон веков грибы-ягоды собирали...» Но с моей охраной шутки плохи... Через пару лет скуплю это убожество и на его месте разобью регулярный парк, вроде того, что в Петергофе...

Затянутый во фрачную пару дворецкий Викентий, юркий белесый субъект с пышными усами, переходящими в бакенбарды, принес друзьям бутылку «Мартини» и серебряную чашу со льдом.

— Приятного аппетита, — пожелал он, замасливвшись плутоватыми рыжими глазами.

— Работал поваром в кремлевской столовой, — пояснил Роман. — Шельма, но свое дело знает... И обожает ходить в белых перчатках... Приказал ему отрастить усы, чтобы походил на Подхалюзина из «Свои люди — сочтемся»... Мы ставили эту пьесу в студенческом театре.

Курильня помещалась этажом ниже и представляла собой круглую комнату со стенами, затянутыми шелком с изображением звездного неба, и выстланную коврами ручной работы, на которых пестрело множество подушек и подушечек. На них друзья и расположились перед двумя низкими столиками с кальянами, заранее приготовленными Викентием.

— Как же у тебя тут хорошо... — расчувствовался Чижик после первых затяжек. — Приглушенные бронзовые светильники... Изображения кругобедрых арабских танцовщиц в прозрачных шальварах... Истинная атмосфера Востока...

— Анна не любит эту комнату, — признался Дерибасов. — Может, из-за этих танцовщиц. А возмож-

но, потому, что я обставил ее по своему усмотрению. Без всяких фэн-шуев.

— А чем тебе не мил фэн-шуй?

— В наших, российских, условиях это просто мота, — отозвался Роман после затяжки. — А она, как тебе известно, создается дельцами, чтобы заработать деньги на человеческом тщеславии.

Николай согласно кивнул.

У друзей не только в основном совпадали взгляды на жизнь, но и было много общего в биографии. Оба наделены были ярким талантом. Чижик после консерватории попал в Большой театр, где спел партию Ленского, а Дерибасова уже в театральном училище признали несомненным кандидатом на амплуа героя-любовника. Однако, их профессиональное становление пришлось на времена «дикого» российского капитализма, когда стрекоза и муравей из басни Крылова поменялись местами: преданные служители подлинного искусства оказались на грани нищеты, а легокрылые стрекозы шоу-бизнеса сказочно богатели. В пестрой тусовке отечественной эстрадной «попсы» — разными путями — и оказались в конце концов Чижик и Дерибасов.

— От фэн-шуя разит мертвичиной заданности, — после долгого молчания заключил Роман. — Со временем переставлю в доме всю мебель.

— Со временем — это когда? — уточнил Николай и, понизив голос, добавил: — Иногда мне кажется, Донна Анна — это навечно.

— Может, никогда, а возможно, совсем скоро, — загадочно ответил Роман.

Обильное и шумное застолье проходило в обширном зале донжона с массивными дубовыми столами, мраморными картидами, удерживающими полку над очагом, напольными антикварными часами в углу и цветным панно во всю стену с изображением корриды, изготовленным выписанным из Мадрида популярным в Испании художником Диего Франсиско Алмаро.

Поэт-песенник Павел Дзюба, раскрасневшийся и слегка вспотевший от выпитого, поднялся с рюмкой в руке.

— Королеве российской эстрады и королю пародии — виват! — провозгласил он.

Пусть наш Роман и Донна Анна
В любви пребудут постоянно
И благосклонный Гименей
Потворствует ему и ей!

Гости вскочили на ноги и, обратив лица к хозяевам, энергично принялись скандировать: «Горько!»

За месяц до нынешнего дачного новоселья находящиеся в гражданском браке супруги наконец-то объявили в одном из гламурных журналов о намерении зарегистрировать брак и даже обвенчаться, скрепив свой союз перед Господом. Событие это благодаря телевидению и прессе стало широко известно, поскольку личная жизнь Столыпиной давно

уже стала достоянием всей страны: избрав исповедальность основой творческого метода, актриса поначалу трогала сердца своими драматическими любовными переживаниями, но со временем попала в собственный капкан. Обрастающие обывательскими сплетнями интимные связи ее множились и множились, и сценическая драма певицы неизбежно превратилась в фарс.

Едва Дерибасов и Столыпина сели на свои места после затяжного поцелуя, над столом взметнулся звонкий голосок Ксюши, участницы молодежного вокального трио «Погремушки», выпестованного Донной Анной на ее телевизионном проекте «Звездный конвейер»:

— Дорогая наша... любимая... Анночка Петровочка! — воскликнула девушка, от волнения расплескивая вино из бокала. — Вы... великая! Вы... наше все! Не будь вас, мы бы с девочками никогда не стали певицами!

— Да какие же вы певицы! — съехидничал уже изрядно набравшийся Тимур Алиханов, негодующе потрясая шампуром с остатками шашлыка. — Вы «поющие трусы»! Раскорячившись крутить ж...й и раскрывать рот под фанеру — это стриптиз, а не вока! Нынче продается тело, а не искусство!

— Поющие трусы! Поющие трусы! — резким голосом, похожим на гусиный гогот, подхватил «придворный шут» Столыпиной, карлик по кличке Шкет, по-обезьяньи выкатываясь к столу на четвереньках и звеня бубенцами колпака. — А под трусами мышки! Мышки, что на продажу! Покажите их любопытному котику! — И Шкет — под визг и хохот «Погремушек» — принялся заглядывать каждой под подол.

В разноголосице многословных слашивых тостов бес tactная выходка Тимура постепенно забылась, тем более что он вскоре уже весело тискал Ксюшу, что-то нашептывая ей на ухо.

Когда гости заметно отяжелели, поднялся Роман Дерибасов и, подражая чуть дребезжащему тенорку действующего президента, проговорил:

— Дорогие друзья! За истекший период внутренний валовой продукт России вырос вдвое. Выстроена мощная вертикаль власти. Побеждена коррупция. Мы сильны, как никогда, а сильный не боится над собой посмеяться. Следуйте за мной, иначе замочу в сортире.

Следом за хозяином все прошли длинным ломанным коридором и остановились перед черной металлической дверью, над которой висела комедийная театральная маска.

— Что за хрень, Ромик? — в недоумении спросила Донна Анна, вставляя в замочную скважину переданный Дерибасовым ключ.

— Мой тебе сюрприз, — отозвался тот с натянутым смешком.

Столыпина вошла в овальную, ярко освещенную комнату и в недоумении остановилась посередине. Гости, напирая друг на друга, с дробным топотом последовали за нею и очутились между множеством

зеркал, в которых изгибаались их причудливо исказенные изображения.

— Комната смеха, моя королева, — пояснил Дерибасов Донне Анне. — Та самая, из Парка культуры. О которой ты рассказывала... В которую так любила бегать в детстве...

— Так это же было в детстве, недотепа! — вдруг вспылила она, наливаясь помидорной краснотой, приступившей даже сквозь слой грима. — А сейчас... Ты прекрасно знаешь... Я терпеть не могу своего отражения. Особенно после бессонницы... А тут — вообще сплошное уродство! — Она приблизилась к одному из зеркал почти вплотную и злобно плонула в него.

И тут произошло невероятное. Извилистая зеркальная поверхность ртутьно дрогнула и втянула в себя Столыпину без остатка.

Присутствующие ахнули и замерли в мистическом оцепенении.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воронеж, сентябрь 1993

Поднимаясь по лестнице на третий этаж с рюкзаком, набитым яблоками, Роман намеревался дома перво-наперво принять ванну. Двухмесячная жизнь в палатке с друзьями — выпускниками театрального училища — в обширном саду, ежедневный, с рассвета до заката, сбор богатого урожая, — закалила его тело и укрепило молодую бодрость духа. Однако ностальгия по городскому комфорту, оказывается, постепенно накапливалась в нем, что окончательно стало ясно, едва ступил он в родной подъезд.

В прихожей витал медовый запах трубочного табака, что выдавало присутствие любовника матери Савелия Львовича Мовшензона. Когда же, освободившись от поклажи, Дерибасов прошел на кухню, — понял, что между гостем и его «Ларушей», как именовал ее комик, все уже произошло.

Посасывая гнутую трубочку, Савелий в полосатом махровом халате расслабленно сидел за пластиковым столиком с ополовиненной бутылкой коньяка и остатками закуски. Рыжая накладка на его темени съехала чуть набок, а полноватое лицо в склеротических прожилках стареющих щечек имело благородное выражение.

— «Итак, Лэрт, что нового услышим?» — цитатой из «Гамлета» встретил его Савелий, жестом приглашая сестру и наливая коньяку в рюмку со следами сиреневой губной помады матери. — Обораны ль колхозные сады усилиями посланцев Мельпомены? — добавил он от себя.

— Обораны посланцы, — сострил Роман. — Заработали сущие гроши.

Мовшензон хохотнул, кратко обнажая золото и фарфор ухоженных зубов.

Страстный поклонник Шекспира, Савелий с юности мечтал о роли короля Лира, но судьба уготовала ему сцену провинциального театра оперетты, где долгое время блистала прима Лариса Берсенева, родительница Романа.

— Сады уже не колхозные, а фермерские, — пояснил Дерибасов. — Приватизация! Каждое утро приезжал на джипе новый хозяин с толстой золотой цепью на шее и поднимал нас на работу. «Типа пора реально вкалывать»...

— Время «большого хапка», — покачал головой Савелий. — А на него способны самые наглые, невежественные... Тут по телевидению недавно выступал один бизнесмен, «новый русский»... «У меня всегда была мечта: заиметь белый «мерседес»... О чем можно говорить с человеком, у которого автомобиль — мечта?! — всплеснул Мовшензон короткими ручками. — Посмотрите, как быстро отпали от власти интеллектуалы-демократы, затеявшие Перестройку! А кто пришел? Да такие вот *мечтатели!* Уверен, что наш нынешний президент не читал «Тома Сойера»... Вполне естественно, что культура пришла в полный упадок... А как может быть иначе, если *они*, — указал он пальцем наверх, — вообще не знают, что оно такое...

У Савелия это было наболевшее. При варварском переходе к «дикуму» российскому капитализму, со провождаемому невиданным цинизмом реформаторов и безудержным воровством, воронежский театр оперетты закрылся, как, впрочем, и драмтеатр, при котором Роман закончил училище. Некоторое время Мовшензон и Берсенева пробовались «чёсом» по сельским клубам в сборных концертах, но вскоре и этот финансовый ручеек иссяк: обнищавший народ хотел хлеба, а не зрешищ...

Этот разговор вверг подвижного психикой Савелия в минор, и с каждой новой рюмкой он начал стремительно пьянеть.

— Роман, дорогой вы мой... — разоткровенничался он, замутившись взглядом. — Я тут в ваше отсутствие... попытался взглянуть на наши отношения с Ларушей вашими глазами... И мне стало стыдно... до противности... до боли... Стыдно перед вами и перед ней... Прихожу два раза в месяц с одним и тем же набором — дешевый букетик, коньяк, шпроты... Посиделки на этой вот кухне, где говорю ей одни и те же комплименты, подливаю и подливаю, хотя Ларуша уже втянулась и надо бы прекращать пить... Потом переходим в ее комнату... Вы должны бы меня ненавидеть... Почему вы не возненавидели меня?

— Не знаю, — отозвался Роман, смущенный этим неожиданным признанием Савелия.

Все так оно и происходило во время визитов Мовшензона в их дом. На кухне они с матерью выпивали ровно половину бутылки и отправлялись, по ее выражению, «в колыбельку». Занимаясь в соседней комнате перед экзаменами или разучивая роль, Роман нередко слышал из-за стенки ее порубежный рваный стон, после чего родительница шумно пле-

скалась в ванной, а Савелий, заливисто отчихавшись, возвращался к недопитому коньяку — уже без концертного костюма, изрядно потертого, и галстука-бабочки.

— Боже мой! Я ведь обожал... боготворил Ларушу с самого первого взгляда. Звук ее голоса, запах ее духов, шелест платья... Но она была примадонна, а кто я? Исполнитель комических ролей, «брюхо на ножках»... Наконец, после многолетней осады, она явилась мне царскую милость, и я летал на крыльях любви, захлебываясь от счастья... Как же мог я опустить наши отношения до такой однообразной пошлости?! Куда подевался экспромт, озарение, «буйство глаз и половодье чувств»? И вы — всему свидетель.. Так все-таки почему вы меня не возненавидели, как возненавидел себя я? — переспросил он, блеснув слезой в глазу.

— Я и в самом деле не знаю, — признался Роман.

— А я знаю! — вскинулся Мовшензон. — Это потому, что вы порядочный человек. В вас течет благородная испанская кровь! В вашей генетике нет ни крепостнического, ни коммунистического рабства! Дорогой мой... — проговорил он, дружески возлагая руку на плечо Дерибасова. — Вот вы недавно с отличием закончили училище... Поверьте моему горькому опыту... Не дайте провинции засосать себя... Бегите... задрав штаны, бегите в столицу! Вы истинный талант, артист по призванию... — Он тяжело вздохнул и продолжил после паузы: — Но не думайте, что будете играть Чацкого и Дон Жуана... Подлинное искусство умирает, его почти добили новые власти... Сейчас не создается ничего значимого... Пришло время бульварной литературы, римейков и пародий... Вас прославит ваш талант пересмешника, которым вы так успешно развлекали публику на студенческих капустниках... Попомните мое слово!

— Савик, девочка тоже хочет выпить! — раздался в коридоре капризный голосок матери, и в следующий момент она обозначилась в дверном проеме — чуть покачиваясь на нестойких ногах и придерживаясь за косяк. Миниатюрная, в переливчатом шелковом халате, перехваченном пояском по тонкой, не испорченной возрастом талии, она — своими взбитыми, ниспадающими на лоб, белокурыми волосами походила на болонку, а размытый, блуждающий взгляд ее сразу заметил сына.

— А может, девочке довольно? — деликатно возразил Мовшензон.

— Не довольно, не довольно! — топнула она ножкой. — Это ущемление прав!

Савелий, опустив глаза, протянул ей наполненную рюмку, и, лишь выпив, Лариса Игоревна обнаружила присутствие Романа.

— Сыночек! — восхитилась она, прижимая его кудрявую голову к своей груди. — Деточка моя... Какой же ты у меня красивый... А я, наверное, сегодня ужасно выгляжу... — Отстранившись, она направилась своею балетной походкой к трельяжу в коридоре, на ходу задев плечиком стену.

Мовшензон переглянулся с Дерибасовым и беспомощно развел руками.

Роман ощущал удушающий приступ какого-то беспросветного, космического одиночества.

Москва, октябрь 1993

В камере хранения Курского вокзала хмурый служитель в синем сатиновом халате долго не хотел принимать у Дерибасова объемистую спортивную сумку с дорожным багажом.

— Ну, допустим, возьму... — гундосил он. — А через час-другой все тут разбомбят на хрен. Кто будет отвечать за твои пожитки? Я не собираюсь из-за тебя терять работу, полгода ее искал. Сам я токарь-инструментальщик... Завод обанкротили, теперь в цехах склады со спиртом «Роял»... Что творят б...и-демократы с рабочим классом...

Роман в конце концов догадался сунуть ему кипуору, и дело уладилось.

— Только гляди, не больше, чем на два часа! — строго предупредил бывший токарь.

Выбравшись из затхлого полуподвала на обширную привокзальную площадь, Дерибасов услышал глухие разрывы пушечной стрельбы, доносящиеся со стороны Красной Пресни. Еще в поезде он узнал, что противостояние между президентом Ельциным и Верховным Советом переросло в вооруженный конфликт, и в Москву введены танки, совсем как в 1991 году.

Размеренные, старательные выстрелы следовали один за другим, а мимо Романа как ни в чем не бывало сновали люди с чемоданами, рюкзаками за спиной и детьми на руках, протяжно покрикивали («па-а-астаранись! па-а-зволь!») татары-носильщики, катящие громыхающие тележки с поклажей, а к стоянке такси вилюжилась плотная очередь.

Все это породило в Дерибасове ощущение какой-то фантасмагории, нереальности окружающего. Когда же в метро ехал он по мосту через Москву-реку и видел, как от снарядов покрываются копотью светлые стены обстреливаемого Дома Советов, а пассажиры вагона мирно читают, разгадывают кроссворды либо обмениваются малозначащими репликами по поводу происходящего за окнами, — будто это показывают по телевизору, — его неожиданно озарило, что дела властей давно уже существуют отдельно от народа, жизнь которого катится по своей колее...

Достаточно известный по театру и кино драматический актер Леонид Кириллович Рогаль-Левицкий, рекомендательное письмо к которому передал Роману перед отъездом Мовшензон, проживал неподалеку от станции метро «Киевская», на Кутузовском проспекте, в одном из кирпичных домов кооперативного квартала, заселенного советской творческой интеллигенцией.

На звонок Дерибасова за обитой пыльным дерматином дверью негромко раздался прокуренный жен-

ский голос: «Кого еще черти несут...», после чего она была приоткрыта на длину витой цепочки, и в проеме означилось полное, распаренное (судя по всему, после ванны) лицо старухи в тюрбане из махрового полотенца и с сиамской кошкой на руках.

— Я... к Леониду Кирилловичу, — проговорил Роман, невольно впадая в просительный тон. — Ему... письмо... от друга юности... однокашника по Щукинскому...

Читая адрес на конверте, хозяйка перекинула сигарету в другой уголок рта и, щурясь от дыма, проговорила:

— Так ему и передайте, раз это Леониду Кирилловичу.

— А где... — начал было Дерибасов, перетаптываясь на резиновом коврике у входа.

— На работе он, — отчеканила женщина. — Театр-студия киноактера на Поварской. Идем, Маняша, — обратилась она к кошке. — Мама даст тебе вкусненькие витаминки.

На фасаде угловатого серого здания, которое Роман без труда отыскал в конце неширокой улицы, виднелась вывеска театра, а над нею оранжевым неоном полыхали буквы: «Ресторан Эльдорадо. Изысканная кухня. Стриптиз. Рулетка».

Не без робости открыв упругую озеркаленную дверь, Дерибасов очутился в прохладном, залитом мягким красноватым светом вестибюле и обратился к высокому, благородного вида, старику, принимающему в гардеробе одежду:

— Вы не подскажете... Я ищу Леонида Кирилловича Рогаль-Левицкого...

— Я Рогаль-Левицкий, — с достоинством отозвался гардеробщик.

Дерибасов настолько растерялся, что лишился дара речи и неуверенно протянул артисту конверт от Мовшензона.

Тот степенно надел очки в тонкой золотистой оправе и, внимательно прочтя послание, с грустной улыбкой проговорил:

— Боже мой, сколько воды утекло... Когда-то мы с Саввой были неразлучны... Нас так и называли: Пат и Паташон... Я высокий, тощий, он маленький, круглый...

В этот момент в помещение ввалилась шумная компания молодых людей в длинных кожаных пальто и малиновых пиджаках, сопровождаемых смеющимися, пестро-нарядными девицами.

— Возьми, отец, — проговорил один из них после того, как Рогаль-Левицкий обслужил их. — Типа на пиво. — И небрежно бросил на барьер пачку денег, перетянутых тонкой резинкой.

Сделавшись невольным свидетелем этой сценки, Роман густо покраснел.

— Мы с напарником зачислены без зарплаты, — пояснил Леонид Кириллович. — Живем на чаевые. В контракте оговорено все — вплоть до галстука-бабочки и формы прически. Во время смены не положено присаживаться...

Мимо процокала тонкими каблучками затянутая в строгий черный костюм сухопарая брюнетка с блокнотом в руках и, взглянув на старика, неодобрительно покачала головой.

— Мы лишь на пару слов, Маргарита Прохоровна, — оправдался Рогаль-Левицкий. — Это мой племянник из Воронежа... Главный администратор заведения, — шепотом пояснил актер, — еще та мегера... Вступать в беседы с посетителями тоже непозволительно...

Торопливо прощаясь, Леонид Кириллович наказывал, тем не менее, рассчитывать на него, «если со всем уж станет худо», но для Дерибасова убедительнее всяких слов явилось возвращенное ему рекомендательное письмо Мовшензона, что по Фрейду можно было толковать как овеществленный отказ в помощи.

На вокзал он вернулся, когда бывший токарь-инструментальщик уже закрывал камеру хранения.

— Надо бежать, — торопливо проговорил он. — Живу на Павлика Морозова, это совсем рядом... А ну как промахнутся да пальнут в наш дом...

Пушечная стрельба все продолжалась и отдавалась в затхлом объеме зала ожидания приглушенным дребезжанием высоких, плохо промытых окон. Пассажиры в тихой покорности перемогались на пластиковых скамьях, между которыми лениво прогулывался молоденький милиционер, поигрывая резиновой дубинкой. Плакали грудные дети. Изредка хрипловатый металлический женский голосок объявлял по громкоговорителю об изменениях в расписании поездов.

— Если бы Ельцин в девяносто втором не получил от Верховного Совета дополнительных полномочий для проведения реформ — до этого бы не дошло, уверяю вас, Сергей Иванович... — журчала рядом с Романом тихая беседа двух провинциальных интеллигентов в заношенных шляпах.

— Абсолютно согласен с вами, Петр Лукич. Стоило «человеку президента» в Совете на две недели положить очередной его указ под сукно, чтобы он не был рассмотрен, — и документ становился легитимным! Так вступил в силу указ о «приватизации по Чубайсу»... В конце концов сам же Хасбулатов почувствовал себя обманутым.

— Ох уж эта «прихватизация»... А ведь была концепция Михаила Малея, она предусматривала пятнадцатилетнюю программу истинно народной приватизации, каждый из нас должен был получить именной чек, в шестьсот пятьдесят раз дороже, чем чубайсовский. А главное — их нельзя было пустить на рынок, чтобы всякая шпана не скупила по дешевке... Ты мог вложить его в любое предприятие и всю жизнь получать дивиденды...

— Но долгий срок, как мы с вами понимаем, Петр Лукич, этого пьяницу не устраивал... Он сам возглавил распродажу государственной собственности, раздал ее за гроши приближенным, а народ оказался на помойке...

— А Хасбулатов-то где был? Почему не противодействовал правительству варианту чудовищной приватизации? Ответ прост: зачем возражать, если гайдаровская команда помогает Дудаеву, гонит в Чечню потоки денег... Рука руку моет...

— Потеряли Союз, теперь, похоже, теряем Россию...

— Дяденька, помогите Христа ради... — раздался рядом тонкий жалобный голосок, и к Дерибасову приблизились два замурзанных мальчишки лет десяти—двенадцати в мятых, несвежих ветровках. — Сами мы не местные... Отца у нас нету, а мамка в больнице, нужна срочная операция...

Роман знал, что в российских городах действуют целые синдикаты профессиональных попрошайек, работающих на хозяев, но, тем не менее, нищим всегда подавал, ибо тот, кто вышел к людям с протянутой рукой, уже заведомо унижен жизнью.

Получив мзду, один из беспризорников привился взглядом к значку на лацкане пиджака Дерибасова в виде двух театральных масок и восхищенно проговорил:

— Класс... Я бы тоже себе такой повесил.

— Что же в нем классного? — поинтересовался Дерибасов.

Скуластые, голубоглазые, с выгоревшими бровями и тем грубым загаром лица, что бывает от долгого пребывания на солнце и ветру, они были очень похожи.

— Мы с Гришкой тоже — то плачем, то смеемся, — почти весело сообщил паренек.

— Вы что же — братья?

— Близняшки. Только из разных яиц, — пояснил тот, что звался Гришкой. — Мишка на десять минут старше.

Роман отстегнул значок и протянул близнецам.

После краткой перепалки они пошли на мирную: «Будем носить по очереди».

— И давно вы в бегах? — спросил Дерибасов.

— С девяносто первого, — сообщил Мишка (Дерибасов уже отличал его по отсутствию переднего зуба). — Как приехали к Белому дому защищать демократию. Мы и сейчас за Ельцина против этого чурки Хасбулатова.

— И что же вам хорошего от этой демократии?

— Клево! — наперебой заговорили ребята. — В школу больше ходить не надо. Хочешь — шляйся по вагонам или помойки потроши, богатые даже колбасу выбрасывают... Хочешь — нюхай клей для балдежа... А если кодлой собраться — можно у какого-нибудь поддатого лоха сигареты отжать, а то и кошелек...

— Без дома, без родителей... — усомнился Роман.

— Дом у нас — под платформой на станции «Серп и Молот», — пояснили новые знакомцы. — Сухо, тепло и мухи не кусают. А родители — или пьют, или все запрещают. В детдоме тоже ничего хорошего. Перловая каша, режим дня и за территорию не выходить. Старшие отнимают компот и деньги, а то могут и опустить...

— Вы знаете хоть, кто такой Пушкин?

Беспрizорники припоминающе заморгали глазами.

— Он... это самое... ну, вроде полководец, — предположил Мишка.

— Он еще через Альпы переходил, — добавил брат.

— Учиться вам надо, ребятки... — сочувственно заметил Роман.

— А мы, когда маленькие были, начинали учиться с матерных слов, — хохотнул Гришка. — По-другому у нас в доме не говорили!

— Дяденька, а можно на деньги, что вы дали, мы купим пепси-колы? — заискивающе спросил Мишка.

— Валяйте, — разрешил Дерибасов.

Пацаны метнулись к буфету и вскоре вернулись с тремя картонными стаканчиками, в которых истаивала пеной коричневатая жидкость.

— Это вам, — протянули они один из них Роману.

Тот растроганно принял угощение.

Дежурный милиционер, постукивая дубинкой по раскрытой ладони, направился в их сторону; беспрizорники шарахнулись от Дерибасова и с дробным топотком скрылись из виду.

В зале раздалось объявление об отправлении очередного поезда. Соседи Романа прервали свою политическую беседу и, подхватив разбухшие портфели, поспешили к выходу на платформу.

Дерибасов ощутил вдруг чугунную усталость тела, легкое головокружение и начал стремительно проваливаться в сон. Подложив под голову свою сумку, он прилег на скамью и вскоре отключился.

Снилось Роману бесконечное, утомительное блуждание по кривым сумрачным коридорам то ли общежития, то ли гостиницы, где ему была отведена комната, номер которой он никак не мог вспомнить.

Пробудился он от ноющей боли в затекшей шее и с недоумением обнаружил, что голова его лежит на голом пластике. Минутой позже выяснилось, что исчезла не только сумка, но и портмоне с деньгами и документами, которое лежало во внутреннем кармане пиджака.

«Ограбили!» — полыхнула паническая мысль, и Дерибасова охватила безысходность заблудившегося в лесу. В голове шумело, во рту противно отдавало желчью, а перед глазами змеились золотистые спиральки. Рывком поднявшись на ноги, он покачнулся и чуть было не упал. Лихорадочно обследуя пространство вокруг своего вокзального убежища, Роман заглянул под скамью и — как счастливое обретение и редкую удачу — обнаружил там свой паспорт. Сохранилась и нотариально заверенная копия его диплома об окончании училища, предусмотрительно спрятанная им под обложку.

Дежурный милиционер куда-то исчез.

Дерибасов бессильно откинулся на спинку скамьи и прикрыл глаза, перебарывая головную боль и пытаясь собрать воедино для дальнейших действий вялые, раздробленные мысли. Стрельба за окнами, кажется, стихла. А может, он ее просто не слышал

сквозь гул в ушах. Глухая, беспросветная безнадега овладела им. Мучительно, будто с похмелья, хотелось пить.

Приподняв тяжелые веки, Роман увидел — в зыбком, миражном дрожании окружающей обстановки (а может, это померещилось), — напряженные фигуры Гришки и Мишки, возникшие перед ним.

— Мы их найдем, этих щипачей, — проговорил один из них и протянул Дерибасову хрустящую купюру.

Получив ее, Роман пьяной походкой направился к буфету, чтобы залить пустынную сухость во рту.

Полная буфетчица в несвежем белом халатике недоверчиво осмотрела протянутые им деньги, и в следующий момент раздался резкий переливчатый звук зажатого в ее губах свистка.

— Милиция! Дежурный! — завопила женщина. — Тут фальшивомонетчик!

Несколько минут спустя милиционер, грубо заломив Дерибасову руку за спину, выводил его из помещения, а вслед летели насмешливые выкрики, свист и улюлюканье кучки ликующих беспрizорников, среди которых были и знакомые Роману братья.

«Откуда... у них... столько ненависти и жестокости?» — бессильно подумал Дерибасов, и ему стало по-детски жалко себя.

В милицейской комнате, осененной портретами Ельцина и Дзержинского (хотя президент и пугал народ возвратом коммунистов во власть, суд над ними так и не состоялся), полноватый курчавый майор в тесном кителе, навалившись на стол, доверительно пояснял Роману:

— Конечно, и попрошайничают, и воруют, и, как видите, даже клофелин освоили. Раньше этим только проститутки пользовались, чтобы усыпить и обчистить клиента... А что мы можем сделать? Регулярно отлавливаем бездомных ребятишек, направляем в спецприемник ГУВД, их распределяют по детдомам, а они оттуда бегут...

— Но... при чем тут эта фальшивая купюра?

Майор усмехнулся.

— Развлекались пацаны. У них это называется *прикалывать*. На днях так прикалывались, что на тварной станции чуть не забили насмерть бомжа. А этот *фальшак* мы вычислили еще месяц назад. Один педофил расплачивался с ребятами деньгами, отпечатанными на цветном ксероксе. И что ж эти шельмы удумали? Ездили по кладбищам и покупали у подслеповатых бабушек искусственные цветы и веночки. Старушки умилялись, что мальчики почтят умершую родню, а тем нужна была сдача! Вот вам готовые артисты... Итак, что находилось в похищенной сумке?

— Личные вещи, — припомнил Дерибасов. — Смена белья, мыло, зубная щетка... Книга трагедий Шекспира и рукопись моего романа «Тайна черного замка».

— Постараемся отыскать, — обнадежил страж порядка. — Что касается украшенных денег — тут ни-

чего обещать не могу. Они разделят их на всю кодлу и быстро потратят. А вам надлежит в течение трех дней зарегистрироваться в Москве. Иначе могут быть неприятности.

На распутье

Обстрел Дома Советов завершился капитуляцией защитников. По вокзальному телевизору Дерибасов видел, как побежденные в сопровождении конвоя — понуро, гуськом направляются к поданному автобусу. Среди них, перекинув плащ через руку, замедленно шагал Хасбулатов, и его бледное, отрешенное лицо выражало горькую безысходность поражения и затаенный страх возмездия.

— Гляди, как прижал хвост, — комментировали соседи Романа по залу ожидания. — А был такой наглый, что с трибуны Ельцина обзвывал пьяницей.

— Он и есть пьяница...

— А этот наркоман, всем известно! Он и сейчас, похоже, под кайфом!

— Господи, кто нами правит...

— Всякая власть от Бога.

— Если уж так, лучше бы ваш Бог оставил коммунистов. При них, по крайней мере, зарплату выдавали регулярно и в Крым можно было поехать по путевке.

— Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Кто бы ни взял верх — народу будет только хуже.

Эта последняя реплика отзывалась в Дерибасове то скливым предчувствием дальнейших неприятностей.

Как и большинство его однокашников по театральному училищу, Роман с восторгом принял нарождающуюся в стране демократию, которая должна была наконец-то освободить искусство от мертвящего гнета идеологической цензуры. Он участвовал в митингах на площади имени Ленина, где в бронзовую фигуру Вождя революции можно было метнуть перезрелый помидор или яйцо, а в памятном августе 1991 года шагал в ликующих многотысячных шествиях по проспекту Революции, празднуя разгром «коричневого путча красных».

Дерибасов и его друзья с молодым максимализмом отметали недавнее прошлое отечества, управляемого однообразно одетыми и единогласно голосующими партийными функционерами. Они четко знали, в какой России больше не хотели бы жить, что же касается будущего родины, овеянной лучами свободы, оно представлялось весьма расплывчатым, но счастливым.

Последующая жизнь превращала этот несовершенный эскиз будущего в настоящее, привнося в него неожиданные и жесткие — порою до издевательского шаржа — штрихи (напыщенные банкиры с их лимузинами и яхтами, старики ветераны, ковыряющиеся в мусорных баках, рабочие на рельсах, требующие зарплаты)... И все же Дерибасов продолжал верить Ельцину и его молодой команде, дока-

завшей необходимость экономической «шоковой терапии», и даже в начале нынешнего года вместе с товарищами распространял среди населения тонкую брошюру «Приватизация в кармане», где было сказано: «Приватационный чек — это своего рода пропуск в ряды совладельцев доли собственности предприятия». А говоря попросту, гайдаровско-чубайсовский ваучер гарантировал каждому россиянину кусок национального пирога, соответствующий стоимости двух автомобилей «Волга»...

— Да хватит ныть! — прервал вокзальную дискуссию чей-то бодрый голос. — Вы забыли, как при коммунистах ездили в Москву за колбасой! А что касается наших олигархов... Первые нажитые миллионы всегда бывают грязные! Возьмите пример Америки! Зато эти «новые русские» наконец-то поднимут экономику, дадут нам рабочие места, а их дети, которые получат за рубежом блестящее образование, сделают Россию процветающей страной!

Роман готов был согласиться с таким прогнозом, но его сейчас куда больше заботило собственное плачевное настоящее.

Ему стали уже приоткрываться потайные стороны пестрой вокзальной жизни, где приезжих подстерегали десятки темных личностей с целью обворовать либо облапошить. Навстречу сошедшим с поезда кидались напористые молодые люди с яркими коробками кухонной утвари, чтобы «впарить» дешевую подделку под импортную посуду либо электроприборы. «Наша фирма проводит акцию! — радостно верещали они. — Вам повезло, вы выиграли! Надо лишь оплатить затраты на рекламу!» С ними конкурировали уже хорошо известные Дерибасову по Воронежу «ложнотронщики» и «наперсточники», заманивающие простаков посулами легкого выигрыша. Наглые цыганки в цветастых юбках и шалах промышляли гаданием либо навязывали доверчивым провинциалам синтетические куртки, выдавая их за кожаные; другие же, одетые с подобающей бедностью, тонкими жалобными голосами заученно просили милостыню в числе прочих разнообразных попрошаек.

Вся эта публика, промышляющая под бдительным присмотром милиции, судя по всему, неплохо зарабатывала. Даже неряшливые бомжи с бурными отечными и побитыми лицами были постоянно пьяны. Роман же страдал от изнуряющего, сосущего чувства голода.

Несколько раз ему удалось поднести багаж прибывших пассажиров от перрона до стоянки такси, а после перекусить в буфете заветренными бутербродами с жидким кофе. Но этот скромный бизнес пришлось оставить после того, как Дерибасова поймал за рукав пожилой потный татарин с бляхой носильщика на робе и грозно предупредил:

— Еще раз перехватишь клиентов — морда бить будем! Башка отрывать!

Изучая окрестности вокзала, он услышал в затхлом подземном переходе, ведущем к улице Казакова, звуки скрипки, наигрывающей Цыганскую рап-

содио Равеля, и на выходе из него обнаружил тоненькую светловолосую исполнительницу, у ног которой лежал раскрытый футляр, негусто притрушенный смятой бумажной мелочью. Мимо проходили гогочущие студенты, по краям тротуара лепились покорные старухи, торгующие дачными соленьями, выставленными на деревянных тарных ящиках, у голубенького киоска пили пиво, громко матерясь, парни в черных длиннополых пальто.

От испятнанного, замусоренного асфальта пахло мочой, озабоченная серая крыса пересекла Дерибасову дорогу и проворно скрылась в оконном приямке ближайшего дома.

У скрипачки было чистое, бледное лицо, играла она со старанием прилежной ученицы, и у Романа возникло пронзительное сострадание к девушки, словно бы выставленной на всеобщее поругание.

Позже, по указательной стрелке, прошел он к театру Гоголя и обнаружил там наглухо закрытую парадную дверь и слепые, словно бы умершие репертурные щиты по ее бокам.

«Конец искусства, — мрачно заключил он. — Духовный апокалипсис».

В подземном переходе под Садовым кольцом, ведущем от вокзала, он выцепил свободное местечко между киоском с развшеннной бижутерией и стоящей на коленях с иконкой Николая Угодника нищенкой, бросил на пол свою клетчатую кепку и произнес голосом бывшего генсека Горбачева:

— Дорогие товарищи! Процесс пошел. Курс партии на перестройку и ускорение будет продолжен. Мы смогли его не только начать, но и углубить...

После того, как Горбачева сменил Ельцин, а того Хасбулатов, возле Дерибасова собралась кучка заинтересовавшихся лиц. Роман исполнил свой пародийный монолог из студенческого капустника, и наконец к ногам его была брошена первая затрапанная, честно заработанная актерским трудом купюра.

Абсолют

К вечеру, когда схлынул поток спешающих с работы москвичей и стоящая у ног Дерибасова коробка из-под обуви заметно пополнилась подаяниями, к нему подошел бородатый бомж в спортивной вязаной шапочке, солдатском бушлате и вздутых на коленях тренировочных штанах с лампасами.

— Наконец-то, — проговорил он, щуря в приветливой улыбке темное оплывшее лицо. — Наконец-то хоть один культурный человек среди нашей шатии-братии... Абсолют, — представился он, протягивая Рому заскорузлую пятерню. — Николай Гаврилович... Профессор... Нам бы с вами посидеть, поговорить об истине...

Дерибасов представился, несколько озадаченный освещенным, чуть размытым взглядом незнакомца, что бывает у хронических пьяниц и душевнобольных.

— Где вы намерены ночевать? — деликатно поинтересовался бродяга.

— Признаться, я об этом еще не думал... — растерялся Роман, которого этот практический вопрос застал врасплох: на вокзале бездомных гоняла милиция, а рассчитывать на место в гостинице не позволяли средства.

— Будете моим гостем! — неожиданно предложил Абсолют.

«Пожалуй, деваться некуда», — после минутного колебания заключил Дерибасов.

— Вам понравится, вот увидите! — возбужденно говорил Николай Гаврилович чуть позже, на ходу поправляя лямки линялого рюкзака, из которого торчала небольшая ржавая вешалка, судя по всему, с помойки.

Они шли уже знакомым Рому бетонным тоннелем, ведущим со станции метро «Курская», в конце которого, в багровом мареве нечистого городского заката, струились жалобные звуки скрипки. На этот раз возле музыканти лежала кудлатая бездомная, судя по всему, собачонка, покорно положив лисью мордочку на лапы.

— Еще как будете довольны! — сквозь одышку частил спутник. — Вот только... — смущенно понизил он голос, когда поравнялись с продуктовым магазином, — одна беда — засыпаю я плохо, если не приму... — Он красноречиво щелкнул себя по шее. — Может, наскребете на четвертинку? Мне, право, неловко...

Когда у прилавка Дерибасов считал деньги, профессор шепнул ему на ухо:

— А если бы поллитровку — то еще лучше... И пару «Жигулевского»...

Хотя переулок назывался Нижним Сусальным (что порождало мысль о богатстве и золотых украшениях) и располагался почти в центре Москвы, — в облике его невысоких, облезлых домов и пожелтевших пыльных тополей заключалось нечто тоскливо-провинциальное.

Деревянный двухэтажный барак, потемневший от времени, зиял выбитыми стеклами окон, а иные были заставлены фанерой.

— Идет под снос, но у меня электричество и даже водопровод, — с гордостью сообщил Абсолют.

У подъезда с изъеденным ржавчиной козырьком сидели на корточках, перекуривая, несколько азиатов, судя по всему, приехавших на заработки мигрантов.

— Салям алейкум, профессор! — поприветствовали они. — Добрый вечер!

— Меня тут уважают... — негромко заметил Николай Гаврилович.

Войдя в дом, они спустились на несколько ступеней по скрипучей лестнице, и Абсолют, толкнув обитую пыльным дерматином дверь, торжественно произнес:

— А вот и мои апартаменты!

На Дерибасова пахнуло тяжелым, смрадным запахом нечистот, который исходил от груды сваленного в угол бытового хлама. Правее, под мутным окошком, лишь в верхней части которого тела по-

лоска наружных сумерек, угадывался деревянный топчан, покрытый обгоревшим сугла одеялом.

Хозяин щелкнул выключателем, и в желтом свете голой электрической лампочки выявился строй поблескивающих, тщательно вымытых и рассортированных по емкостям бутылок.

— Располагайтесь, будьте как дома, — радушно предложил Абсолют, бросая рюкзак на пол и подвигая грубую скамью к низкому столику, составленному из тарных ящиков. — Вы артист, я профессор, образованным людям всегда найдется о чем побеседовать! — бодро добавил он, спешно извлекая из жестяной коробки нехитрую закуску и выставляя на истерханную kleenок.

Дерибасов робко осмотрелся. Каморка была крохотной и, судя по цементному полу и толстым крючьям в сводчатом потолке, никогда не предназначалась для жилья. Однако у кирпичной стены ее потаенно журчал унитаз, из запотевшего бачка которого свешивалась гиля от настенных ходиков, а рядом помещалась порыжевшая от ржавчины раковина с медным краном.

— Всё для вашего удобства! — констатировал Николай Гаврилович.

«Спасибо, Чацкий, брат», — мысленно поблагодарил Роман, привлекая всю свою актерскую волю и систему Станиславского, чтобы побороть брезгливость и войти в образ обитателя «дна жизни», который воспринимает обстановку убогой лачуги как обыденность и даже благо.

— Таких апартаментов ни у кого нет! — вешал между тем хозяин, вскрывая консервным ножом банку килек в томатном соусе. — Ютятся в шахтах теплоцентрали либо и вовсе на вентиляционных решетках метро. А у меня — красота! До весны дом не сломают, перекантуюсь, а потом уеду с Киевского вокзала в Лесной городок, там речка, и луг, и верба, под которой можно почевать... Курорт! Ну, за приятное знакомство! — заключил старик, трясущейся рукой разливая водку по захватанным граненым стаканам.

Спустя несколько минут Дерибасов поразился, как стремительно менялось лицо случайногобутыльника: щеки его обвисли и побурели, под глазами набрякли мешки, а взгляд приобрел опасный стальной блеск.

— Всем недовольна, все не так! — неожиданно пустился он в воспоминания, покачиваясь на скамье и расхлябанно жестикулируя. — Чего тебе, фурия ты сварливая, еще надо? Деньги приношу? В театры и кино ходим? Родственников твоих опостылевших навещаю? Какое мне дело до соседей Куликовых, что они купили кухонный гарнитур? Не в наружных приобретениях, а в собственной душе надо искать блага жизни!

Выстреливая эти фразы, Абсолют клокотал праведным гневом, все более распаляясь, и даже выхватил из своей свалки в углу кусок арматуры и потряс ее над головой с воплем: «Убить бы тебя, курву!»

«Кажется, я влип», — отметил про себя Роман, тоскливо готовясь в случае самообороны применить полученные в секции приемы каратэ.

Но в следующий момент старик в ярости хватил витым прутом по топчану, отбросил его и, вернувшись к столу, с неожиданным спокойствием проговорил:

— Наливай, что ли... Это бабье кому хочешь нервы истреплет...

— Вы правы, Николай Гаврилович, — деликатно согласился Дерибасов.

Размашисто запрокинув стакан и трудно отлавливая вилкой ускользающую кильку, Абсолют припоминающее проговорил:

— Так о чём мы...

Профессор занырнул рукой под стол и достал обрывок разъятой пополам книги в испятнанном переплете.

— Ага... Вот, послушай... «Истина — верное, правильное отражение действительности в мысли, критерием которого является практика», — прочитал он. — Начал я это осмысливать, и у меня ничего не сходится! Раньше я обожал свою жену, несмотря на гарнитур Куликовых и что все делаю не так... Она была для меня, как сказано в той книжке, «идеал мечты» по всем точкам — с ее кудрями, задницей и детским голоском... Но вот пришла горбачевская Перестройка, а потом дермократ Ельцин, из *Конторы* меня шуганули, пришлось ехать на лесосплав на реку Белая... А когда вернулся — оказалось, моя ненаглядная снюхалась с участковым, с жилплощади меня выписала, а квартиру продала... Ты меня улавливаешь?

— Признаться... не совсем... — начал было Роман, но старик нетерпеливо перебил:

— И вот после этого... Несмотря, что у нее осталась та же скульптура тела, и кудри, и серебристый голосок, — для меня она стала последняя тварь и грязная сука... Так в чем здесь же истина? И что правильно?

— Истина существует объективно, — припомнил Дерибасов лекции по марксистской философии. — Но каждый открывает ее по-своему... субъективно.

— Дорогой ты мой! — просиял Николай Гаврилович. — Где ж ты раньше был... А у меня чуть крыша не поехала... Из-за курвы-жене утратил опору любви, а из-за этой долбаной истины — опору разума... Запил тогда крепко...

Когда бутылка была ополовинена, чувство исходящее от собеседника опасности постепенно притуплялось в Дерибасове, сменяясь состраданием к этому мятущемуся в водовороте жизни человеческому обломку.

— «Абсолют, — читал между тем Николай Гаврилович, — понятие идеалистической философии для обозначения вечного, бесконечного, безусловного, совершенного и неизменного субъекта, который самодостаточен, не зависит ни от чего другого, сам по себе содержит все существующее и творит его». Начал я обмозговывать это, и мне открылось: елки зе-

леные, это же про меня! Сам посуди: мать у меня была стерва, родила меня для себя, и жил я, как кролик с прижатыми ушами, опасаясь очередной выволочки... Потом ее место заняла красавица жена, которую боялся потерять, а потому подчинялся... А еще надо мной — Контора... А выше — андроповы-черненки-горбачевы-ельцины... И все требуют, и всем я чего-то должен... А теперь — на-кося выкуси!.. Ну, — завершил он свой монолог, — давай отлакирем пивком, и на боковую... Спасибо за беседу...

Когда допивали «Жигулевское», злобная муть качнулась в осоловевых глазах старика, и он проговорил вязнущим языком, протестующе махая перед Романом скрюченным пальцем:

— Но ты не думай, залетный... Не на того напал... Я из десяти девяносто семь выбираю... Если ты чего — из-под земли достану... Переверну всю... как ее... биосферу... — И с этими словами профессор рухнул на топчан.

В подземном переходе

Что-то праздничное чудилось Дерибасову в пробудившемся утреннем городе, и Роман чувствовал себя почти своим среди торопящихся на работу москвичей, оттого что у него был какой-никакой ночлег и свое место в подземном переходе, ведущем от площади Курского вокзала к Земляному валу.

Сегодня, когда он поставил к ногам коробку для милостыни, его ближайшие соседки по «бизнесу» уже начали трудовой день. Стоящая на коленях в согбенной позе скорби и смирения старуха-нищенка в черной хламиде, как обычно, не обратила на Романа внимания, вся сосредоточенная на молитвенных поклонах. Зато торгующая бижутерией миловидная Манана приветливым мелодичным голосом пригласила Дерибасова в свой крохотный киоск и налила из термоса горячего кофе.

— Хачапури совсем свежие, — приговаривала она, угождая Романа, — мама испекла специально для вас...

Грузинка из Сухуми, пианистка Манана чудом прорвалась в Россию во время межнационального военного конфликта, оставив в центре города четырехкомнатную квартиру со всей мебелью и роялем. А теперь ютилась в «однушке» где-то в Чертаново — с мужем-архитектором, малолетней дочерью и большой матерью.

— Анзор вынужден заниматься частным извозом, — жаловалась она, — а у мамы нет даже паспорта, боится выходить на улицу... Но главное — удалось сохранить семью, вместе легче выживать... А как же вы, Ромочка... Такой молодой и совсем один... в этой ужасной Москве...

— Я завоюю «этую ужасную Москву»! — легко-мысленно отвечал Дерибасов. — Даже если придется жить в канализационном коллекторе!

Едва приступил он к своим пародийным композициям, явился «крышующий» обитателей подзем-

ного перехода полноватый рыжий милиционер по кличке Карман. В начале дня он проводил утренний досмотр тоннеля, изгоняя случайных чужаков, а к вечеру собирал мзду со «своих».

— Неважно выглядишь, артист! — весело подмигнул он Роману. — Что, «птичья болезнь»?

— Вчера малость перебрал, — признался Дерибасов, втайне сознавая, что место ночлега придется менять: за несколько дней он приспособился к непривычному характеру Абсолюта, его пьяным бредням и удручающей антисанитарии жилища, но заканчивать каждый день алкогольными возлияниями было ему не под силу.

— Ну ладно! — торопливо посучил ногами Карман. — Изобрази мне Жирика, да я побежал!

Роман назидательно вздел палец и зачастил яростной скороговоркой:

— Когда мы придем к власти — всех демократов поставим к стенке! А коммунистов повесим на кремлевской стене! Я стану президентом и наведу в стране порядок! Всех хлюпиков-интеллигентов — к чертовой матери! В Сибирь! На лесоповал!

— Ничего, дождутся они, — добродушно пообещал милиционер, когда Дерибасов закончил монолог. — Скоро всех этих экстремистов возьмем за жабры... «Но есть, есть Божий суд *наперсника разврата*» — неожиданно продекламировал он и ушел, весьма собою довольный.

Эту проститутку в короткой кожаной юбке и ажурных черных чулках на суховатых прогонистых ногах Роман замечал и раньше во времена своих импровизированных концертов. Караглазая блондинка с породистым горбоносым лицом, она обычно стояла чуть поодаль, опершись спиной о стену и выставив точеное колено в ожидании очередного клиента. Судя по всему, пародия «Артиста» (такую кличку дали Дерибасову обитатели подземного перехода) нравились жрице любви и вызывали поощрительную улыбку, а иногда даже смех. Кратко поторговавшись, ее воровато «снимали» осторожные мужчины, и девица на некоторое время исчезала, а возвратившись, небрежно бросала Роману более чем щедрое подаяние, имея вид независимый и горделивый.

Но на этот раз ее не оказалось на своем «рабочем месте», а когда — ближе к полудню — наконец появилась, Дерибасов едва узнал бывшую яркую красотку: остатки макияжа были размазаны по ее припухшему лицу, глаза покраснели то ли от слез, то ли от расплывшейся туши, а на скуле явственно проступал припудренный синяк.

— Артист, выручай, блин... — хрипловато проговорила она. — Всю колотит... Мне сейчас хотя бы «косячок» выпустить... а эти скоты выгребли из сумочки и бабки, и ключи от хаты... Сволочи... Вроде безобидный старичок, а с ним оказалось еще два амбала... Еле ноги унесла... Ты не сомневайся — к вечеру отработаю и верну, — заверила она, принимая от Романа деньги трясущимися руками. — За мной не заржавеет...

Долг она возвратила после часа пик, уже обретя прежнюю «боевую раскраску» лица, а вместе с нею и защитную пренебрежительность взгляда.

— Послушай, Артист, — поинтересовалась она, закуривая тонкую дамскую сигарету. — Это правда, что твоя фамилия Дерибасов?

Роман подтвердил, поразившись, насколько быстро распространяется информация среди «подпольного» населения столицы, существующего параллельно с ее официальной жизнью.

— «На Дерибасовской открылася пивная»... — усмешливо напела проститутка. — Ерей, что ли?

— Это испанская фамилия, — покраснел Роман. — Когда Франко пришел к власти, мой отец Мигель Дерибас был вывезен с другими детьми в Советский Союз... Тут его записали на русский манер: Михаил Дерибасов.

— Ну и воняет же от тебя! — сморщила она нос. — У Профессора, что ли, ночуешь?

— Больше негде.

— Держись от него подальше, — посоветовала девица. — Мутный старичок... То ли бывший тюремный охранник, то ли палач... На вокзале подбирает иногородних, кому ночевать негде, и обчищает до нитки... Несколько раз забирали в ментовку, а у него справка, что сумасшедший... — Она затоптала окурок и неожиданно предложила: — Слушай, Артист... Наша Надька уехала к своим в Крым на две недели... Можешь пока пожить у нас... Хотя бы отмоешься... Тут недалеко, в Лялином переулке. Кстати, — добавила она, — для здешних козлов я Эльвира. А ты можешь называть меня просто Людой.

Лялин переулок

— Нас тут три ляльки, — хохотнула Людмила, когда Роман прочел название переулка на старом трехэтажном доме, фасад которого еще хранил кое-где лепнину в виде веночеков. — Хозяин сдает хату, а мы оплачиваем его проживание в интернате для старых большевиков.

Широкая мраморная лестница подъезда, истерта подошвами многих поколений, в сочетании с узорчатой ковкой перил, напоминала о благополучии какой-то давней жизни, ныне утраченном.

Людмила нажала на кнопку электрического звонка у двери, выкрашенной облупившимся суриком, и вскоре ее открыла невысокая полноватая девица в газовой косынке на бигуди и толстом мохеровом шарфе на пояснице поверх байкового халатика.

— Светик, у нас гость, — с извиняющимся смешком проговорила Людмила, втягивая за собой Дерибасова в темную щель коридора.

— Людка, ты шо, сдурела? — округлила глаза Светик. — Мы ж давали слово...

— Тю! Да это совсем не то, что ты думаешь! — оправдалась Людмила. — Этот хлопчик тот самый Артист, про кого я вам казала...

— А если мамка заявится — як докажешь, что не клиент?

— Скажу — двоюродный братик из Воронежа, — нашлась Людмила. — У него и паспорт с пропиской есть.

Пожав плечами, Светик скрылась в одной из комнат, недовольно хлопнув дверью.

— Мне, право, неловко... — смущалась Дерибасов.

— Не парься, Светка «свой парень», — успокоила Людмила. — Мы все трое из Шепетовки, вместе в школе учились. Просто у нее критические дни, вот и бурчит...

Она показала Роману его комнатку — узкую, как пенал, с продавленной тахтой под пледом, небольшим платяным шкафом и плюшевым тигренком на трельяже.

— А теперь снимай одежду, хлопчик, — весело приказала Людмила. — Повешу на балкон проветривать. — И протянула Дерибасову махровый халат, пояснив: — Надькин. Тебе подойдет. Она у нас дивчина крупная.

Погрузившись в теплую, потрескивающую пеной ванну, Роман издал тихий стон блаженства. «Достойно ль смиряться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?» — вспомнил он монолог Гамлета, настраиваясь на дальнейшую борьбу за выживание в столице. При всех бедах, обрушившихся на Дерибасова в Москве, он отчетливо ощущал над собой некую защитительную силу, которая не дает ему упасть на самое дно... На свой страх и риск покинув родной город, Роман продолжал оставаться среди *своего народа*, который — несмотря на вызванную очередной сменой власти разруху и падение нравов — каким-то чудом продолжал сохранять в себе росток доброты... И он отплатит этому народу полной мерой, провозглашая со сцены великие и просветляющие истины...

— Ну, девки, полный п...! — раздался в коридоре звонкий женский голос. — Только встали на «точку» — менты тут как тут! Мы врассыпную, блин! Успела в переулке нырнуть в тачку какого-то дядечки... Правда, после пришлось отработать головой... Но это ж лучше, чем ночь в «обезьяннике»!

На звонкоголосую товарку энергично зашикали Людмила со Светой, предупреждая, видимо, о постороннем в доме.

— Чего ж сразу не сказали... — упрекнула она.

Эту, третью обитательницу квартиры, звали Ниной. Рыжеволосая, баскетбольного роста, она явилась в броской раскраске вульгарного макияжа, а когда умывшись и переодевшись в шелковую пижаму вышла к накрытому в кухне столу, — оказалась миловидной, почти застенчивой девушкой с тонкими иконописными чертами. Освободившаяся от бигуди смешливая простушка Света с кошачьим лицом была натуральной блондинкой, а снявшая папик Людмила в четком каре смоляных волос стала похожа на молодую поэтессу Ахматову с известного портрета Альтмана.

Девушки пили только шампанское, а когда Света, прижимаясь к Роману упругим бедром, предложила ему водки, Людмила полуслуга окоротила ее:

— Не спаивай мне ребенка! Я привела его, за него и отвечаю!

— Какой же я ребенок... — краснея, возразил Дерибасов. — Между прочим, моя *первая женщина* была балериной, — захмелев от вина, добавил он, чтобы поднять свой авторитет среди профессионалок.

— Да ты что?! — в притворном изумлении всплеснула руками Света. — А я думала, они дают только большим начальникам. И Киров, и Калинин...

— Она была подругой моей матери.

(Татьяна Краснопевцева имела жгучую цыганскую внешность и танцевала в кордебалете. Она приходила в гости — веселая, шумливая, с выверенной грацией движений — и ее пестрый и праздничный сценический образ никак не совмещался у Романа с бытовым, отчего он робел и терял присущую ему ироничность. Она, конечно, догадывалась о его юношеской влюбленности и втайне поощряла ее. В шутку называла Дерибасова «мой идальго», дарила книги по театру, а при встрече, церемонно подставляя смуглую щеку для поцелуя, легонько приникала липким телом. Прикосновения эти, а еще запах ее горьковатых духов вызывали у Романа телесное волнение, особенно изнуряющее по ночам, и он рисовал в воображении рискованные сцены соблазнения женщины. Робость его сменилась решительностью при курьезных обстоятельствах. На спектакле оперетты «Сильва», где Краснопевцева играла одну из «красоток кабаре», сидящий на первом ряду Роман, в ту пору студент второго курса, с изумлением обнаружил, что у лихо отплывающей канкан Татьяны на бедре порвано сетчатое трико. Эта дыра, мелькающая из-под пены цветных юбок, раскрыла ему какую-то главную тайну театральной жизни и снизила сценический образ балерины... И в следующий визит Краснопевцевой, когда перебравшая коньяку мать уснула в своей комнате, — Дерибасов отважился показать подвыпившей Татьяне модный эротический фильм «Эммануэль»... Обладание женщиной показалось ему краткой вспышкой, соединившей наслаждение с виной греха, а чуть позже, натягивая колготки на точеную ногу, женщина со смешком предупредила: «Ты уж не проболтайся маман, что я тебя соблазнила...»)

Два года спустя у Дерибасова была и *вторая женщина* — Оксана Пащенко — не слишком красивая, но мясистая и доступная однокурсница, отдавшаяся ему в палатке при памятном сборе яблок под Семилуками. Но о ней Роман решил не упоминать.

— Я сразу поняла, что ты парень не промах! — поощрительно засмеялась Света.

— Волосики как у моего сыночка, — проговорила Людмила, гладя Дерибасова по голове. — Как он там, с большой бабушкой, зайчик мой...

— Такой молоденький... — проговорила Нина, глядя на Романа с материнским сочувствием. — Воз-

вращался бы в свой Воронеж... Сожрет тебя эта Москва...

— Не сожрет, подавится! — самоуверенно отозвался Роман.

— Ты даже не представляешь, Артист, какая это помойка, — добавила Света. — Ну ладно мы... Детский садик закрыли, консервный завод обанкротили, в парикмахерской устроили склад спирта... Стали самостийными, а работы нема. Сцепщицей вагонов месяц отыскала на станции и поняла: не, лучше буду передком зароблять...

— Мы с Ниной — по необходимости, — пояснила Людмила. — А Светику это дело даже нравится.

В ответ та порочно хохотнула:

— А что? «Мы люди темни, нам треба гроши, та харчи хороши!»

«Украинский фольклор», — отметил про себя Дерибасов, а вслух произнес:

— Вот вы говорите — «помойка»... А ведь ко всему прочему Москва — уникальный культурный центр... с давними театральными традициями... Поэтому я здесь... К вашему сведению, — Смоктуновский, Табаков, Ульянов — все вышли из провинции...

— Сейчас в этом твоем «культурном центре»... — заметила Людмила. — При долбаных демократах... все делается либо за бабки, либо по блату, либо через постель.

— Так было всегда! — горячо возразил Роман. — Еще во времена Шекспира! Человеческая природа неизменна! «Весь мир театр, все люди в нем актеры»... Вот послушайте... Его знаменитый шестьдесят шестой сонет. Разве он не о нас с вами?

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеяньи,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плена у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока...

— Весь мир бардак, все люди б...и, — весело поправила Света и вдруг затянула прозрачным, проникновенным голосом:

Цвите терен, цвите терен,
Тай цвіт опадає,
Хто з любовью не знаєця,
Той горя не знае...

Подруги с готовностью поддержали ее, и слаженное, переливчатое многоголосье словно бы раздвинуло тесное пространство обшарпанной кухни.

Одна молода дивчина
Тай горя зазнала,
Вечерочки не доила,
Ничку не доспала...

У Дерибасова вдруг заломило переносицу в предощущении слез, а лица поющих просветели и приобрели выражение мудрой печали.

Ой, дримайте не дримайте,
Не будете спаты,
Десь поихав мий миленький
Иншою шукаты...

Песню хохлушки закончили с повлажневшими глазами, и Света поспешно разлила остатки вина по бокалам.

— За любовь, — неожиданно для себя предложил Роман.

— Будь она проклята, — проговорила Нина, промокая глаза носовым платком. — Мой, кобелина, пока на своих ногах бегал — ни одной юбки не пропускал... А вернулся с Афгана обрубком — не смогла бросить, потому что дура...

— Да ладно вам, девчата! — легкомысленно отозвалась Света. — Такая их порода — всех баб оприходовать! Один мой клиент... Аркадий Борисович... «Знаете, Светочка, в чем проблема стареющего мужчины? Резко снижается яйценоскость! Раньше, бывало, каким только дамам их не носил! А теперь только вам...»

Она допила шампанское и начала новую мелодию — открытым, вольным запевом:

По-за гаем зелененьким,
По-за гаем зелененьким
Брала вдова лен дрибненький...

Подруги, набрав в грудь воздуха, подхватили:

Вона брала-выбирала,
Вона брала-выбирала,
Тонкий голос подавала...

Песня лилась вольным многоструйным потоком, ширясь и набирая силу, и Дерибасову вспомнились холмистые ковыльные степи Херсонщины, где после первого курса провел в студенческом лагере на берегу Каховского водохранилища последнее советское лето, мягкий южный говор местной смуглушки, ее неумелые ответы на поцелуи, лунная дорожка на воде и горьковатый запах чабреца...

...Дозволь, мати, вдову взяти,
Дозволь, мати, вдову взяти,
Тоди буду пить-гуляти...

Некая несокрушимая, корневая суть народного духа открывалась Ромуану в этом пении, и душа его

начинала испытывать тот таинственный и высокий трепет, что наступал при дробных звуках испанского фламенко, и какая-то покаянная и скорбная любовь затеплилась в ней к этим троим падшим женщинам, когда песня смолкла, сменившись пустой и бессмысленной тишиной...

«Так в чем же все-таки истина, черт возьми?» — качнулась в его хмельной голове последняя мысль, когда засыпал в чистой и удобной постели.

На пятый день

— Подвинься, Артист... Погрей меня... — с тихим смешком проговорила Света, ложась рядом.

Она пришла к Дерибасову, возвратившись с работы, где-то на границе ночи и дня, и привнесла в постель запах шампуня и остаточное влажное тепло после принятой ванны.

Роман в это время пребывал в плена миражного эротического сна, где гибкая белокурая танцовщица шаловливо обнималась с ним в сумрачном закулисье театра, а потом вдруг ускольззала, оставляя Дерибасова в томительном напряжении неосуществленного желания.

Переход в реальность показался таким естественным и долгожданным, что обладание женщиной Роман воспринял поначалу как удачное продолжение сна. Когда же крутая волна обоюдного высвобождения разбросала по сторонам не нужные более друг другу вялые тела любовников, Дерибасов по-детски заплакал.

— Ты шо, ты шо, дурачок... — обеспокоилась Света, покрывая торопливыми поцелуями его шею и грудь. — Не бойся... Я чистая...

Он не отважился признаться, что это были слезы благодарности за то, что женщина хотя бы временно избавила его от гнетущего земного одиночества.

Эта благодарность переросла вдруг в жажду обладания, и Дерибасов словно бы зажмурившись, отрещившись от мысли, что с ним продажная, принадлежащая многим, путана, — решительно, с молодым напором нерастряченной плотской силы, — возобновил любовный поединок.

— Ромочка... красавчик мой... — нашептывала она с просветленным, улыбающимся лицом. — Ты целуешь меня так... будто я твоя коханая...

Он готов был признаться, что в самые слепые минуты их счастливого единения эта случайная партнерша казалась ему почти возлюбленной.

Произошло это на пятый день его проживания в Лялином переулке, когда Дерибасов немного обвыкся на новом месте и уже изучил житейский уклад компаньонок из Шепетовки. Как выяснилось, Нина со Светой были *центровые*, подбирая клиентов не-подалеку от памятника Маяковскому. С утра они отсыпались, а к вечеру таксист дядя Коля отвозил их на точку. Что же касается Люды — дивчины самостоятельной и с норовом — она работала индивидуально, а потому имела вольный режим дня. Однако,

все трое находились под присмотром загадочной мамки, которая взимала с подруг плату за квартиру (с последующей передачей денег ее владельцу), обеспечивала транспортом, охраной и милицейской крышей, а в случае надобности направляла подопечных на субботники (чаще всего в сауны), где им приходилось обслуживать крутых братков либо начальственных ментов.

— А мне эта долбаная Москва совсем не нравится, — призналась Света, отставая от ласк. — Все куда-то бегут, толкаются локтями, доброго слова никто не скажет... Вчера смотрю — на платформе лежит бомжик... Мертвый уже... И никому до него нет дела... Поднакопим бабла и вернемся в родную Шепетовку... — мечтательно произнесла она. — У нас там каштаны цветут... Ставок* с карасями недалечко... Люблю рыбу ловить на удочку... — Она доверчиво положила голову на грудь Романа. — Ты-то как собираешься в люди выбиваться?

— Очень просто! — бодро отозвался Дерибасов. — Завтра позвоню главному режиссеру Московского театра драмы Тимофею Ряднову голосом Михаила Сергеевича Горбачева и порекомендую принять меня в труппу.

— Ну, ты даешь! — восхитилась Света.

Тимофей Ряднов

Просторный кабинет Тимофея Ряднова показался Дерибасову мрачным из-за темной антикварной мебели, а громоздкий резной буфет, вроде бы неуместный в служебном помещении, напомнил княжеский терем времен крещения Руси.

Сам Ряднов — крупный потеющий мужчина — восседал в массивном кресле под портретом драматурга Островского и всем обликом своим — от сивой бороды лопатой до витой серебряной цепочки от часов на обтянутом жилеткой животе — походил на персонаж великого драматурга.

— Присаживайтесь, молодой человек, — пробасил он окающим волжским говорком. — Но заранее предупреждаю: ничем вас обнадежить не смогу... В стране демократический бардак... Театр прогорает... Чтобы сохранить хотя бы костяк труппы, приходится сдавать площади в аренду разным проходимцам либо потешать «новых русских» на пьяных корпоративах... — Он тяжело вздохнул: — Принял вас исключительно из уважения к Михаилу Сергеевичу...

Роман представил себе, как этот могучий дядька спускает его с лестницы, и разом осознал легкомысленный авантюризм затеянного розыгрыша.

— С моей точки зрения, Горбачев не просто реформатор... Он созидатель. Хотел построить социализм с человеческим лицом. И если бы Союзный договор был подписан — мы жили бы сейчас в другой стране... — Ряднов сделал паузу и промокнул лоб новым платком. — Так что передайте Михаилу Сер-

геевичу мое полное благорасположение... Но что касается вас — увы... Хотя вы актер фактурный и, судя по всему, неглупый... Пока жирует власть тымы, ничем помочь не смогу... Я пытаюсь сохранить традиции русского национального театра, театра Мочалова, Щепкина, Жаркова, наконец... А у этих в чести театральные прохвости, которые под видом «нового прочтения классики» Чацкого, Молчалина и Софью укладывают в постель, а Хлестакова отправляют в парную с женой городничего Анной Андреевной и его дочерью Марьей Антоновной...

«Бежать, бежать! — запаниковал Дерибасов. — Пока не побили... Бежать, задрав штаны...»

— Третьего дня, — продолжил между тем Ряднов. — Вот здесь, на вашем месте, сидел большой русский писатель и мыслитель Александр Зиновьев, вернувшийся из эмиграции. Тимоша, говорит, вы что — все тут сдурили? Зачем так рветесь в капитализм? Это же власть денег, прямой путь духовного обнищания нации! А на кой черт вам понадобилось восстанавливать сословное неравенство? Воистину, Россия — проклятая Богом страна, которая всегда на перепутье выбирает наихудшее... Не пошли за Горбачевым, послушались номенклатурного мужлана с интеллектом областного партийного завхоза...

И тут Дерибасов — совершенно неожиданно для себя, словно идя на поводу у какого-то бесшабашного искусителя, откликнулся голосом бывшего генсека:

— Вы совершенно правы, Тимофей Иванович... Процесс пошел, народ осознанно принял демократические реформы — гласность, перестройку и ускорение... И если бы нам не мешали... Не подбрасывали идеек со стороны... А мы знаем, кто и для чего их подбрасывает... Перед вами не сидел бы сейчас безработный молодой актер Роман Дерибасов...

Ряднов в изумлении округлил глаза и вдруг разразился раскатистым хохотом.

— Разыграл! — восхитился он. — Самого Тимофея Ряднова разыграл, подлец ты эдакий!

И косолапой медвежьей походкой направился к буфету.

В нем, как выяснилось, был вмонтирован объемистый холодильник, и вскоре на режиссерском письменном столе появился запотевший хрустальный графинчик, соленые огурчики и бутерброды.

— Попал! В самую точку попал! — басил Ряднов, наполняя рюмки. — Все считают меня серьезным режиссером, а я, признаться по секрету, больше всего люблю пародии и капустники! «Влеченье, род неудуга»! Ну, показывай еще, что там у тебя...

Когда водка подошла к концу, Дерибасов уже исчерпал весь свой репертуар.

Возбужденное состояние Ряднова, как это нередко бывает с пьющими людьми, сменилось хмельной кручиной.

— Ты вот что... как там тебя... Дерибас... — проговорил он на прощанье, поникая гравастой головой. — Попробуй сунуться к этим... авангардистам хреновым... Они сейчас жируют...

* Ставок — пруд, запруда.

Признание

Среди ночи он проснулся от скандальных выкриков, доносящихся из соседней комнаты.

— Шо за дела, Светка? — возмущался напористый голос Нины. — Как прикажешь тебя понимать?!

— А так и понимать, — запальчиво отзывалась Света. — Сказала не буду, значит, не буду!

— У тебя крыша поехала? Это ж работа! Людка вон с утра пашет и до сих пор не вернулась!

— А мне пахать надоело.

— По двадцать раз кончала, а теперь надоело?!

— Да не ори ты. Романа разбудишь.

— Сколько еще буду прикрывать тебя перед мамкой? «Извините, Альбина Петровна, у Светы ангин... у Светы нарушение цикла...» Она не дура, уже догадывается, что уклоняешься... Перестанет получать за тебя бабло, как обычно — в два счета вытурит с «точки». А на твое место желающих — пруд пруди. Сама знаешь, из Молдовы девки едут, из Казахстана... А недавно, говорят, целый десант ивановских ткачих высадился на Ярославском...

— Бог им в помощь.

Во дворе, под окнами, раздался требовательный сигнал автомобильного клаксона.

— Дядя Коля уже приехал! — всполошилась Нина. — Живо собирайся!

— Никуда я не поеду, — жестко и раздельно произнесла Света.

— Ну и дура! Как дальше жить будешь?

— Какось буду.

— То-то и оно, «какось»! А жилье, питание, одежда? А покупать для матери инсулин? Честно тебе скажу, подруга: не надо было прыгать до хлопчика в койку! И еще: на «точке» больше тебя отмазывать не буду!

Хлопнула входная дверь, и вскоре снаружи взревела мотором отходящая машина.

Через некоторое время Света пришла к Дерибасову в постель и доверчиво приникла к нему.

Женские слезы всегда вызывали в Романе растерянное сочувствие и душевную боль; это шло из детства, когда отец, люто ревновавший красавицу жену, после очередного скандала исчезал из дома на несколько дней, и несчастная, подурневшая прима театра оперетты Лариса Берсенева, предварительно смыв с ресниц тушь, беззвучно рыдала перед трехстворчатым трюмо, как бы оценивая свое страдание со стороны.

— Я все слышал, — признался Дерибасов, неумело гладя любовницу по голове. — И не знаю, чем тебе помочь...

— Никто мне не поможет... Нинка правильно меня обозвала...

— Не верь. Ты умница, — успокоил Роман. — Да к тому же красавица.

Она уткнулась мокрым лицом в его шею и сквозь сдавленный плач произнесла:

— Была бы умница... не влюбилась бы... как дура...

— В кого? — словно по инерции спросил Дерибасов.

— В те-е-ебя... В кого ж еще... — заголосила она, и в следующее мгновение принялась отчаянно, ненасытно целовать его.

И тела их, уже вполне постигшие друг друга за последние две недели, с поспешной готовностью сплелись воедино.

Потом, умиротворенно лежа рядом, она погляживала грудь Романа чуткими пальцами и мечтательно говорила:

— Уехать бы с тобой в Шепетовку... Мама тебе понравится, хотя у нее и диабет... У нас собственный дом, сад и огород... Приготовлю тебе вареников с вишнями... А захочешь — ребеночка рожу... Будешь качать его в холодке под грушей... А я... если надо... обратно пойду в сцепщицы... А то разведем кролей... От них и мясо, и шкурки... Едят травку, а растут быстро... Ну а когда надоест — можешь меня бросить...

Дерибасов слушал все это, сознавая себя эдаким Дон Жуаном, удачливым соблазнителем и подлым обманщиком доверчивых женщин... Будущее представлялось ему долгим и увлекательным приключением, полным ярких встреч, творческих озарений и головокружительных сценических успехов. И разведение кроликов на окраине Шепетовки никак не вписывалось в это бурное действие жизни.

Орест Каледин

Авангардный театр располагался в бывшем клубе обанкротившегося завода «Красный металлист», и над аляповато-помпезным строением с колоннами в стиле советского ампира пульсировала неоновая вывеска «Театр Ореста Каледина».

Режиссер встретил Дерибасова в кабинете, обставленном аскетической офисной мебелью, и несколько «утепленном» развешанными на стенах фотографиями самого мэтра в состоянии задумчивости, а также сцен из спектаклей с преобладанием полуобнаженных молодых тел.

— Так вот вы какой! — почти радостно воскликнул Каледин явно заемной фразой и, перекинув через плечо пухистый красный шарф, проворно выбежал из-за стола и улыбчиво протянул Роману крепкую широкую ладонь. Был он полноват и приземист, редеющие завитые рыжие волосы мелко курчавились на его голове, а зоркие карие глазки, как показалось Дерибасову, мгновенно прострелили посетителя и притворно затаились под стрижеными бровями.

— Да уж какой есть... — смутился Роман. — Может, и не придусь вам, как говорится, ко двору...

— Правильно сделали, что позвонили! — бодро откликнулся Орест, изучая диплом Дерибасова. — Я люблю работать с продвинутой молодежью... — Он поднял голову и спросил, понизив голос: — Вам кто-то посоветовал... Или же... по собственной инициативе?

— По собственной, — слукавил Дерибасов, понимая, что упоминание о Ряднове может только испортить дело. — Столичные театры сейчас в упадке, а вы процветаете.

— Я процветаю, потому что говорю *новое слово* в искусстве сцены, — заметил Каледин, возвращая Роману документ. — А еще, потому что сумел создать коллектив единомышленников. Мы живем одной дружной семьей. Я никогда не подавляю актера. Добываюсь, чтобы он самостоятельно, через *работу души* осознал мою правоту... И знаете, с чего я начинаю воспитание молодежи? Я им говорю: забудьте все, чему вас учили в институте, в том числе и «систему Станиславского»! — И он дробно засмеялся, удовлетворенно потирая руки.

Дерибасов слушал, почтительно кивая и больше всего опасаясь вспугнуть робко забрезжившую надежду.

- Какие роли вы играли в студенческом театре?
- Мое амплуа герой-любовник.
- Вижу. Хорошо. Дайте что-нибудь из Шекспира.

Роман поспешил подняться, отошел на середину комнаты и, приняв удрученное, страдающее выражение лица, прочел один из монологов Гамлета:

О, если бы моя тугая плоть
Могла растаять, сгинуть, испариться!
О, если бы предвечный не занес
В грехи самоубийство! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих стремленьях!
О мерзость! Как невыполненный сад,
Дай волю травам — зарастет бурьяном.
С такой же безраздельностью весь мир
Заполонили грубые начала...

— Неплохо, молодой человек, — сдержанно похвалил Каледин, когда Дерибасов закончил. — Чувствуется, что вы не прогуливали занятий... Н-да... *Голое слово* — основа театра... Но и жест... Он может очень многое сказать... Посмотрим, каков вы в пластике...

Несколько минут спустя обнаженный до пояса Роман в новеньком черном трико, с которого Каледин оборвал бирку, уже стоял в центре репетиционного танцзала, отражаясь в зеркале во всю стену.

— Импровизируйте, — приказал режиссер, нажимая кнопку магнитофона.

Дерибасов сразу узнал музыку известного американского мюзикла «Кошки». Это была неожиданная и бесспорная удача. Спектакль Роман многократно прокручивал с друзьями по видеомагнитофону, знал наизусть, а его природные танцевальные способности, переданные с родительскими генами, да еще растяжки, полученные в каратэ, позволили ему выстроить гибкий, вкрадчивый и непринужденный хореографический номер.

Внезапно обрвавшаяся музыка сменилась негромкими аплодисментами мэтра.

— Какая милая киса... — проговорил Каледин, умильно выстраивая шалашиком подкрашенные бровки и ласково гладя Романа по спине. — Так и хочется дать ей молочка... Удалось, удалось, молодой человек... Я подумаю... Возможно, мы найдем общий язык...

Дерибасов поймал себя на том, что на радостях готов был расцеловать мэтра.

- Рассставаясь, Каледин напутствовал:
- Позвони мне через пару дней, Киса.

Визит мамки

— Почему мужчина в доме?! Я же категорически запретила приводить сюда клиентов! Развели тут бардак! Вы хотите, чтобы я села за содержание притона? — Она ворвалась в квартиру, открыв дверь своим ключом и нарушив мирное воскресное чаепитие ее обитателей за круглым столом в гостиной. — Вы этого хотите?! — Полные щеки визитерши пылали, второй подбородок негодующе дрожал.

— Альбиночка Петровна! — пояснила Люда, умоляюще прижав руки к груди. — Тут нет ничего такого... Я же вам говорила: мой племянник... Артист из Воронежа... Временно... Его берет в свой театр Орест Каледин...

Альбина Петровна рассстегнула просторный черный плащ, скрывавший рыхлые формы тучного тела, и уселась на свободный стул, широко раскинув оплывшие колени.

— Для начала пусть артист покажет документы, — строго проговорила она, закуривая и сквозь легкое завихрение дыма изучая Дерибасова пристальным взглядом узковатых, с лиловым оттенком, глаз.

Он же, в свою очередь, оценив свежесть ее лица, пришел к выводу, что Альбина Петровна, в сущности, молодая женщина и, похоже, работа с простиутками на свежем воздухе ей явно на пользу.

— Не извольте сумлеваться, госпожа! — ерничал Роман минуту спустя, предъявляя мамке (теперь уже не оставалось сомнений в профессиональной принадлежности дамы) паспорт и диплом. — Как есть, служитель Мельпомены... Нормы общежития блюду и плачу за пребывание исправно...

— Ну, театр я, допустим, люблю... — уже совсем мирно проговорила Альбина. — У Каледина в последний раз смотрела «Ревизор»... Очень смело и оригинально... Хотя психологических мотивировок, на мой взгляд, не хватает... Но, как вы догадываетесь, я пришла не для того, чтобы обсуждать с вами театральные постановки... Как человек современный, вы понимаете, что каждая из *моих девочек* должна приносить мне *реальный доход*?

— Это мы понимаем, чай, не с луны свалились, — согласился Дерибасов, продолжая оставаться в образе.

- Речь идет о *вашей Офелии*.

Это было так неожиданно, что Роман растерялся, в очередной раз отметив, насколько осведомлен подпольный мир Москвы о каждом из его обитателей.

Альбина достала из своей объемистой лакированной сумки блокнот и, пролистав его, сообщила:

— Вот неоправданные Светланы прогулы... А вот во что это вылилось... Семь смен, в среднем по пять клиентов... Умножаем на двести долларов... Насколько я понимаю, в эти дни она оказывала услуги вам, Роман Михайлович?

— Это... была любовь! — выкрикнула Света, закрывая лицо руками.

— Для тебя любовь, а для меня убытки, милочка, — холодно отметила мамка и назвала общую сумму долга. — По-твоему, я сама должна пойти на панель, чтобы расплатиться с хозяином квартиры, *водилой и крышей?*

— На панели вам наверняка заплатят вдвое больше, чем Свете, — не удержался от сарказма Дерибасов, намекая на комплекцию Альбины.

— Юмор оценила, — парировала мамка. — А теперь гоните бабки. Или хотите, чтобы вас *поставили на счетчик?*

При этих словах кто-то из подруг ахнул, и они всполошенно зашептались.

— Дело в том... — густо покраснел Роман, — что такими деньгами... сейчас я не располагаю. Но я обязательно расплачусь, честное благородное...

Девицы между тем озабоченно устроили лица и тихо прошуршали из гостиной.

— А ты малый с перцем, — констатировала Альбина, глубоко затягиваясь сигаретой и глядя на Дерибасова с загадочной усмешкой. — Не хочешь у меня поработать... мальчиком по вызову? Таких бабок тебе никакой Каледин не заплатит. Сначала, разумеется, проверю тебя сама. Неспроста же Светка из-за тебя потеряла интерес к работе.

Вернулись компаниянки и вручили мамке плотный конверт.

— Вот это другое дело, — удовлетворенно проговорила она, пересчитав деньги и небрежно бросив их в необъятную сумку.

Роман чувствовал себя опозоренным и раздавленным. Еще вчера в нем пребывал бодрый дух покорителя жизни, Дерибасов сыпал острыми и пушил павлиний хвост перед женщинами, а сейчас циничная толстуха из неведомого криминального мира указала ему его подлинное место нищего бродяги, за удовольствия которого вынуждены расплачиваться продажные женщины... Но самым удручающим явилось то, что, назвав количество клиентов, которое обслуживала Светлана за смену, Альбина убила и без того ненадежное чувство, которое теплилось у него по отношению к близкой женщине.

— Теперь у тебя, милочка, альтернатива, — обращаясь к поникшей Светлане, подвела итог встречи Альбина. — Или завтра же выходишь на точку, или собираешь манатки и выметаешься отсюда. Думай... А это тебе, артист, — подмигнула мамка, враскачу направляясь мимо Романа на выход и вручая ему свою визитную карточку. — Может, когда-нибудь побалуешь контрамаркой.

Позже, у себя в комнате, он прочел лаконичный текст на глянцевой картонке: «Альбина К. Зотова, кандидат психологических наук».

Секрет Яго

Как и договорились по телефону, Каледин подобрал Дерибасова на углу Нового Арбата. Несколько минут спустя его черная «Волга», управляемая пожилым шофером, повернула на Поварскую и остановилась возле знакомого уже Роману здания бывшего Театра-студии киноактера, ныне превращенного в развлекательный центр.

Работник гардероба Леонид Кириллович Рогаль-Левицкий — безупречный в своем форменном черном костюме с малиновыми лампасами — с почтительной вежливостью принял у гостей одежду.

— Желаем приятного отдыха, — напутствовал он, не выдав своего знакомства с Романом, чем несколько уязвил молодого артиста.

В это послеобеденное время в ресторанном зале было совсем немного посетителей. В глубине пустующей сцены одиноко чернело пианино да поблескивал никелировкой в ее центре шест для стриптиза.

Прежде чем сделать заказ официанту, Орест предупредительно заявил:

— Киса, не напрягайтесь. Я вас пригласил, я и плачу.

Это успокоило Дерибасова, и в дальнейшем, когда пили под семгу с лимоном греческий коньяк «Метакса» (с приходом демократии в Россию хлынул поток импортного алкоголя), к нему вновь вернулось ощущение своей удачливости и казалось почти чудом, что он, вчерашний провинциальный студент, запросто общается с самым модным столичным режиссером...

— Чтобы классика имела успех на сцене — необходимо ее современное прочтение, — рассуждал между тем Каледин. — Да, страсти человеческие остаются неизменными с древности. Но согласитесь, Киса, зритель времен шекспировского «Глобуса» и наш современник — это, как говорят в Одессе, две большие разницы! С тех пор люди прошли через искушения технического прогресса, падение авторитета Церкви с ее аскетической моралью, наконец, через сексуальную революцию... Чтобы донести до нынешней публики Шекспира, нужен совершенно новый сценический язык... — Он доверительно положил ладонь на колено Романа: — Вот вы, Киса, смогли бы сыграть Кассио?

— Я бы... конечно... постарался... — отозвался Дерибасов, ошеломленный такой перспективой.

— И по фактуре вы вполне подходите для этой роли... Как там у Шекспира: «Достаточно взглянуть: манеры, стан... Готовый, прирожденный соблазнитель»... Но в чем главный конфликт трагедии?

— Известно, в чем. Яго подставляет Кассио... Потому что Отелло назначает не его, а Кассио на должность своего лейтенанта.

— По шекспировскому тексту такая трактовка вполне логична. «Три личности с влиянием предлагали меня на лейтенантство. Это пост, которого, ей-богу, я достоин!... — припомнил Каледин. Но помилуйте! Жена Яго Эмилия находит на полу платок Дездемоны и передает мужу. Тот подбрасывает находку Кассио. Любовница Кассио Бианка возвращает платок ревнивцу Отелло... И каков итог? Дездемона задушена, Отелло умирает, Яго убивает Эмилию, Кассио ранен в ногу, он же убивает Родриго... И вся эта громоздкая, кровавая многоходовка лишь из-за того, что поручик Яго хотел бы стать лейтенантом?!

— Выходит, так... — неуверенно проговорил Роман.

Когда после холодных закусок был подан дымящийся стейк (новинка капиталистической кулинарии), Каледин, в очередной раз плеснув коньяк в тяжелые хрустальные стаканы, негромко спросил:

— Вам известны отношения Шекспира с графом Саутгемптоном?

— Я что-то читал... Он посещал дворец графа... Но малоизвестный в ту пору актер и сочинитель терялся в толпе именитых гостей... Кажется, так...

— Не совсем так, — усмехнулся Орест. — А точнее — совсем не так... Ну да ладно... Вернемся к нашим баранам. Вспомните слова Яго о мавре: «Да, да. Он выдвигает лишь *любимцев*, — с нажимом произнес он. — А надо повышать по старшинству». Эта фраза — ключевая в постижении истинных мотивов поведения Яго, чисто фрейдистское откровение! Вспомните: «Я на глазах Отелло спасал Родос и Кипр и воевал в языческих и христианских странах»... Любовные отношения между солдатами были в порядке вещей еще в Древней Греции и Риме. Считалось, что это сплачивает войско, развивает дух боевого братства... Калигула, Нерон... Да о самом великом Цезаре говорили: «Он муж всех жен и жена всех мужей»...

От выпитого коньяка окружающая Дерибасова реальность уже утратила подробности деталей и была пронизана исходящей от Каледина эманацией доброты и некоего высшего знания. Убаюканный речами Ореста, он безвольно плыл по волнам его логических построений, изо всех сил стараясь не показать мэтру, насколько опьянел.

— Похоже, сам Шекспир пытается утаить главный конфликт трагедии, — долетал до него будто издалека вкрадчивый голос Каледина. — Потому-то сам Яго по-разному объясняет смысл своих поступков: то обидой, что обделен по службе, то ревностью к мавру по поводу Эмилии... и даже собственным вожделением к Дездемоне... Можем ли мы осуждать человека, если он любит иначе?.. А разве музыка великого Чайковского меркнет оттого, что композитор был влюблён в юношу?.. Э-э-э, молодой человек, да вам не помешает чашечка крепкого кофе... Офицант!

— ... вполне, — вскинулся Роман. — Я могу много выпить...

Каледин расплатился за стол и, взглянув наручные часы, поспешно проговорил:

— Убегаю. Меня уже ждут в театре. — И, дружески похлопав Дерибасова по плечу, добавил: — Позвони мне завтра к вечеру, Киса.

От кофе Роман немного пришел в себя, и все же в туалете его вырвало.

«Рыгалетто», — констатировал он. — Но я молодцом. Я в форме. Я не опозорился перед мэтром», — внушал он своему отражению в зеркале, умывшись и тщательно причесавшись.

В гардеробе невозмутимый Рогаль-Левицкий накинул ему на плечи плащ.

— Обещал, что будете играть Кассио? — тихо спросил он, наклонившись к уху Дерибасова.

Роман от этого вопроса окончательно пропрезвел, и его осенила запоздалая, постыдная догадка.

— Бегите от него, — шепнул Леонид Кириллович.

Прощание

Сидели в дешевом, похожем на аквариум, кафе на Земляном валу. В ногах у них стоял Светин чемодан на колесиках и наспех собранная спортивная сумка Романа.

Гонимые ветром рыхлые снежинки косо прочерчивали стекло, отделяющее теплый уют помещения от уличной непогоды, медленно истаивали и стекали вниз слезными извилистыми струйками. От этого наружный городской пейзаж казался Дерибасову неустойчивым и размытым, а люди в нем — неодушевленными носителями загадочных и непостижимых траекторий движения.

«И у всех у них есть жилье», — с тоской и завистью подумал он.

— Коньяк балованный, — заметила Светлана, ставя на пластиковый стол выпитую рюмку.

— Сейчас все балованное, — мрачно поддержал Роман.

— И... мы с тобой... тоже? — В ее серых заплаканных глазах робко промелькнула надежда.

— Не знаю... Не знаю, Светик, — честно признался он. — Но то, что ты вынуждена из-за меня... Я так виноват...

— Не парься. — Она накрыла его руку маленькой прохладной ладошкой. — Мне давно осточертела эта хрюнова Москва... и все остальное... Да и за мамой соскучилась... А вот ты зря сорвался с места. Мог бы еще пожить целую неделю, девочки не возражали.

— Хочу еще выпить.

— Я тоже.

— Долг им обязательно выплачу.

— Да они с тебя и не требуют.

— Не альфонс же я какой-нибудь...

— Ты такой умный, Ромочка... такой красивый... Мне кажется, мы больше никогда не увидимся.

— Перестань, Светка. А то я тоже заплачу.

Чтобы не раскраснеться, он смотрел на ее припухшие, выразительно накрашенные губы, вспомнил о пяти клиентах за смену, и ему почти удалось с собой справиться.

— Ты такой красивый... — повторила она. — И эта толстая сука Альбина положила на тебя глаз. Я все видела. Даже визитку свою дала.

— Пошла она к черту.

— Знаю, что будешь ей звонить. А потом она трахнет... тебя... — Она отвернулась от него, достала из-под ручных часиков носовой платок и стала промокать глаза.

В училище театральные наставники рекомендовали ему внимательно наблюдать и анализировать текущую жизнь, отслеживать человеческие привычки, поступки и эмоции, чтобы после, из выловленных деталей, лепить достоверные сценические образы. И сейчас состояние Светы, которое Роман в силу профессиональной привычки втайне отслеживал, привело его в замешательство. Публичная женщина, обслужившая уже не одну сотню клиентов, прежде получавшая от этого удовольствие, ревновала его! В нем же эта ревность вызывала подлое и тщеславное чувство своей неотразимости... Где тот Шекспир, который разберется в хитросплетениях современной жизни?

Кабачок, кабачок, тоненькие ножки,
Красные сапожки...
Мы тебя кормили, мы тебя поили,
На ноги поставили, танцевать заставили... —

тоненько запела Светлана, подперев щеку ладонью. — Я была воспитательницей в детском садике «Солнышко»... — припомнила она. — До перестройки. Их у меня в группе было двадцать восемь малышей... И все такие разные... Могла даже представить, кто кем станет, когда вырастет... Вчера пришло: возвращаюсь в Шепетовку, а они бегут на встречу...

— Может, так оно и будет?

— Да ладно тебе... Советские времена никогда не вернутся. Хотя по-прежнему мой адрес: Советская, пятьдесят четыре... Запиши. Может, черкнешь письмечко.

— Обязательно, — заверил Дерибасов. — Я запомнил. Память у меня хорошая.

— Да хватит брехать... И провожать меня не надо.

— Как это?.. — не понял Роман.

— До Киевского Аркадий Борисович подбросит. Он уязвленно замолчал.

Вскоре возле кафе остановились малиновые «Жигули», отблескивающие обильной влагой в уличном вечернем свете. Аркадий Борисович оказался шустрым полноватым стариком в кожаной куртке и пижонской клетчатой кепке с помпоном.

— Спасибо, молодой человек, что помогли Свете, — поблагодарил он, принимая от Дерибасова ее чемодан и запихвая в багажник.

Автомобиль тронулся. Прощальный жест Светланы бледно качнулся в заднем стекле и растаял в промозглых сумерках.

Роман помахал вслед с предательским чувством высвобождения.

Вокруг фонарей круглились просекаемые мелким дождем неустойчивые нимбы и отражались в черном асфальте.

Теперь надо было подумать о себе. Он вновь оказался без крыши над головой, без надежды на театральную карьеру, в полном одиночестве посреди чужого и чуждого города. И к тому же у него насквозь промокли ботинки.

Неожиданная Светлана

Утром он не смог попасть на свое «рабочее место»: подземный переход оказался перегорожен подрагивающей на сквозняке пестрой лентой, и молоденький милицейский сержант объявлял в мегафон:

— Граждан! По техническим причинам проход закрыт! Пользуйтесь соседним переходом! Повторяю...

На широкой лестнице переминалась, обсуждая событие, кучка обитателей перекрытого тоннеля и просто зевак. Дерибасов, осторожно протиснувшись между ними, спустился на нижнюю ступеньку и увидел в сумраке подземелья, на бетонном полу, темную лужу крови.

— Кармана нашего замочили, — негромко пояснил худой прокуренный работяга, хозяин «торговой точки» по изготовлению ключей. — Ничего не взято — ни денег, ни часов. Видать, свои. Конкуренция, мать их...

— Еще бы... такое доходное место, — поддержала грузинка Манана. — Жалко человека... С ним можно было договориться.

— Ну да, — согласился металлист. — К этому мы привыкли, а новый три шкуры станет драть.

Кто-то легонько тронул Романа за плечо, и, обернувшись, он оторопел, не сразу признав Светлану в элегантной, умеренно накрашенной женщине, голову которой покрывала модная косынка-банда, а достоинства фигуры выгодно подчеркивало длиннополое кожаное пальто.

— Я уж испугалась, что не найду тебя, — смущенно улыбнулась она. — Пришла, а тут такое...

— Уже... вернулась из Шепетовки? — несколько пришел он в себя, когда вышли на улицу.

— Я и не уезжала.

— Как так?

— В тот раз... по пути на вокзал... Аркадий Борисович уговорил. Сын с семьей уехали в Израиль, Абаша остался один. Я и согласилась... Прибраться в квартире, готовить обед. Навроде горничной. Вот и сейчас... пошла на рынок.

Тут только Дерибасов обнаружил в ее руке объемистую хозяйственную сумку.

— Проводишь меня на Дорогомиловский?

Они прошли вверх по Земляному валу, преодолевая тугой напор встречного ветра, в котором уже угадывалось предвестие близких морозов.

— Ну и холодыга, — заметила она, поднимая воротник. — Ты-то где обретаешься?

— Днем, как обычно, в переходе. А сплю в кооперативной ночлежке на Покровке.

— А что Каледин?

— Пошел он к черту.

— Аркадий Борисович сказал, у него там все гомики.

В метро они доехали до «Киевской». В переполненном вагоне их притиснули друг к другу; Роман ощутил кроткое плотское желание и чуть было не поцеловал Светлану в щеку, от которой исходил тонкий, горьковатый, такой знакомый аромат.

С рынка он нес ее переполненную сумку к подъезду серого дома сталинской постройки на улице Платова.

— Ну... а как у него с «яйценоскостью»? — не удержался он перед расставанием.

— Дурачок... — Она с просветленной улыбкой погладила его по щеке. Потом вытащила из кармана вчетверо сложенный листок из школьной тетради в клеточку и протянула Дерибасову: — Позвони по этому телефону. Аркадий Борисович администратор кабаре. Я о тебе ему рассказывала.

Яма

Заведение занимало отреставрированный особняк в стиле модерн на Остоженке. За его оконными коваными решетками горел приглушенный красноватый свет и дробными бликами отражался в кузовах дорогих иномарок, припаркованных поблизости.

«КЛУБ ГРЯЗНЫХ ЭСТЕТОВ «ВВЕРХ НОГАМИ», — прочел Дерибасов на гравировальной доске у входной двери. Похожий на дворника былых времен бородатый швейцар в косоворотке, kleenчатом фартуке и сапогах долго не пропускал Романа, отшивая крутые матерки по поводу отсутствия у него «дисконтной карты», пока откуда-то из глубин помещения не вывернулся расторопный Аркадий Борисович со словами:

— Пошел в ж..., Дорофея! Это ко мне!

Дерибасова поразило, что его вечерний смокинг с галстуком-бабочкой сочетается с полосатыми пижамными брюками и фирменной белой фуражкой с клубным «крабом».

— Так бы, ёпересете, и сказали... — недовольно прогудел борода.

— Не обижайтесь на него, Роман, — пояснил Аркадий Борисович, когда по витой мраморной лестнице поднимались на второй этаж. — У нас ведь закрытый клуб. Исключительно для vip-персон.

Кабинет Варшавера (так значилось на дверной табличке) обставлен был случайной, разномастной мебелью; роспись стен стилизована под «сортирную живопись» общественных туалетов, а керамические фигурки на полках имели непристойный характер.

— Самое интимное московское гнездо, — заметил Аркадий Борисович, усаживаясь в кресло и по-

американски закидывая ноги на общарпанный письменный стол. И, отстригая кончик сигары (Дерибасов от угощения вежливо отказался, поскольку не курил), продолжил: — Что такое была наша прежняя жизнь? Чинная прогулка по идеологическому Парку культуры, где девушка с веслом соседствует с гипсовыми бюстами вождей, а киоски мороженого с витриной сатиры, где клеймят пьяниц под заголовком «Они мешают нам жить»... А сейчас, мой дорогой, мы посреди джунглей... — Он пустил к потолку раструб дыма. — Все жрут друг друга, повсюду хруст костей, вопли поедаемых и сытое урчание удачливых охотников... Но и для хищников нет гарантии, что выживут... Дикий российский капитализм изнурияет нервы как побежденным, так и победителям... И только у нас каждый может *оттянуться* по полной и снять стресс. Улавливаете мою мысль?

Роман поспешно кивнул.

— Открою вам маленький секрет: после рассказов Светланы я одним глазком взглянул на ваше выступление в подземном переходе. Именно поэтому вы здесь.

«На гомика не похож... — успокоился Дерибасов. — К тому же Светкин клиент...»

— Иных интересов у меня к вам нет, — признался Варшавер, словно прочтя мысли Романа. — Завтра устроим вам просмотр, а сегодня введу вас в атмосферу заведения.

Потом они сидели неподалеку от сцены за пластиковым столиком времен советских «забегаловок» — в прокуренном, ухающем музыкой зале, где в танцевальном круге сомнамбулически вихлялись пары. Прямо перед собой, на просциениуме, Дерибасов видел огромный женский бюст из папье-маше с бутылками шампанского вместо сосков. Рядом розовела нижняя часть туловища с широко раскинутыми бедрами; над пупком синела неопрятная тюремная татуировка «Вот что нас губит» и черная стрелка указывала на выполненные весьма натуралистично органы сладострастия.

Повиливая пышными бедрами, к ним подошла официантка в крохотном бикини и с копной лиловых волос. «Оргазмова Вагина», — значилось на ее табличке, приколотой к бретельке лифчика.

— Можешь ее полапать, — разрешил Варшавер, переходя на «ты», пока девушка, по-кошачьи прогнувшись, наливалась им водку из помятого алюминиевого чайника в граненые стаканы.

Прикинувшись видавшим виды распутником, Роман решительно вынул налитую грудь девицы из мелкой чашечки лифа и припал к ней губами.

Таексуально застонала.

— Вот теперь понятно, почему от тебя Света без ума! — поощрительно хохотнул Аркадий Борисович.

В дешевом пластмассовом стаканчике топорчились бумажные салфетки. Рядом со стеклянной солонкой белела табличка: «Яйца и пальцы можно макать». Вилки были алюминиевые, а еда подавалась в «общепитовских» металлических тарелках времен

развитого социализма. Все это нарочитое убожество реквизита никак не вязалось с обилием изысканных блюд, подаваемых улыбчивой Вагиной.

— Феттучине с белыми грибами под соусом из сливок, — пояснял Варшавер в процессе поедания деликатесов. — Линчвини с омаром и лососем в розовом перце... Ягненок на косточке в соусе «бароло»...

Водка из чайника оказалась очень мягкой и имела незнакомый ароматный привкус. Помня ресторанную встречу с Калединым, когда не рассчитал своих возможностей и явно перепил, Дерибасов употреблял спиртное умеренно, понимая, что застолье это может быть и своеобразным испытанием (не алкоголик ли?). Тем более что, превознося достоинства обожаемой им итальянской кухни, Варшавер изредка бросал на визави пристальный, изучающий взгляд и как бы мимоходом задавал вопросы о воронежской жизни Романа.

Официантка шепнула что-то Аркадию Борисовичу на ухо, и он поспешил подняться, похлопав Дерибасова по плечу:

— Отдыхай, впитывай атмосферу... Я ненадолго отлучусь.

— Красавчик хочет чего-нибудь еще? — играво спросила Вагина, протягивая Роману меню. — У нас можно не только выпивать и хулиганить!

«Дамы и господа! — прочел Дерибасов предваряющий перечень блюд и напитков текст. — Мы рады приветствовать вас в «Клубе грязных эстетов»! Здесь вам позволено: курить, плевать на пол, материться, раздеваться догола, щупать официанток, блевать на стол. За отдельную плату можете заказать медицинскую утку, чтобы отлить, не сходя с места; вам принесут гнилые помидоры для атаки выступающих артистов; можно прогулять на поводке стриптизерку, и она вылакает собачью миску шампанского «Вдова Клико»...

Ниже приводилось тридцать нецензурных выражений, которые разрешалось употреблять в общении с ресторанной обслугой, а клиент, сумевший превзойти список, подлежал особому премированию.

Одуряющее ухала музыка. Ее перекрикивал птичий базар возбужденных человеческих голосов. В воздухе клубился сизый дым, сквозь который лица пирующих показались Роману персонажами гойевских «Капричос».

«С волками жить — по-волчьи выть», — пришло в голову Дерибасову.

Он налил себе из чайника и выпил, закусив уже остывшим ягненком в соусе, после чего несколько замутненным взглядом принял профессионально изучать посетителей заведения.

Он заметил известного нефтяного магната Раиса Ниязова, который пировал с двумя эскорт-девицами — блондинкой и брюнеткой. Захмелевший олигарх косил глазами сильнее обычного и поочередно лобзал спутниц.

Раскрасневшийся, с расстегнутым воротом и спущенным галстуком, адвокат Арсений Кудряш, признанный златоуст «Межрегиональной группы» демократов, который своими пламенными речами помогал вхождению Бориса Ельцина во власть, потрясая пустым чайником и стараясь перекричать матерный гомон соседей, призывал официантку:

— Сука помоечная! Где тебя носит, курва?! У меня водка кончилась!

Узнал Роман и расположившуюся в уютном уголке поодаль от танцующих знаменитую в прошлом исполнительницу роли Джульетты в кино Екатерину Парщикову — дебелую даму в глубоком декольте. Она сидела со своим неизменным Ромео — прежде любовником, а ныне гражданским мужем, драматургом Кимом Огарковым, тощим субъектом с плоскими волосами и кривым подбородком. Как свидетельствовала желтая пресса, с приходом капитализма супруги впали в тоску невостребованности, а ныне обрели второе дыхание, открыв эротический театр «Ешё». Они рекламировали стиральный порошок «Лель» и позировали гламурному журналу в апартаментах своего загородного особняка. Сейчас, судя по всему, Огарков читал жене свою новую пьесу, она же слушала, бесстыдно разминая извлеченные из-под декольте груди.

Воспитанный на «правильной» советской морали, неизменный отличник по всем предметам, Роман Дерибасов понимал, что все творящееся здесь — пошлость и непотребство. Но сознание того, что он неожиданно допущен в общество известных людей, которых прежде мог видеть разве что на экране телевизора, как бы снижало это непотребство до шалости. И в его чуть захмелевший разум ядовитой змеекой вползала мысль о своем избранничестве...

С шуршанием раздвинулся желтый занавес с изображением серпа и молота. На эстраду выметнулся Ленин в традиционной кепке и с болтающимся полуметровым пластиковым членом. Под известный хит о сексуальной революции, завезенный в Россию популярной шведской группой «Армия любовников», крупная стриптизерша в кожаном боди и хлыстом в руке занялась с вождем пролетариата садомазохистскими играми, в результате чего «родила» куклу в слюнявчике с красной звездой, оранжевыми волосами и бородкой клинышком. Сцена погрузилась во тьму, после чего в ярком круге света на месте «новорожденного» оказался невысокий полный мужчина, похожий на него, как две капли воды.

— Гарик Мовсесян, — раздался рядом с Дерибасовым голос возвратившегося Варшавера. — Гениальный парень. Наше кабаре — полностью его идея.

— Тот самый Мовсесян... — поразился Роман, — что возглавлял в КВН* команду Еревана?

— Именно!

* КВН — Клуб веселых и находчивых, популярная в СССР телепередача.

— Здравствуйте, дамы и господа! — с легким южным акцентом проговорил Мовсесян. — Как вы уже догадались, с вами на всю ночь ваш любимиц Гарик! Сразу хочу предупредить: все слухи о том, что в нашем клубе случается мат, — полная х...ня! Тут не ругаются матом, тут матерно разговаривают!

Публика захлопала и завизжала от восторга.

— Сейчас перед вами выступит стрип-группа «Блевотина»! Если хоть одна из этих целлюлитных, трипперных прошмандовок привлечет ваше внимание — ловите ее за кулисами и требуйте услуг в соответствии с прейскурантом! Лично я в такие игры не играю, жена называет меня мопедом! Потому что у меня два такта и вприск!

Между тем выпорхнувшие на сцену девушки были весьма соблазнительны и раздевались с грациозной непринужденностью.

— Нравятся? — поинтересовался Аркадий Борисович. — Если у нас приживешься — со временем сможешь снять любую, и совершенно бесплатно!

То ли водка была слишком крепкой (а Варшавер все подливал), то ли оказались прежние полуголодные дни, — но где-то после полуночи Дерибасов понял, что не выдержал характера и вновь перепил.

В туалет можно было попасть лишь через сцену, и всякий, кто возвращался из него, делался добычей неугомонного Мовсесяна, который тут же цеплялся со своими сальностями, вынуждая на ответную материшину, указанную в меню. Преградил он путь и Роману, бесцеремонно ухватив за рукав и пояснив публике:

— Наш гость — талантливый молодой пародист Роман Дерибасов, который только что пообщался со своим самым близким другом! Зададим вопрос: как его друг относится к поганым мокрощелкам, не боится ли он получить от них насморк?

То, что произошло с Романом дальше, было бесшабашным хмельным озарением.

— Да как сказать, понимаешь... — отозвался он голосом президента Ельцина и, вспомнив студенческие забавы (выигрывал тот, кому удавалось составить самую «многоэтажную» матерную фразу) — выдал ответ, на который зал отозвался ревом одобрения, топотом и свистом.

— Роман выиграл в нашем конкурсе! — ликовал Гарик. — Он победил! Ему полагается приз!

Все дальнейшее утратило в сознании Дерибасова событийную целостность, разбилось на стоп-кадры, между которыми зияла пустота.

Врученная ему надувная кукла беззвучно приветствовала его широко открытым малиновым ртом. Ведущие со сцены ступеньки качались, будто на волнах. «Молодец! Просто молодчина!» — хвалил голос Аркадия Борисовича. У микрофона хрюпал под гитару нецензурный певец Алексей Веревкин. «М...ки, напоили парня», — гудел совсем рядом швейцар Дорофей, и его уверенные сапоги шагали рядом с Романом, поднимаясь по лестнице и не давая упасть. Мгновенно вспыхнувший свет высветил непристой-

ную роспись стен, и Дерибасову вслед за этим показалось, что он рухнул во тьму привокзального загородного сортира.

Хмурое утро

Пробудился он с покаянным осознанием какого-то вчерашнего непристойного поступка, допущенного в пьяном виде. К душевным мукам добавлялись физические: ломило затылок, во рту было гадко и сухо, а перед глазами плавали темные мушки. «Лучше бы я умер маленьким», — с тоскливым самоосуждением подумал Дерибасов, тщетно пытаясь восстановить в памяти события прошлой ночи. Пасмурное осеннее утро недвижно висело в комнате и пахло застарелым табаком. Бронзовая статуэтка на письменном столе Варшавера изображала сатира и нимфу в слепом экстазе соития. «Оргазмова Вагина, — всплыло в памяти Романа. — Кажется, я ее тискал»... И тут он обнаружил рядом с собой аккуратную головку блондинки. «Еще и это!» — оторопел Дерибасов. Вкрадчиво, чтобы не разбудить спящую, он коснулся оголенного бедра женщины и ощутил безучастный холдок неживого тела. «О горе! Дездемона! Дездемона! Мертвa! О! О! О! О!» — в ужасе Роман вскочил с дивана и сразу узналекс-куклу, подаренную ему, кажется, за удачное выступление.

Его утренние терзания вдруг обернулись фарсом, и он с дурашливым ликованием продекламировал, валяясь под бок надувной женщины:

С прощальным поцелуем
Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру!

— Я помешал утреннему сексу или репетиции?

В дверях стоял свежий, улыбающийся Гарик Мовсесян с влажно зачесанными волнистыми волосами и держал перед собой пластиковый поднос с бутербродами, солеными огурцами и запотелым графинчиком.

— Кажется, вчера я вас оскорбил... — смущился Дерибасов.

— Если бы ты меня оскорбил, Варшавер выбросил бы тебя на улицу, — отозвался Гарик, ставя принесенное на стол, — а он предоставил тебе свой кабинет. И давай... без этих... церемоний.

— Мне так неволко... — повинился Роман, присаживаясь за стол напротив неожиданного утреннего гостя. — Вчера крепко перебрал.

— Так все и приходят к нам, чтобы перебрать! — засмеялся Гарик. — А ты даже не проблевался, что допустимо правилами клуба.

И он разлил водку в знакомые уже Роману гранные стаканы социализма.

— Я... вообще-то... не опохмеляюсь... — признался Дерибасов.

Мовсесян иронично вскинул густую черную бровь:

— Тут, брат, всему научишься! А если серьезно — сейчас ты никакой, а мне нужно, чтобы был живчиком. Через час у нас с тобой прослушивание.

Выпив водку через силу, почти с отвращением, несколько минут спустя Роман поразился своему чудесному возрождению: головной боли как не бывало, тягостная душевная муть выпала в осадок, осветлив существование разума. Теперь вся жизнь представилась Дерибасову средоточием не вполне осмыслилого, но очевидного и обнадеживающего оптимизма.

В этом настроении он и явился на прослушивание в зрительный зал кабаре, где репертуар должны были оценить режиссер Гарик Мовсесян, главный администратор Варшавер и швейцар Дорофей, который, сняв парик и бороду, на самом деле оказался артистом театра имени Маяковского Игорем Тепляковым, тихим лысым человеком с печальными глазами Пьера.

Подогретый алкогольными парами, Роман чувствовал себя раскованно и работал с удовольствием. К сочиненным им сценкам, в которых действовали современные российские деятели политики и культуры, он добавил пародии на эстрадных артистов, изобразив среди прочих самую яркую эстрадную звезду Анну Столыпину.

Аркадий Борисович откликнулся на его выступление аплодисментами. А Тепляков молчал, скептически морщась и покачивая ногой.

— А вы что скажете, Игорь Валентинович? — обратился к нему Мовсесян.

Тот пожевал губами и блекло ответил:

— Мне жаль, что такой бриллиант будет сверкать в нашем свинарнике.

Но у Гарика нашлись существенные замечания, которые он и высказал, приведя Дерибасова в свой крохотный кабинет, на стенах которого висели театральные афиши и копии светоносных картин Сарьяна.

— Пойми, старик! — горячо убеждал он. — С точки зрения репертуара и твоего исполнительского мастерства у меня почти нет претензий. Но твои пародии должны быть адаптированы к общей атмосфере кабаре!

— Что вы имеете в виду? — насторожился Роман.

— Тексты надо несколько огрубить. Привнести в них изюминку скабрезности... Насытить матершиной.

— Я вообще не люблю мат.

— А ты думаешь, я люблю?! К твоему сведению, я закончил филологический Ереванского университета и Высшие сценарные курсы в Москве! Владею, помимо матерного, английским, итальянским и французским! Но мат — это главный продукт, который мы продаем в нашем клубе и который хорошо покупается! Представь себе, что после наших голых стриптизерок и моих сраных конферансов на сцене появляется Майя Плисецкая со своим «умирающим лебедем»... Нонсенс? Абсурд?

— Боюсь, что не смогу... тем более, перед публикой... — усомнился Дерибасов.

— Искусство, как и красота, требует жертв! — воспалился Гарик. — Зачем ты... вообще... приехал в Москву?

— Я хотел бы сыграть Гамлета.

— Милый мой! Знаешь ли ты, что Сильвестр Сталлоне, прежде чем стать голливудской знаменитостью, снимался в порно и имел кличку «итальянский жеребец»? Что Мэрилин Монро начинала с обнаженки, а Мадонну до сих пор шантажируют фривольными фотографиями ее юности? Я когда-то тоже был худой, как ты, не имел ни кола ни двора и ставил перед собой высокие цели! А сейчас у меня толстый живот, загородный коттедж, «фиат», добрая, верная жена, две умницы-дочки и любовница с потрясающей задницей. Я понял, что все высокие цели — всего лишь литературная выдрочка писателей-классиков, их покаяние за собственную греховную жизнь. И сейчас вкалываю лишь для того, чтобы пить с друзьями на своей террасе хорошее вино, чтобы жене не приходилось считать копейки, чтобы мои дочери учились в престижном лицее, а роскошную задницу любовницы облегали шелка от французских кутюрье...

В конце концов сошлись на том, что в тексты дербибасовских монологов будут внесены не слишком обильные матерные вкрапления, иногда в форме намеков и недомолвок.

Донна Анна

Разговорную часть выступлений Дерибасова Гарик ставил в первом отделении шоу, когда публика была еще не слишком пьяна и могла осмыслить сарказм его пародий. После этого Мовсесян на целый час завладевал сценой, рассказывая скабрезные анекдоты, отпуская сальные шутки по поводу гостей (на что те отвечали предусмотренными правилами клуба непристойностями), а также комментируя прелесты стриптизерш.

За это время Роман успевал по крутой лестнице черного хода подняться в мансарду особняка, где усилиями Варшавера для него из бывшей кладовки была оборудована комнаташка с узкой тахтой, трюмо и даже небольшим холодильником «Морозко», которая служила пародисту и гримеркой, и жильем.

Договорившись с подругой по смене «на минуточку» подменить ее, к Дерибасову прибегала Оргазмова Вагина с бутылкой холодного шампанского, спрятанной под халатиком, накинутом поверх ее откровенной униформы.

Сбросив парик и все остальное, она представляла перед Романом в своем истинном облике хорошенькой смешливой блондинки Ланочки Орловой, третьекурсицы филфака МГУ, которая в Клубе зарабатывала на учебу. («Не идти же на панель!» — объясняла она, и ее выбор был понятен Дерибасову, который на последней странице популярной газеты «Столичный комсомолец» не раз мог прочесть объ-

явление: «Студентки. Недорого. Выезд в любое время суток».)

Эта связь была необременительна для Романа, Ланочка ему нравилась и не посягала на его свободу, а бурные воровские встречи обоим доставляли удовольствие.

Вздоренный вином и поцелуями, Дерибасов менял свой сценический костюм и проворно пускался вниз, чтобы перед выходом к микрофону понаблюдать из-за кулис, в каком состоянии публика перед вторым отделением шоу.

Первое, что бросилось ему в глаза на этот раз, была скандальная суета у первого ряда столиков, расположенных возле эстрады. Взволнованный, вспотевший Варшавер, умоляюще прикладывая короткие ручки к груди, увершевал сидящих там парней в малиновых пиджаках:

— Господа, поймите, это вынужденная мера! Для нас все посетители равны, но сложились форс-мажорные обстоятельства! В качестве моральной компенсации каждый из вас получит vip-карту Клуба, дающую право...

— Нас выше не колышит! — щетинились те, перемежая свое недовольство отборным матом. — Не по делу базар!

Аркадий Борисович, вытирая мокрую лысину носовым платком, наклонился к посетителям и что-то произнес негромким доверительным голосом.

Кратко посовещавшись, хмельные гости стали тяжеловато подниматься на ноги и в сопровождении Варшавера проследовали в центр зала, где и были размещены.

В закулисье к Дерибасову подлетел взъерошенный Гарик Мовсесян и, ошеломленно вращая глазами, зачастил:

— Ни в коем случае!.. Исключи пародию на Столыпину!.. Она уже в вестибюле! Она этого не любит! Она может что угодно!.. Лучше не связываться!..

В это время две официантки, соединив освободившиеся столы и покрыв накрахмаленной белой скатертью, проворно сервировали их хрусталем и столовым серебром.

Несколько минут спустя — сопровождаемая свитой — в зал величественно вплыла Донна Анна в своих свободных, развевающихся под струями вентиляторов, пестрых одеждах. Рядом с ней семенил, избыточно улыбаясь, Аркадий Борисович и делал приглашающие жесты.

— Что за показуха, блин?! — возмутилась Столыпина, увидев празднично накрытый стол. — У нас такое только что было в «Метрополе»! Убрать на хрен! Мне сказали, тут пьют из граненых стаканов и едят алюминьевыми вилками!

— Убрать хрусталь и скатерти к едрене матери! — живо срифмовал приближенный к Донне Анне поэт Павел Дзюба, коротышка в эпатажной желтой блузке а-ля ранний Маяковский.

Вся компания была явно навеселе и встретила очередной экспромт Дзюбы одобрительным хохотом.

С Павлом, которому она дала кличку Колобок, певицу связывали годы дружбы и творческого сотрудничества.

Подмосковная девушка Аня Столыпина закончила в родной Балашихе музыкальную школу, а в Москве — единственное в Союзе цирковое училище, после чего атлетически сложенная молодая актриса стала выступать в группе акробатов в качестве *партерной*, удерживая на плечах пирамиду из четырех человек. В красавицу силачку среди прочих в труппе был влюблен и массажист Дзюба, который втайне писал посвященные ей стихи, даже не мечтая о взаимности. Все круто изменилось во время гастролей в братской Чехословакии, где Анечка потянула мышцы спины. Павел поставил ее на ноги буквально за два дня. Благодарная акробатка, разнеженная массажем, *сituativno* отдалась спасителю прямо на медицинской кушетке. Это больше никогда не повторилось, но вызвало в поэтической душе Дзюбы мощный всплеск вдохновения, что вылилось в стихи с тоской о невозвратном счастье любви.

Явление певицы Столыпиной народу произошло в застойные брежневские годы благодаря телевизионщикам, придумавшим новогоднюю программу «Звезды эстрады в цирке и звезды цирка на эстраде». Яркая внешность Ани и ее низкий грудной голос произвели в публике такой фурор, который даже затмил неизменный успех чопорной польской красавицы Эдиты Пьехи.

С тех пор началось ее стремительное восхождение как новой звезды эстрады, и, несмотря на крутой и вздорный характер, вскоре Анна стала любимицей не только простого народа, но и властей, которые порою даже приглашали Столыпину на свои закрытые дачи. Ее дерзкие выходки на сцене и в общественных местах нередко попадали в рубрику «Происшествия» советских газет, так что, можно сказать, Донна Анна во многом способствовала рождению той самой желтой прессы, что распустилась в новой России пышным, дурно пахнущим цветом. Что же касается Павла Дзюбы, то он со временем сделался верным спутником певицы как массажист и автор текстов ее главных хитов, рифмую не только любовные перипетии Столыпиной, но и все ее перемещения по жизни.

Сейчас в щелку между занавесом и кулисой Дерибасов видел, как расторопные официантки заменили для высокой гостьи сервировку стола, а затем рядом с Донной поднялся со стаканом в руке рослый длинноволосый красавец в белом смокинге и улыбчиво начал произносить что-то там в ее честь. Это был новый фаворит эстрадной дивы модный столичный стриптизер Данко.

— Знаю, что врешь! — громко окоротила его Столыпина. — А все равно приятно. Лесть я люблю, иначе не таскала бы всех вас за собой! — И, за галстук притянув парня к себе, сковала его затяжным поцелуем.

Свита отзывалась аплодисментами и криками «горько!».

Анна выудила Данко из московского ночного клуба «Парадиз», где любили кучковаться бездельные жены миллионеров, уже обучила его вокалу и дала высокий статус гражданско-го мужа. Впрочем, как показала жизнь, едва новоявленный супруг начинял петь с Донной дуэтом, брак неизменно распадался. Желтые газеты и журналы плотоядно набрасывались на такую новость, обыватели судачили о ней в автобусах и метро, а Павел Дзюба сочинял для Столыпиной очередной шлягер о коварстве любви.

Когда Гарик объявил его номер, принятное шампанское еще играло в Дерибасове, и он, не смущившись присутствия именитой гостьи, размашисто вышел на сцену как человек, хорошо знающий свое дело. К счастью, в зале помимо хамоватых нуворишей и их размалеванного, жеманного женского сопровождения всегда присутствовала какая-то часть творческой интеллигенции. Эта публика в любом состоянии откликалась на выступления Романа, более того, он уже стал ее любимцем.

Хмельная же и шумная компания Донны Анны, казалось, вовсе не обращала внимания на музыкальные пародии, которые исполнял Дерибасов. Известный московский гей Сякин, танцор по кличке Муся, с показной страстью пытался облапить «силиконовую женщину» Мазду за ее огромную грудь, а та кокетливо шлепала его по рукам. Забравшись на колени к Столыпиной, придворный шут Шкет, потряхивая бубенцами красного колпака, что-то нашептывал ей на ухо, и та закатывалась от хохота. Произнесенные вразнобой тосты в честь Донны закончились тем, что Дзюба взъерошенным петушком набросился на вальяжного Данко и даже вцепился в лацканы его смокинга. Желая охладить пыл соперников, Столыпина принялась со смехом лить из чайника водку на их головы...

Дерибасов уже заканчивал выступление, когда заметно отяжелевшие приближенные Донны Анны начали неустойчиво подниматься, оставив после себя на столе раздавленные окурки, почти не тронутую закуску и лужицы водки.

Роман уже раскланивался перед публикой, когда вставшая в полный grenadierский рост Столыпина со Шкетом на руках ткнула в сторону пародиста наманикюренным пальцем, похожим на коготь, и громко произнесла:

— А он мне понравился!

Хозяин

— Ты и вправду испанец? — поинтересовалась Ланочка Орлова. Лежа в постели рядом с Дерибасовым, она потягивала шампанское и пребывала в доверчивой кошачьей разнеженности удовлетворенной женщины. — Темперамент у тебя просто супер...

— Испанцем был мой отец, — с ленцой отзвался Роман. — Мигель Дерибас.

— Почему «был»? Он что — умер?

— В восемьдесят третьем уехал навестить родную Барселону, да так и не вернулся. Мне было уже тридцать.

— Бедненький ты мой... — Она сочувственно погладила его по голове.

На прикроватной тумбочке в каморке Романа теплился красноватый ночник; свет его круглился у изголовья тахты и не достигал окна, где таился фиолетовый густок зимней ночи, крапленный ветреной сумятицей снегопада. С улицы долетало приглушенное урчание проходящих автомобилей, но звуков разгульной жизни Клуба, которые порой мешали Дерибасову уснуть, слышно не было: сегодня заведение закрылось на VIP-прием, и у юных любовников выпал выходной.

— Я не очень огорчился его отъездом, — признался Роман. — Родители постоянно скандалили, так что у меня не было счастливого детства.

— Бедный, бедный сиротка... Ведь когда тебя любят родители — это так классно... Особенно, когда ты поздний и желанный ребенок. Мама родила меня в тридцать шесть, а до этого десять лет ходила по врачам.

— Она ходила не зря. Ты потрясающая девчонка.

Он ощущал крутой подъем нового желания, и Ланочка с покорной готовностью раскрылась ему на встречу.

Позже — раскрасневшаяся, едва переведя дух после всплеска страсти, она проговорила, потянувшись к нему наполненным бокалом:

— За тебя, идальго. Ты бесподобный любовник. Жаль, что не любишь меня... по-настоящему.

— По-настоящему — это как?

— Это — когда на всю жизнь.

— «О женщины, вам имя вероломство!» — шутливо продекламировал Дерибасов «Гамлета». — Ты хотела бы завладеть моей свободой, детка?

Она приподнялась на локте, нависая над Романом, и проговорила с лукавым прищуром:

— А если бы я сказала, что беременна? Как бы ты поступил?

— Сперва я бы испугался, — отшутился Дерибасов. — А потом спросил: «От кого?»

В дверь торопливо постучали, и за ней раздался приглушенный голос Гарика Мовсесяна:

— Роман! Срочно! Тебя хочет видеть хозяин!

Ланочка тихо вскрикнула и юркнула под одеяло, накрывшись с головой.

Спустя несколько минут Гарик пояснял скачущей скороговоркой, спускаясь с Дерибасовым по лестнице:

— У них деловая встреча... Обсуждают проблемы бизнеса... Никакой выпивки, никакого шоу... Но хозяин хочет, чтобы ты выступил перед его коллегами.

В зале не было ни одной женщины. За столиками сидели однообразно одетые в черные костюмы и белые сорочки мужчины кавказской наружности, вальяжно курили, и перед ними отсвечивали бутылки минеральной воды и кока-колы.

— Звезда нашего кабаре, любимец публики, неподражаемый подражатель Роман Дерибасов! — объявил Мовсесян.

Роман начал выступление со свежей репризы в стиле черного юмора, написанной им накануне: видные политические деятели России из противоборствующих группировок, очутившись в преисподней после выстрелов киллера, скандалят, борясь за теплые местечки на небесах...

В профессии эстрадного юмориста есть два важнейших правила: вниманием зрителя надо завладеть в самом начале номера, вызвать ту искру доверия, которая — по мере твоего выступления — порождает в зале неуправляемые приступы смеха от каждой твоей, пусть даже совсем банальной, фразы. Второе состоит в том, что любимцем публики в нынешних условиях нравственной вседозволенности становится тот, кто не брезгует шутками «ниже пояса».

Дерибасов неукоснительно следовал этим правилам, и его сегодняшний выход к трезвым и озабоченным после совещания кавказцам имел очевидный успех.

Его заключительные поклоны со сцены сопровождались их азартными аплодисментами, после чего присутствующие, обмениваясь репликами на родном языке, поднялись с мест и начали расходиться.

— Хозяин приглашает к себе, — сообщил Гарик, увлекая Романа за кулисы.

Владелец Клуба до сих пор оставался для Дерибасова фигурантой инфернальной: его имя порою с уважительной осторожностью упоминали сотрудники, властный дух его словно бы витал в помещениях особняка на Остоженке, но сам хозяин появлялся здесь крайне редко и доступ к нему имели лишь избранные.

— Его дом — его крепость, — шепнул Мовсесян, когда они очутились перед массивной сейфовой дверью без опознавательной таблички. — Пуленепробиваемые стены, система видеонаблюдения, тревожная кнопка... Можно выдержать месячную осаду.

Войдя, они оказались в небольшой комнате, богато обставленной темной мебелью с кожаной обивкой; оранжевый абажур малахитовой настольной лампы бросал мягкий свет на сидящего за столом крупного, коротко стриженного мужчину с мятymi ушами борца и отблескивал в его массивном золотом кресте, висящем поверх черной рубашки.

— Очень приятно, — ответил он на приветствие Романа плотным рукопожатием крепкой, неожиданно маленькой руки. И, когда вошедшие сели в мягкие кресла для посетителей, проговорил с легким южным акцентом: — Гарик-джан сказал мне, что в Клубе с вашим появлением увеличилось число посетителей.

— Так и есть, дорогой Сократ! — с готовностью отозвался Мовсесян. — Есть люди, которые специально ходят «на Дерибасова».

— Очень хорошо. Рад был познакомиться. — Хозяин поднялся, давая понять, что прием окончен.

— Что он хотел этим сказать? — недоумевал Дерибасов, когда спустились в вестибюль.

— Дорогой Рома, — усмехнулся Мовсесян. — Важно не то, что он сказал, а то, что ты был приглашен в его кабинет!

У Варшавера

— Милый мой! — весело приговаривал Варшавер, управляя своей новенькой иномаркой, осторожно пробирающейся по Садовому кольцу сквозь вечерний зимний город. — Я был еще пацаном, а уже умудрился собрать лучшую в Москве фонотеку джазовых композиций. Ее у меня переписывали коллекционеры со всей округи... За денежки, разумеется. — По обыкновению он тоненько рассмеялся. — Таков мой первый бизнес. А потом организовал рок-группу «Шанс»... Договаривался с директорами клубов о концерте, скупал билеты на вечерний сеанс и перепродавал «с наваром». У меня была даже частная охрана — дело по советским временам неслыханное! Тяга к бизнесу в конце концов и привела меня за тюремную решетку...

От сотрудников Клуба Дерибасов уже знал кое-что о криминальной биографии Аркадия Борисовича, и нынешние неожиданные признания Варшавера воспринимал сейчас как лестное для себя проявление доверия. Осторожно присматриваясь к росту популярности молодого пересмешника, главный администратор заведения опекал его все плотнее, а сегодня и вовсе пригласил к себе в гости.

— В середине семидесятых «Шанс» уже гастролировал от Росконцерта, — продолжил Аркадий Борисович. — Нужны были качественные инструменты, импортные микрофоны и усилители... Пришлось мне заняться валютой и золотом, а это по тем временам была расстрельная статья. Считай, повезло: склонялся десятку... А когда *откинулся с зоны*, в России уже подул, как говорится, «ветер перестройки».

— Это вы «раскрутили» Виктора Цоя? — деликатно поинтересовался Роман.

— Тебе Гарик рассказал?

— И не только он. Я совсем недавно узнал, что фактически вы были первым российским менеджером в шоу-бизнесе.

— Так и есть! — хохотнул Варшавер. — После отсидки я умудрился устроиться в музыкальную организацию при горкоме комсомола. Так у меня появилась *крыша*. Организуя концерты ленинградских рок-групп, я и познакомился с Цоем... Вытащил его на большую сцену, протолкнул в программу «Голос». А в девяностом выпустил его посмертный альбом. Жаль парня... И знаешь, в чем его феномен? Поэт он был никакой, певец никакой и композитор почти никакой. Но соединение этих «отрицательных величин» фантастическим образом создало эффект неповторимой личности. Он стал подвальным куми-

ром советской молодежи, потому что она устала от государственной неправды... Твои пародии идут «на ура» не только из-за талантливого исполнения, но еще и потому, что ты издаваешься над властью, — добавил он после паузы. — Пока она слаба, пока идет грызня за высокие кресла и перераспределение собственности, тебе это позволяет, мой юный друг. Да... — вздохнул он. — Менеджером я был не плохим. А продюсером не стал. Мы были бизнесмены-романтики. Теперь в шоу-бизнес пришли такие, как Алиханов. С другими принципами и тугими кошельками...

Дерибасов чувствовал себя счастливчиком: выдающийся знаток современной «попсы», матерый делец шоу-бизнеса Аркадий Борисович Варшавер, по сути, сегодня впервые открыто признал его как професионала.

Старый дом, в котором жил Варшавер, стоял в Боярском переулке, за раковиной станции метро «Красные ворота», и его глухую стену, выходящую на Садовое кольцо, укрывал громадный щит, изображающий Ельцина: «РОССИЯ БУДЕТ ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ СТРАНОЙ!»

— Раньше тут висел Хрущев с кукурузным початком в руке и обещанием коммунизма, — иронично заметил Аркадий Борисович. — А после Брежнев с его гениальным тезисом: «Экономика должна быть экономной»... Нет, наш народ не достоин цивилизованной власти.

Машину оставили во дворе-колодце, стиснутом общарпаными стенами, а после, поднявшись на второй этаж, очутились в просторной гостиной, где за овальным столом играли в карты, повесив пиджаки на спинки стульев, трое рыхлых пожилых мужчин, окутанных сизой пеленой табачного дыма.

— Наконец-то! — оживились они при виде хозяина дома. — А мы уж решили, что после вчерашнего выигрыша ты решил нас обложить.

— *Inter bonos bene agi oportet!* — бойко отозвался Варшавер, снимая куртку. — С добрыми и себя следует вести по-доброму.

— В преферанс человеку волк, — добродушно заметил один из гостей.

В этот момент в задымленном воздухе обозначилась Светлана в коротком белом передничке, торопливо процокала каблучками к Аркадию Борисовичу и чмокнула в щеку.

— Спасибо, Абаша, что привез-таки *моего артиста*, — со смешком проговорила она и в следующий момент с восторженным щенячьим визгом повисла на шее Дерибасова.

Роман растерялся, неловко пытаясь отстраниться.

Светлана теперь уже как бы полностью принадлежала Варшаверу, и Дерибасов струхнул, что подобное проявление ее чувств осложнит его отношения с шефом.

— Угощай своего артиста, — добродушно проговорил Аркадий Борисович, легонько шлепнув Светлану по заду. — А мы распишем пульку.

Что же касается картежников, они вовсе не обратили внимания на эту сценку.

Следуя за Светланой, которая крепко держала его за руку, Роман успел заметить стоящий у стены массивный буфет с парадным хрусталем и серебром, диковинное чучело фламинго, стоящее в углу, и барского вида камин, мраморную полочку которого удерживали две эротичные картины.

— У Абаши была очень богатая родня, — пояснила Светлана, когда длинным коридором вышли в кухню, обставленную антикварной темной мебелью. — Дед держал на квартире зубной кабинет, а бабка и вовсе из дворян... Но отец Борис Моисеевич пошел в революцию, знал самого Ленина, и при Сталине его не расстреляли, потому что вовремя вышел из партии...

Поясняя все это, пока Дерибасов осторожно озирался по сторонам, сидя на жестком стуле с высокой спинкой, Светлана проворно собирала на расписной поднос графинчик с коньяком, рюмки и холодные закуски для играющих.

— Ну вот я и свободная! — засмеялась она, взвратившись — Ну что ты застыл, как холдец? Совсем не скучил за мной?

— Почему же... соскучился... — промямлил Роман.

— А *наш дружок...* тоже?

Она игриво опустилась перед ним на колени.

— Светик... — сдавленно проговорил Дерибасов. — Сюда же могут войти...

Светлана промычала, отрицательно качнув головой, и, подняв раскрасневшееся, счастливое лицо, пояснила:

— Будут дуться в карты всю ночь. А туалет в другой стороне... Не парься, дурачок... Абаша сам предложил... привезти тебя... У него же проблемы с яйцекискостью... — вульгарно хохотнула она.

Этот вечер, стремительно перетекший в ночь, был самым ярким сексуальным приключением Дерибасова в его молодой жизни. По мере того, как они со Светланой пьянили, накачиваясь греческим коньяком, ее чувственные фантазии становились все изощреннее. И оттого, что из-за коридорной двери доносились приглушенные голоса картежников, а в кухню (мало ли по какой надобности) в любую минуту мог войти хозяин, Роман испытывал неведомое ранее *порочное вдохновение*, словно бы высовываясь от морали, путами которой был strenожен ранее. Женщина изнемогала, подчиненная его грубым прихотям, и это лишь разжигало интерес к ее телу...

Комната прислуги, где обитала Светлана, располагалась рядом, но любовники так и не воспользовались ею, словно оберегая от разоблачения тайну своего головокружительного разврата.

На рассвете, когда в долетающих из гостиной голосах картежников угадывалась сумрачная усталость, а дым от их сигарет просочился в кухню, —

Дерибасов тихо выскользнул из квартиры через черный ход, вспугнув на лестнице свирепо зашипевшего кота.

Трясясь в электричке метро, мчащей его к станции «Кропотkinsкая», Роман признался себе, что ехал к Варшаверу в тщеславной надежде, что встреча эта как-то связана будет с их профессиональной деятельностью и утеплит отношения молодого актера с покровителем. На деле же оказалось, его доставили, будто «мальчика по вызову», ублажать испытывающую телесный голод девицу...

«А почему бы и нет, черт возьми? — бесшабашно подумал он, выходя на перрон не вполне послушными ногами. — Почему, если это никому не причиняет вреда и поможет мне вскарабкаться на театральный Олимп?»...

Сократ Назарян

— Если хочешь преуспеть в шоу-бизнесе, — поучал Гарик Мовсесян, когда шли мимо поседевшего от инея памятника Грибоедову на Чистопрудном бульваре, — забудь такое понятие, как порядочность.

Южанин, непривычный к российским морозам, он часто простужался и сейчас заботливо кутал горло толстым малиновым шарфом. Близился вечер, холодное солнце пронизывало закатными лучами белое кружево деревьев, высаженных вдоль застывшего пруда. Изредка в их кронах перепархивали птицы, стряхивая радужно искрящиеся снежинки и пробуждая в Дерибасове смутные воспоминания детства (лыжная прогулка с родителями в пригородном парке имени сталинского железнодорожного наркома Кагановича, горячий кофе из термоса и счастливое лицо матери, самой красивой женщины на свете)...

— Почти то же говорил мне Варшавер, — припомнил Роман. — «Лицедейство на сцене неизбежно оборачивается лицедейством в жизни». А еще советовал никогда не связывать судьбу с женщиной.

— Старику не повезло, — отозвался Гарик. — Первая жена умерла, когда отбывал срок в Мордовии; чтобы не свихнуться, начал даже учить латынь... А последняя, певичка, которую Аркаша вытащил из Пензы, год назад ушла к «гастрольному мужу».

Подъезд охранялся бдительным седьмым швейцаром с крашеными кавалерийскими усами; он милостиво пропустил визитеров, лишь предварительно позвонив хозяину квартиры по домофону.

Сократ встретил их на пороге — в пестром шейном платочеке и лиловой домашней куртке с пропечеными атласными лацканами. Жестом сдержанного, почти величественного гостеприимства он пригласил гостей к столу, накрытому в просторной гостиной, обставленной с аляповатой восточной роскошью. (В избыточной пестроте ковров, многочисленных диванных подушечек, напольных китайских ваз и кавказских настенных чеканок почти потерялся выполненный маслом поясной портрет хозяина

квартиры, под которым сидел пятнистый фарфоровый далматинец в натуральную величину.)

Едва расселись, в комнате появилась приветливая пожилая женщина в темных одеждах.

— Приятного аппетита, — улыбчиво пожелала она с легким поклоном. — Так я пойду, Сократ Ашотович.

— Свободна, Анайт-ханум, — разрешил Сократ.

Накрыто было на шестерых, но хозяин не стал дожидаться припоздавших, судя по всему, гостей.

— Я пригласил вас, потому что мне все надоели, слушай... — проговорил он, поднимаясь с коньячным бокалом в руке. — Зовешь друзей, чтобы отдохнуть, а все разговоры о бизнесе... Всегда уважал людей искусства за то, что они не похожи на нас. Хочу выпить за вас, дорогие Гарик-джан и Роман, чтобы ваше творчество долго еще веселило людей. Мой покойный дед говорил мне: «Сократик, человек спущен Богом на землю для страдания. Но в награду Бог дарит людям радость». Пусть эта радость не обходит вас стороной. Пью за вас, моих дорогих гостей.

Гарик ответил еще более многословным тостом. Соблюдая ритуал обильного еды и выпивкой кавказского застолья, которое постепенно затягивало хмелеющего Дерибасова, словно речная воронка, Роман старался попасть в цветистую стилистику произносимых речей и в какой-то момент поймал себя на том, что начинает говорить с акцентом.

Сократ излагал свои мысли размеренным, тихим голосом, время от времени прикладывая к правому боку ладошку с массивным перстнем на пальце, и полное смуглого лица его с темными стоячими глазами имело выражение какой-то утомленной, сытой печали.

— Убиваем друг друга застольями, — пожаловался он. — А куда денешься, слушай... Так устроен человек.

В коридоре раздалась переливчатая трель домофона, и Сократ, сняв трубку, подтвердил:

— Это ко мне. Пропусти, Петрович. — И, вернувшись к столу, пояснил: — Хочу угостить вас девочками.

Впорхнувшие в квартиру девицы привнесли в нее смешанный с парфюмерией запах мороза и возбужденное щебетание молодости. Сняв шубки и переобувшись в туфли, они устремились к большому напольному зеркалу подправлять макияж.

— Мои друзья-артисты, Олечка, — проговорил Сократ, обнимая тоненькую кареглазую блондинку. — Хочу, чтобы они остались довольны.

— Друзья будут довольны, мы тоже артистки в своем деле! — хохотнула та. — Верно, девочки? А ты, Сократик, противный, противный! — легонько щелкнула она по носу Назаряна. — Целый месяц не звонил!

— Бизнес, дорогая Олечка, требует много времени, — пояснил Сократ, наливая гостьям коньяк.

— Вообще-то мы на работе не пьем... — смущенно заметила усевшаяся рядом с Дерибасовым крупная волоокая шатенка, назвавшаяся Музой.

— У меня сегодня именины, — неожиданно сообщил Назарян. — Родители назвали меня в честь великомуученика Сократа. Он был монах.

— Монах в синих штанах! — засмеялась Оля, обхватывая Назаряна за могучую шею и приникая в долгом поцелуе. — Хочу к тебе на ручки! Поздравляем! Девочки, в честь такого праздника нарушим трудовую дисциплину!

Понимающие переглянувшись, гости выпили.

С этого момента компания заметно оживилась, и застолье стало набирать ход. Захмелевший Роман принял на колени тяжеловесную Музу, и, хотя крупных женщин не любил и даже опасался, ее искусные поцелуи и манипуляции языком в его ушной раковине настроили пародиста на бесшабашный оптимизм предстоящего обладания. Гарик Мовсесян с весело-свирипым выражением лица покусывал недозрелую грудку своей коротко стриженной избранницы с фигурой травести, а предназначенная хозяину дома Оля уже освободилась от свитера и блузки...

Все дальнейшее отпечаталось в сознании Дерибасова словно кадры телевизионного триллера, которые он наблюдает со стороны.

После мелодичного звонка в дверь на пороге появился некто в длинном кожаном пальто и поднес к лицу Назаряна раскрытое удостоверение.

— Капитан Петренко, — проговорил он. — Обыск санкционирован прокуратурой. Советую воздержаться от противоправных действий.

Следом за ним в прихожую с дробным топотом ввалилось несколько молодых милиционеров с раскрасневшимися лицами.

Девицы взвизгнули и, снявшись из-за стола, сились в кучку на угловом диване, низко опустив головы и закрывая руками лица.

— Оружие, наркотики, порнографические предметы... — перечислял капитан, предъявив Сократу ордер на обыск. — Сами покажете или будем искать в присутствии понятых?

— Не о том базар, — хладнокровно отозвался Назарян.

— Приступайте! — коротко приказал Петренко сопровождающим.

Подчиненные с проворством рассредоточились по огромной квартире, занимающей целый этаж старинного особняка.

Капитан Петренко снял вправленный в массивный багет портрет хозяина дома и, убедившись, что в стене нет тайника, стал изучать его с изнанки.

— Выметайтесь, — негромко приказал Сократ девицам.

Те дружно снялись с места и сгрудились возле вешалки в прихожей, мельтеша рукавами и полами надеваемых одежд.

С Дерибасова мигом слетел хмель, и он тоскливо замер в предчувствии непоправимого: его времененная прописка в Москве, организованная вездесущим

Варшавером, закончилась неделю назад, артист пребывал в положении *нелегала*, что грозило административным штрафом и высылкой из столицы.

Сидящий рядом Гарик, напротив, выглядел *показательно спокойным* и невозмутимо накачивался коньяком.

Назарян занял свое кресло в торце стола, закурил сигару и, глядя на побледневшего Романа, спокойно произнес:

— Собака лает, а караван идет.

Капитан Петренко, с натугой приподняв фарфорового далматинца, встряхнул его, стараясь заглянуть в нутро через отверстие на брюхе.

— У нас к Сократу Ашотовичу никогда... никаких претензий... — долетел до Дерибасова испуганный женский голос. — Тишину и порядок не нарушает. Один раз к нам была протечка из его джакузи, так с кем не бывает...

— Всё, как есть, оплатил, — поддержал прокуренный баритон.

Понятые — с бледными, понощенными лицами, на которых запечателся испуг, — жались у стены гостиной под чеканкой, изображающей гору Арагат. У женщины из-под байкового халата выбивалось мятое кружево ночной сорочки, а на мужчине был хлопчатобумажный тренировочный костюм, вздутий на коленях.

Из глубины квартиры долетал грохот опрокидываемых стульев, шум выдвигаемых и бросаемых на пол ящиков платяного шкафа; потом на кухне раздался панический звон бьющейся посуды.

— Ну вот что, мент, — обратился к Петренко Сократ, поднимаясь. — Хватит шмонать, так вы мне весь дом раскурочите. Идем, все покажу.

Спустя несколько минут подручными капитана на полу гостиной были разложены три автомата Каляшникова, пистолет Макарова, револьвер, несколько гранат и патроны...

— Мои охранники отобрали у наемных убийц. Подослали конкуренты, — пояснил Назарян. — Хотели захватить мой бизнес. Несколько раз обращался в милицию, чтобы забрали этот хлам, но они прошли мимо ушей. Я буду жаловаться.

— Это ваше право, — сказал Петренко, и они с Назаряном вышли в соседнюю комнату.

— Выпей, — предложил Гарик Роману. — Это недоразумение.

— Господи, господи... — причитала приглашенная в понятые, часто крестясь. — Какой ужас...

Дерибасов залпом осушил половину бокала коньяка, испытывая смутное желание оправдаться перед женщиной за свое присутствие в сомнительной компании.

— Недоразумение, — повторил Гарик, потянувшись к бутерброду с черной икрой. — Все уладится.

— Гражданин Назарян Сократ Ашотович, — строго проговорил капитан, когда они с хозяином дома возвратились в гостиную. — Завтра, не позднее девяти ноль-ноль, вам надлежит сдать под расписку

в отделение милиции стволы и боеприпасы в соответствии с составленной нами описью.

— Будет сделано, о чём речь, — согласился Сократ. — Давно бы пора вам отреагировать.

— Свободны, — обратился капитан к понятым, и те исчезли.

— Менты поганые, — проворчал Сократ, возвращаясь к застолью, когда за милицейскими захлопнулась дверь квартиры. — Испортили праздник... Они мне за это ответят, клянусь мамой... Сразу понял, что все это туфта: даже у телок не проверили документы. *Накормил этого ментяру баблом, он сразу и слинял.*

— Вам известно, Сократ Ашотович, кто готовил на вас покушение? — спросил Дерибасов, желая завязать беседу.

— На Сократа каждый может готовить покушение, — впервые за вечер усмехнулся Назарян. — Вот ты, например, Роман, возьмешь да сделаешь на меня пародию...

— Никогда! — горячо заверил Дерибасов.

— Роман настоящий мужчина, — подтвердил Гарик. — С ним можно идти в разведку.

После шашлыка из ягненка, который, следуя национальной традиции, приготовил сам хозяин («Мясо нельзя доверять женщине», — заявил он), — прошли в бильярдную.

У Дерибасова был более чем скромный опыт этой игры, поэтому от состязания он уклонился. Расположившись в мягким кресле возле столика с фруктами и орешками, Роман потягивал красное сухое вино и следил за поединком старших.

Соперники разыгрывали «пирамиду» и делали ставки в долларах, бросая смятые купюры в сетку средней лузы.

Происшествие с милицией как-то очень уж быстро выветрилось из памяти Дерибасова, а загадочная атмосфера криминального мира, в которой сейчас пребывал, совершенно неожиданно породила надежду на защищенность от неприятностей в будущем.

— Гарик-джан, — поинтересовался Сократ, прицеливаясь в очередной шар. — Какие проблемы у нашего Ромы?

— Нет квартиры, тачки и прописки, — ответил Мовсесян.

— Это несправедливо, — заключил Назарян. — У такого талантливого артиста должно быть все.

Об этом оглушительном событии Дерибасов узнал, когда в своей уютной однокомнатной квартире на Преображенке смотрел экстренный выпуск теленовостей.

Хоронили Сократа на Ваганьковском кладбище, и проводить его в последний путь собралась пестрая и многочисленная столичная публика.

Тут были преуспевающие российские дельцы в плотном окружении охраны, сумрачные кавказские соратники Назаряна с круглыми портретиками покойного на лацканах пиджаков и элита шоу-бизнеса.

Явилась даже с букетом роз Анна Столыпина, которую сопровождал, бережно поддерживая под локоток, новый муж, банкир Александр Дерюгин — застенчивый молодой человек баскетбольного роста. Прежний супруг Донны, стриптизер Данко, уличенный в измене, был изгнан из ее загородного дома; на какое-то время Донна Анна впала в депрессию, но в апреле появилась на сцене с новым хитом на слова Павла Дзюбы:

Только любовь нетленна,
Во тьме твои губы ловлю.
Ночьюовой измена
Отлетела. Я снова люблю...

В мае счастливые молодожены отыграли три свадьбы: в Петербурге на легендарном крейсере «Аврора»; в Царицынском дворце Екатерины Второй на окраине Москвы и в Ницце на Лазурном Берегу, где избраннице щедрым бизнесменом была подарена вилла. А желтая пресса захлебнулась откровенными признаниями певицы: «Мой Саша — лучше всех предыдущих!», «Никто так меня не любил, как Саша!», «У нас потрясающий секс!»...

Хоронили Назаряна неподалеку от могилы Есенина, увенчанной мраморным бюстом поэта, и, когда после проникновенных прощальных речей собравшихся дорогой гроб опускали в землю, переполненные скорбью горячие кавказцы принялись палить в воздух из многочисленных стволов, пугая кладбищенских ворон.

В толпе сновали какие-то подозрительные типы и воровато фотографировали присутствующих.

— Не хочу светиться на поминках, — проговорил Гарик Мовсесян, с которым Дерибасов пришел на похороны. — Береженого Бог бережет.

Они выбрали небольшой частный ресторан на Беговой улице, где и помянули так неожиданно ушедшего из жизни хозяина Клуба.

— Как бы то ни было, Сократ был незаурядной личностью, — размышлял чуть захмелевший Мовсесян. — Выдающийся спортсмен, чемпион Союза, в армянской группировке начинал простым «быком», выколачивал долги из кооператоров. Дорос до бригадира... Под его началом было тридцать бойцов, даже солнцевские с ним считались. Потом пошли банковские операции, автобизнес, обработка нужных политиков, чиновников...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Похороны

Октябрьским вечером 1996 года при выходе из Краснопресненской бани был убит известный бизнесмен и меценат, глава «Фонда помощи спортсменам-инвалидам», кавалер ордена Отечества второй степени Сократ Назарян.

— Все нынче перепуталось, переплелось, — иронично заметил Дерибасов. — Не поймешь, то ли бизнесмен стал бандитом, то ли бандит сделался бизнесменом.

— Моя умная любовница подтрунивает: в девяносто первом ты торчал на баррикадах возле Белого дома, как Гаврош. Ну, и какую демократию ты получил?

— Да уж... — отозвался Роман. — Россия не та, какую виделась, когда Ельцин выступал с танковой брони... И мы не те.

— Да и Ельцин не тот, — горько усмехнулся Гарик.

— Это мое самое большое разочарование.

— «Не сотвори себе кумира».

После учиненных группой толстосумов скандальных перевыборов больного и полупьяного президента в этом году Дерибасов потерял остатки иллюзий относительно демократического будущего страны. Тот, кто всего несколько лет назад ездил с москвичами в автобусе и получил сочувственную поддержку народа как борец с партийными привилегиями, стал до неприличия непредсказуем в речах и поступках, и в прессе все чаще мелькало зловещее слово: *семья*...

— В любом государстве всегда существует две морали, — заметил Мовсесян. — Одна для властителей, другая для народа. У нас же сейчас одна, общая мораль: *мораль беспредела*.

— Но есть же в стране порядочные люди! Подлинные интеллигенты!

— А где они сейчас? Где те, кто хотел перемен и боролся за демократию? Они вытеснены из властных коридоров именно потому, что интеллигентны... Диалектика! В образовавшемся бардаке для себя я избрал единственно верный путь: *личное преуспевание*.

— Но это же так мало! — невольно вырвалось у Романа.

— А ты... — Гарик одним глазом посмотрел на него сквозь наполненную рюмку. — Все еще мечтаешь сыграть Гамлета?

— Сейчас — сильнее, чем когда-либо, — признался Дерибасов. — Народ зомбируют пошлой и агрессивной массовой культурой.

— И как же, если не секрет, намерен достучаться до этого народа?

— Заработка много денег и открою собственный театр. Придумал даже название: «Театр Протеста Романа Дерибасова»...

— Как говорится, «флаг тебе в руки».

В очередной раз, не чокаясь, помянули Сократа Назаряна.

— Будет ясно, кто его *заказал*, как только в наш Клуб придет новый хозяин, — заключил Мовсесян в конце застолья.

Смятение

Припарковав свою корейскую малолитражку во дворе Клуба, Дерибасов с удивлением обнаружил на его

двери объявление «Закрыто по техническим причинам»; «швейцара Дорофея», роль которого исполнял актер Игорь Тепляков, на своем посту не было, и двое рабочих, незлобиво матерясь, сбивали со стены опознавательную медную табличку заведения.

Внутри безлюдного, слабо освещенного помещения отдаленно стучали настойчивые молотки, слышался шум передвигаемой мебели и скрежет выдергиваемых гвоздей; все это ошеломило Романа вполне предсказуемой догадкой, в которую, тем не менее, до конца не хотелось верить.

Теплякова нашел он в клубном баре. В обычной своей накладной бороде и косоворотке швейцар накачивался водкой за круглым столиком в углу, время от времени запуская руку в пакет с чипсами, и что-то бубнил, рассерженно притопывая сапогами.

— Даже не предупредили, скоты... — пожаловался он Дерибасову, и в его печальных глазах проблеснули слезы. — Впрочем, чего от них ожидать, если на самом верху... Эти недоуки-реформаторы... поступают с народом как с быдлом. Невероятная жестокость и безудержное воровство... А у меня беременная жена и двое детей, — добавил он, плеснув Роману в граненый стакан.

— Игорек, когда реформы были без издержек? — попытался успокоить его Дерибасов. — И вообще... «лес рубят — щепки летят».

— Все дело в количестве щепок и величине издержек! — внезапно взорвался Тепляков, стукнув кулаком по столу. — Знаешь, что сказал мне один наш завсегдатай, доктор наук? Экономика — это здравый смысл, правила арифметики плюс хоть немного сочувствия к людям! Где оно, это сочувствие?! Даже не предупредили... Пришел на работу, а тут уже все крашат!

— Ты объяснишь наконец, что у нас происходит? Тепляков покривился в саркастической ухмылке:

— Все очень просто, в духе времени: один бардак заменяется другим, более прибыльным.

— То есть?

— Прежний хозяин, Сократ Назарян, был наивен... Он торговал эстрадной пошлостью, полагая, что это искусство. Нынешний будет торговать пошлостью продажного тела. Публичный дом здесь откроется. Под вывеской то ли фитнес-клуба, то ли центра массажа...

— Ну, братья-славяне, вы верны своему менталитету! — раздался за спиной Дерибасова насмешливый голос Гарика Мовсесяна. — Ответы на трудные вопросы ищете на дне бутылки! А я вот... освободил свою уборную, — пояснил он, ставя на пол туго набитую спортивную сумку. — Сократ был моей единственной и надежной крышей.

Он прошел к стойке бара, и вскоре на столе появилась вторая бутылка водки, фирменная клубная минералка «Арзни», доставляемая из Армении, и сильно заветренные, оставшиеся от последнего вечера представления в Клубе, бутерброды.

Не чокаясь, в скорбном молчании, помянули покойного Назаряна.

— Что имеем, не ценим, потеряв, жалеем, — резюмировал Игорь, нервно комкая бороду.

— Сократик был теплый человек, — поддержал Гарик. — Несмотря на то, что из них...

Со времени убийства Назаряна прошло почти два месяца, но всю полноту утраты Роман ощутил, пожалуй, лишь сейчас, когда накатанная дорога повседневной жизни вдруг оборвалась и он, как это уже не раз бывало, очутился над пропастью неопределенного будущего.

Благодаря покровительству Сократа Дерибасов получил желанные блага столичной жизни, но при этом — наученный воронежскими театральными наставниками анализировать состояния души не только персонажей пьес, но и своей собственной — вынужден был признаться: в Москве у него произошел очередной *нравственный сдвиг*: к бандиту (а возможно и убийце) Назаряну он стал испытывать почти родственные чувства, потому что его стараниями приобрел постоянную прописку, однокомнатную квартиру и подержанный автомобиль ... Конечно, это было предательством *светлых идеалов юности*, одно лишь утешало: он искупит все свои грехи, выйдя наконец на большую сцену.

— История темная, — понизил голос Мовсесян. — Но кое-какие слухи до меня дошли... Пока Сократик занимался автомобильным бизнесом, все у него было «в шоколаде»... Под его контролем находилась вся движущаяся техника в Центральном, Северном, Западном и Южном округах. Говорят, на счету его ребят оказывалась каждая третья из угнанных машин. Его уважал сам Буба Ереванский. Но Сократику показалось этого мало, он что-то схимишил с фальшивыми кредитными афишами, банковскими векселями и прочими финансовыми документами... Такое не прощается.

— Всё есть говно... — пьяно качнулся Тепляков, громыхнув сапогами. — И я тоже говно...

По мере того, как выпивали, уныние актера, похоже, перешло и на Мовсесяна — от его первонаучальной бравады не осталось и следа.

— Если не смогу сдержать свою Бэллочку — точно стану импотентом, — пожаловался он. — Стойт только на нее...

— Раз стоит, значит, она того стоит, — нашел в себе силы на шутку Дерибасов.

Гарик вымученно усмехнулся:

— Ирония — последнее, что нам остается.

Тепляков поднял на Мовсесяна осоловевшие глаза.

— Видишь, я пьян, — проговорил он, трудно ворочая языком. — Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда все нипочем! — истерически возвысил он голос, срывая бороду и отшвыривая в сторону. — Я беरусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно! Я рисую самые широкие планы будущего! В это

время я уже не кажусь себе чудаком и верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную!

Роман с изумлением узнал монолог доктора Астрова из чеховского «Дяди Вани».

— И в это время у меня своя собственная философская система! — все больше распалялся Тепляков. — И все вы, братцы, — поочередно ткнул он пальцем в собутыльников, — представляетесь мне такими букашками... микробами!

Вслед за бородой на пол полетел его рыжий патрик, и в тот момент, когда Игорь, ставив сапог, замахнулся им, чтобы поразить витражное окно бара, руку его перехватил возникший рядом Варшавер в темных очках-хамелеонах, белой бейсболке и просторной пестрой тенниске навыпуск.

— Остановись, несчастный, — дружелюбно проговорил он. — Верю. Отлично сыграно. Поверил бы сам Станиславский.

— Правда, Аркаша? — спросил Тепляков, и лицо его приобрело выражение детской доверчивости.

— Век воли не видать! — отозвался тот фразой из своего лагерного прошлого.

— Они еще узнают Теплякова, — удовлетворенно заключил актер, разливая по стаканам остатки водки.

Варшавер после мордовской неволи особенно ценил изысканную выпивку и закуску, потому этот грубый напиток не признавал. От стойки бара вернулся он с коньяком и шоколадкой и, смакуя янтарный напиток, проговорил:

— На днях встречался с одним известным писателем-антисемитом... Понятно, говорю, все беды России — от евреев. Это главная проблематика ваших романов. Допустим, удастся от них избавиться — о чем писать-то будете? «О великой России». — «Голубчик, как же Россия может быть великой без евреев?!» — Варшавер дробно рассмеялся. — Это я к чему? Пока вы тут пьете горькую и распускаете интернациональные юноны, Аркадий Борисович Варшавер уже выработал план вашего спасения.

Визит к продюсеру

Вход в ночной клуб им преградил бритоголовый верзила в кожаной жилетке, обнажающей жирные татуированные руки.

— Сто баксов, — прогудел он.

— Мы к Тимуру Ахатовичу, — проговорил Варшавер. — Нам назначено.

Страж неохотно отступил в сторону.

В полутемном зале, просеченном мигающим, как на дискотеке, светом, амфитеатром располагались кресла со зрителями, а на арене, в растребе падающего сверху луча, визжа и матерясь, волтузили друг друга, пытаясь сорвать одежду, юркая, как обезьянка, негритянка и пышногрудая блондинка.

— Кошачьи бои, — негромко пояснил Дерибасову Аркадий Борисович, когда заняли свободные места. — Последнее достижение шоу-бизнеса.

— Зрелище для мизогинистов, — заметил Игорь Тепляков.

— Мизо-кого? — не рассыпал Гарик Мовсесян сквозь ритмично ухающую музыку.

— Для тех, кто любит унижать женщину, — уточнил Тепляков. — Они же постоянные клиенты проституток.

Присутствующие, отпуская непристойные шутки и подбадривая соперниц улюлюканем и свистом, накачивались спиртным, а также делали ставки, бросая купюры на поднос рыжеволосой дивы в крохотном бикини.

Победила темнокожая, оставив исцарапанную и чуть не плачущую противнице совершенно голой, что вызвало в публике шумную волну восторга.

Следующий поединок проводили напомаженные дамы с высокими прическами, одетые в наряды галантного семнадцатого века — с тугими корсетами, оборками и кринолином.

Судя по всему, это был «гвоздь программы»: зрители неистовствовали, ревели дурными голосами и даже вскакивали с мест.

Когда все это закончилось и в зале зажегся свет, продюсеры они обнаружили в vip-ложе верхнего ряда: отсвечивая бритой головой, он сдержанно аплодировал, а чуть позади угадывались два дюжих теплохранителя.

Алиханов принял гостей в небольшом банкетном зале ресторана, где стол был сервирован для деловой встречи — бутылками минеральной воды, соками и вазами с фруктами. Невысокий, сухощавый, в прихотливо выбритой восточной бородке, он был трезв и сдержанно-деловит, что совсем не вязалось с образом скандального гуляки, сложившегося у obsługi «Клуба грязных эстетов». Там Тимур, получивший кличку Абрек, неизменно напивался, нарушая даже весьма вольные правила, предусмотренные меню: одобряя выступления артистов, мог в порыве чувств пальнуть в потолок, требовал от стриптизерш интима при исполнении приватного танца и нередко засыпал с одной из них в потайной комнате, оббитой красным бархатом. Сейчас Алиханов считался самым успешным продюсером России. Когда-то он начинал в труппе знаменитых цирковых наездников Алихановых, сказочно разбогател, когда у «новых русских» стало модно иметь собственные конюшни, и теперь занимался «раскруткой звезд», как считали многие, из любви к искусству.

— На мой счет, господа, прошу не обольщаться, — весьма неожиданно начал переговоры Алиханов. — Лицедейство как вид искусства я не жалую и само по себе ремесло актера считаю порочным.

Варшавер в удивлении вскинул брови, а Мовсесян тоненько присвистнул.

— Вас это удивляет? — усмехнулся продюсер. — Тогда вспомните, что артистов мольеровской труппы запрещалось хоронить на городском кладбище рядом с правоверными католиками.

— Ну, когда это было... — протянул Тепляков. — Церковь давно уже не имеет того влияния...

— Какова цель искусства, господа артисты? — иронично поинтересовался Алиханов.

— Известно, — отозвался Роман. — «Сеять разумное, доброе, вечное»...

— Если бы так, молодой человек... — вздохнул Тимур. — Цель искусства одна — продать эмоции. И на сегодняшний день их дороже всего можно продать на телевидении. Насколько я понимаю, именно поэтому вы здесь.

— Мы готовы... — поспешил отозвался Варшавер, — готовы обсудить все детали будущего телепроекта... Исходя из моей с вами предварительной договоренности.

— С гендиректором канала я уже согласовал, — сообщил Алиханов, старательно очищая яблоко извлеченным из кожаных ножен небольшим инкрустированным кинжалом на сыроятном ремешке.

— Прекрасно! — оживился Аркадий Борисович.

— В гостинице «Рэдиссон-Славянская», как я и обещал, у вас будет офис.

— Мы просто счастливы... Счастливы, что ваш продюсерский центр... что берете нас под свое крыло, — просиял Варшавер. — Sic itur ad astra. «Так идут к звездам», как говорил Вергилий. Теперь самый щекотливый вопрос... — замялся Аркадий Борисович. — Я как арт-директор труппы...

— Ваши пять процентов, мои девяносто пять, — равнодушно проговорил Алиханов, отрезая дольку яблока и отправляя в рот.

Гладко выбритое лицо Аркадия Борисовича сделалось малиновым.

— Но помилуйте, Тимур Ахатович, — проговорил он сквозь одышку. — Но на таких условиях продюсеры начинают работу с абсолютно неизвестными эстрадными исполнителями...

— А кому известны вы? — направил на Варшавера насмешливый взгляд Алиханов. — Кучке пьяных завсегдатаев бывшего «Клуба грязных эстетов»?

— Зачем же так... — обиделся Аркадий Борисович. — Вы сами аплодировали... тому же Роману... — кивнул он на Дерибасова. — Ну, хотя бы десять процентов... — неуверенно предложил Варшавер.

— Если наберете приличные рейтинги, условия договора будут изменены. — Продюсер доел яблоко и отодвинул от себя блюдце с очистками. — А теперь по сути, господа артисты. Время Райкина ушло с его смертью, время Жванецкого закончилось, как только распалась их знаменитая одесская троица и он стал государственным сатириком. Сейчас на эстраде кривляются пожилые пошлики, шутки которых имеют успех у полуграмотных российских толстосумов и невзыскательных домохозяек. Я хочу вывести на телекран альтернативный юмор, рассчитанный на продвинутую молодежь и тех интеллигентных людей, которые не морщатся при слове «жопа» и не краснеют при матерном выражении, если все это уместно и по-настоящему остроумно.

— Мы постараемся, — отозвался Дерибасов.

— Насколько я понимаю, — вступил Гарик Мовсесян, — эстрадную программу «Клуба грязных эстетов» мы должны адаптировать к новым условиям, не меняя ее сути.

— Совершенно правильно! — подтвердил Алиханов.

Когда, после подписания Варшавером договора с продюсером, они вышли в гаснущий весенний день, бросивший на масленистую гладь Москвы-реки малиновые блики заката, Аркадий Борисович невесело заключил:

— Ну вот, мы и попали к нему в рабство.

Свидание

Выйдя из кухни с бутылкой коньяка и легкой закуской на подносе, Дерибасов обнаружил, что Лана Орлова успела раздеться, в нетерпении разбросав одежду по комнате, и сидит на постели, по-восточному скрестив ноги в прозрачных шальварах.

— Сегодня я твоя одалиска, — игриво сообщила она, надевая на голову Романа маскарадную чалму. — А ты мой султан.

Дерибасов с готовностью принял правила очередной любовной игры. По-настоящему их тайная связь укрепилась здесь, в его однокомнатной квартире, когда краткие встречи с любовницей в «гримерке-будуаре» (как иронично называл свою каморку на Остоженке Роман) сменились расчетливым наслаждением неспешных свиданий — со свечами, индийскими благовониями и шоколадом.

— О, мой господин... Где же твой прежний испанский темперамент?

— Его купил наш продюсер Тимур Алиханов, — отшутился Роман. — Гоняет нас, как своих лошадей. Репетиции по пластике, сценодвижению, декламация, игра на музыкальных инструментах... Вкалываем по восемнадцать часов в сутки. Приезжаю домой как... выжатый лимон.

— Именно так и писали в школьных учебниках про капитализм, — усмехнулась Орлова. — Мой Георгий в России бывает не больше полугода... Если сложить все его зарубежные командировки...

Муж Ланы был удачливым бизнесменом, имел долю в российско-финском совместном предприятии (что-то там связанное с торговлей холодильниками и прочими бытовыми приборами) и смог обеспечить жене безбедное существование. Прежде чем выйти за него, Орлова безуспешно пыталась склонить Дерибасова к браку, даже устраивала истерики с традиционным женским упреком *я тебе нужна только для одного*, но, убедившись в его неумолимой *упертиности* («чтобы достичь высот мастерства, я должен быть свободен»), оставила эту затею и после окончания филфака МГУ (где продолжала играть в студенческом театре) решила *устроить свою жизнь*. Немолодой Георгий Тюрин, влюбленный в Ланочку еще с тех пор, как она была официанткой в «Клубе гряз-

ных эстетов», ради нее бросил семью и подарил невесте золотистый «пежо», на котором она теперь и приезжала к Дерибасову.

Полное имя Ланы было Лавиния; отец — университетский преподаватель истории Древней Греции, назвал ее в честь какой-то прорицательницы, чего в студенческие годы девушка уже стеснялась, считая свое имя слишком претенциозным на фоне вошедших в моду Ксений, Оксан и Анастасий...

— Я тебя ревную, — в сердцах призналась Лана, поворачиваясь к Роману спиной. — Ты не приглашаешь меня на репетиции, потому что на выходе вас поджидает целая стая молоденьких телок...

— Я не приглашаю тебя, потому что Алиханов категорически против присутствия посторонних женщин. У него теория: женщина может разрушить любой артистический коллектив.

— Зато он не против присутствия посторонних женщин в постели артистов, — парировала Орлова. — Он эгоист и грязный циник. И тебя хочет воспитать в том же духе. Читала его интервью: «Смысль жизни на земле состоит в том, чтобы работать и трахаться». Знаю, какие он устраивает для вас «коммунистические субботники»...

Она резко отодвинулась к стене.

— Глупенькая, — скучавил Дерибасов. — Это все домыслы желтой прессы.

Чем дольше общался он с продюсером, тем больше открывалось граней непредсказуемой натуры Алиханова. Презирая ремесло актера как таковое, он тем не менее нанял специалистов для повышения профессионального мастерства труппы Варшавера, которой дал название «Рашн комеди», и присутствовал почти на всех репетициях; расчетливый делец, умеющий считать деньги, он заключил с Аркадием Борисовичем грабительский договор, но при этом щедро поощрял деньгами каждый удачный скетч и даже отдельный юмористический монолог, написанный соавторами Мовсесяном и Дерибасовым; заставляя актеров трудиться до изнеможения, в конце недели устраивал шумные пирушки с обильным столом, массажем и девочками в самой престижной столичной сауне, рассматривая это как необходимую «релаксацию» и «тимбилдинг» — сплачивание команды...

— Ненавижу, ненавижу его... — жалобно проговорила Лавиния. — И тебя тоже...

— Знай свое место, женщина! — грозно оборвал ее Роман. — Наложница, не угодная султану, будет изгнана из гарема!

— Прости меня, мой господин... — вернулась к своей роли Лана, покаянно прижимаясь к Дерибасову. — Готова исполнить любую твою прихоть...

Соавторы

— Ты же понимаешь, старик, что такое наше телевидение, — говорил Гарик Мовсесян, по обыкновению размашисто жестикулируя. — Это шоу, призванное шокировать и развлекать!

— Будем шокировать и развлекать, — покорно согласился Дерибасов. — Выкладывай свой сюжет.

Они сидели на веранде, за столом, заваленным книгами и черновиками с быстрым, скачущим почерком Гарика (компьютеру он предпочитал авторучку). За открытыми окнами плавал, чуть подрагивая в полуденном зное, зрелый дачный август, уже помеченный кое-где покорной желтизной листвы. По асфальтированным улочкам ухоженного коттеджного поселка, где проживали Мовсесяны, то и дело проскальзывали, сыто урча, поблескивающие иномарки.

Толстый армянский мальчик с персиковыми щеками, в пестрой тенниске и мешковатых шортах, возник перед соавторами и поинтересовался:

— Дядя Гарик, что такое «зажопил»?

— Араик, мой племянник из Армении, — представил его Мовсесян. — Ты опять заглядывал в мои записи, негодный мальчишка? — шутливо упрекнул он.

Мальчик потупился. У него были крупные малиновые губы и спокойные воловьи глаза.

— Я не нарочно, — наконец признался он, краснея. — Просто... подходил к твоему столу взять лист бумаги.

— Пишешь стихи, как и дядя? — предположил Дерибасов.

— Нет, — отозвался племянник. — Я изобретатель. Сейчас покажу.

И он проворно исчез.

— Своеобразный парнишка, — негромко заметил Гарик. — Шурин повез моих девочек на экскурсию в Новоиерусалимский храм, а этот джентльмен наотрез отказался. Весь в себе, все время о чем-то думает.

Вернулся Араик с чертежом, который бережно выложил перед мужчинами.

— Зубная щетка для космонавтов, — пояснил он. — В невесомости главная проблема — как почистить зубы. Паста высакивает из тюбика и повисает перед лицом. — И он подробно изложил суть изобретения, заключив: — Осталась нерешенной одна задача — как вымыть щетку после употребления. Для этого надо бы вмонтировать в рукоятку контейнер с водой. У вас есть соображения?

— Учитывая экономическую ситуацию в стране, космонавты до полета могли бы класть зубы на полку, — нашелся Роман.

Мальчик нахмурился.

— Араик не любит юмора, — сообщил Гарик.

— Если нет соображений — хотя бы скажите, что значит «зажопил», — проговорил изобретатель, забирая чертеж.

— После объясню, — пообещал Мовсесян.

— В словаре этого слова нет, — сказал мальчик, уходя.

— «Хороший малый, но педант», — усмехнулся Дерибасов.

— Чтобы шокировать публику, давай опустим высокий шекспировский сюжет до выгребной

ямы, — вернулся Гарик к прерванному разговору. — Так сказать, Ромео и Джульетта наших дней. До твоего приезда я тут кое-что набросал. — Он выудил со стола нужный листок и торжественно продекламировал:

Две равноуважаемых семьи
На даче, где событья нас встречают,
Вели междуусобные бои
Из-за сортира, что клубнику затеняет...

— Между прочим, сюжет взят из нашей дачной жизни, — пояснил он и продолжил: — Пипл схавает.

Тихая, плавная в движениях жена Гарика Муза («воплощение восточной покорности и доброты», как давно уже определил для себя Дерибасов) принесла поднос с кувшином красного вина и фруктами.

— Из Дилижана, — улыбнулась она. — Домашнее. Брат привез.

— Музынька, — попросил Гарик, — займи чем-нибудь своего племянника, чтобы не мешал нам работать.

— Как не стыдно, чему учите мальчика, — упрекнула Муза. — Он уже всех достал этим гадким словом.

— Раз оно его *зациклило* — уже хорошо! — развеселился Мовсесян.

— Бессовестные, — необидно заключила Муза и бесшумно удалилась, унося свой гордый профиль горянки.

С вином у соавторов дело пошло веселее, и к зажату дня поэма была готова.

На белой «тойоте» Гарика из экскурсии в Новый Иерусалим вернулся его шурин Шаген. Его полная бровастая жена, задрапированная в развевающиеся черные ткани, тяжеловесно протопала через веранду, на ходу бросив:

— Такой жары даже у нас в Дилижане не было, клянусь...

Пятилетние дочери-близняшки в белых гольфах и полупрозрачных платьицах с крылышками проворными мотыльками подлетели к Гарику, чтобы поцеловать отца, и скрылись в доме.

Вечером на веранде протекало неторопливое и основательное мужское застолье. У Шагена был внушительный густой баритон, характерный, по наблюдениям Дерибасова, для сухопарых, жилистых людей, выносливых в работе и выпивке.

— Я понимаю — перестройка и гласность... — гудел шурин. — Но зачем было разваливать Союз? Чем он думал, ваш Ельцин? У нас медь, молибден, минеральные удобрения... На Украине уголь, черная металлургия, пшеница... В России лес, нефть, газ... Как мы друг без друга? Единый организм!..

У стола появился Араик, потянувшийся к мужскому обществу.

— Дядя Гарик, вы так и не сказали мне, что значит «зажопил», — повторил он свой дневной вопрос, опершись о плечо сидящего отца.

— Марш в угол! — глухо рявкнул Шаген, стукнув ладонью по столу. — Всего неделю в России, а уже нахватался... демократии!

В чертоге порока

— Желтая пресса — дермо! — говорил Тимур Алиханов, откинувшись на переднем сиденье своей длиннющей белой иномарки (собранный вручную и доставленный из Америки автомобиль стал предметом зависти и пересудов в шоу-бизнесе). — Наживаясь на скандалах, она разрушает иерархию отечественных культурных ценностей, а значит, посягает на безопасность страны...

— Народ устал от разрушения, — деликатно поддержал его Игорь Тепляков, прикладываясь к хрустальному стакану с виски. — Повальное истребление прежних идеалов грозит национальной катастрофой.

— Иногда чувствую себя человеком, который пилит сук, на котором сидит, — признался Алиханов, своим преуспеванием во многом обязанный именно желтой прессе.

— *Lucri bonus est odor ex re qualibet*, — заметил Варшавер. — Как сказал Ювенал, «запах прибыли приятен, от чего бы он ни исходил»...

— Вы, как всегда, правы, Аркадий Борисович, — неохотно согласился Тимур.

— В данном случае прав Ювенал, — весело уточнил Дерибасов, и пассажиры лимузина, подогретые выпивкой, дружно расхохотались.

В обитом кожей салоне, протяженностью своей напоминающем вагон электрички, висела пахнущая дорогим сигарным дымком атмосфера вольного мужского братства и предвкушение заслуженного отдыха. На днях прошла генеральная репетиция спектакля миниатюр окончательно укомплектованной труппы «Рашн комеди». И сейчас, перед съемкой программы в студии телевидения, Алиханов, наконец-то удовлетворенный работой коллектива, устроил для избранных увеселительную прогулку.

Впереди диковинной машины продюсера, на которую с любопытством оборачивались прохожие, катила милицейская «Лада» с мигалкой, а сопровождал Тимура джип охраны. Кутузовский проспект пестрел портретами вновь избранного Ельцина и рекламными щитами с лестными изображениями пепрерзелой эстрадной дивы Столыпиной, где она походила на индийскую танцовщицу.

Чем больше времени проводил в больнице очень нездоровый президент, тем плотнее заполняли столицу его изображения, телевидение прокручивало старые информационные программы с участием главы государства, а его пресс-секретарь успокаивал дотошных журналистов: «У Бориса Николаевича крепкое рукопожатие». Что же касается Донны Анны, то в прошлом девяносто шестом году, когда в календарях перевыборов рейтинг Ельцина упал до несколь-

ких процентов, Столыпина многочисленными концертами по стране поддержала его избирательную кампанию и теперь в сознании обывателя представлялась не только эстрадной примой, но и важной персоной в государстве.

— И все же Анечка как была, так и осталась стервой, — проговорил Алиханов, обращаясь к своему земляку-шоферу. — Представляешь, Султан, звонит мне и заявляет: «Ты что возомнил о себе, купил машину длиннее, чем у меня?!»

Султан молчаливо согласился, утвердительно кивнув.

— Не будь стервой, она никогда бы не стала примой, — подал голос Мовсесян.

Лимузин выкатил из Москвы и по Можайскому шоссе устремился за город. По сторонам замелькали пожелтевшие от осени и облезлые, поредевшие от выхлопных газов деревья. В сгустившихся сумерках ярко вспыхнула стрелка указателя, направляющая в потайную сень соснового бора. Вскоре асфальтированную дорогу преградил шлагбаум, и возле него проявился в свете фар охранник в черной кожаной униформе и фуражке с высокой тульей.

Деревья аллеи, куда медлительно въехал автомобиль, празднично сияли россыпью золотистых лампочек, а поверху белела бодрая перетяжка: «МЫ ОТКРЫЛИСЬ!» Впереди проявились подсвеченные прожекторами колонны здания в стиле русского ампира, на фасаде которого пульсировала неоном вывеска: «ХОЧЕШЬ? МЫ ПОТЕРПИМ!»

Широкие ступени мраморного крыльца укрывала красная ковровая дорожка, мягко гасящая звук шагов. По сторонам его возвышались пилоны, увенчанные матовыми шарами светильников с изображением серпа и молота, а также трафаретным текстом: «ТИШЕ! ПИСАТЕЛИ РАБОТАЮТ!»

Все это привело Дерибасова в полное недоумение; на лестнице он даже приотстал от остальных, читая строгое предупреждение, и Гарик Мовсесян, легонько подтолкнув его в спину, шепнул:

— Раньше усадьба принадлежала одному из Голицыных, потом в ней был Дом творчества писателей.

В полумраке просторного зала, на затянутых шелком стенах тлели красноватые бра, и тут — среди темного бархата оконных занавесей, декоративных фонтанчиков и обтянутых светлой лайкой кресел и диванов — кучковались с наполненными фужерами в руках преуспевающего вида мужчины в безупречных костюмах и несколько женщин в вечерних платьях. Сценка живо напомнила Роману светский раут из какого-то зарубежного фильма.

С появлением Алиханова и его свиты под потолком ярко вспыхнула хрустальная люстра, и капельдиннер в напудренном парике и расшитом золотом камзоле объявил:

— Дамы и господа! Наш дом Дружбы народов объявляется открытым! Нам Европа не указ, за ночь кончим десять раз!

Публика отзывалась недружными аплодисментами.

Вскоре его сменил крупный пожилой мужчина в маске и наряде опереточного Мистера Икс.

— Дорогие гости! — возвестил он хорошо поставленным голосом драматического артиста. — Вы являетесь свидетелями и участниками исторического события! С вашей помощью мы докажем, что времена советского полового аскетизма прошли и секс в России есть!

— Глеб Шаталов, — пояснил Алиханов, усаживаясь в мягкое кресло и бросая сухие ноги в лакированных туфлях на низкий столик с фруктами. — Прежде режиссировал кремлевские съезды партии.

Дерибасов посмотрел на него и в очередной раз испытал прилив какого-то умиленного и подлого обожания, которое сложилось за месяцы общения с продюсером. Спокойная уверенность силы, сквозившая в неторопливых, почти величественных жестах Абрека, его породистая, выбритая до синевы голова на крепкой шее и крашенная хной бородка, единственная эманация преуспевания, исходящая от Тимура, — все это порождало в Романе подчиненную, зависимую любовь, которую он тщательно скрывал и которой стыдился. «Неужели я слабая личность?» — комплексовал он, перекатывая в памяти одну из любимых сентенций Алиханова: «Цивилизация состоит в основном из слабых личностей, им нужна вера, надежда и любовь, религиозная опора. Сильных мало, они лидеры и не уповают на Бога».

Компания расположилась вокруг шефа, и ласковые полуторальные официантки проворно обнесли всех спиртным.

— В учебных заведениях имени Патриса Лумумбы и Мориса Тореза, — продолжал режиссер, — был объявлен конкурсный набор воспитительных девушки для исполнения танца живота, тайского массажа и секс-аттракциона «Африканская страсть», а группа очаровательных эскимосок с филологического факультета подготовила для вас этническую порнопрограмму «Хрен моржовый»...

По мере его выступления мягко высвечивались потайные уголки зала, где замерли в призывающих эротических позах закутанные в полупрозрачные покровы наложницы из восточного гарема, обнаженные негритянки в огромных бусах и серьгах, смуглые кубинки в крашеных перьях...

— Дело для нас новое, находится, так сказать, в самом зачатии... — сменил режиссера представитель районной администрации — коренастый мужчина с красным от волнения лицом хозяйственника. — Так что цены, извините, кусаются. Но мы планируем расширить и углубить... Подыскать богатого инвестора. Есть задумка открыть профильный колледж для будущих артистов... В общем, раскрутимся на полную катушку! Следите за рекламой!

На круглой эстраде в центре зала поблескивал в потайном красноватом освещении шест для стриптиза, а широченная, задрапированная тяжелым чер-

ным шелком кровать вскоре стала местом разнообразных эротических ристалищ.

На Дерибасова вся эта вакханалия порока подействовала самым неожиданным образом: опасный холодок просквозил в низу живота, плоть его омертвела, и он — памятая наставления Мовсесяна: «Ничего не стесняйся и делай как все» — с тоской и отчаянием *слабой личности* стал обреченно ждать дальнейшего развития событий, от безысходности накачиваясь спиртным.

В бане, пахнущей влажным духовитым жаром и распаренными березовыми вениками, он постарался устроиться в дальнем уголке, занавешенном клубящимся паром от печки-каменки; сидел, согнувшись и плотно сведя ноги, словно опасался быть уличенным в своей неожиданной мужской неполночленности. Взгляд его тайком скользил по телам соседей в поисках утешения, но находил в них лишь раскованное и самоуверенное превосходство, в котором вальяжно главенствовал Тимур Алиханов.

К счастью, жрицы любви не навестили гостей ни в парной, ни в бассейне (в зале остался лишь Варшавер, сославшись на гипертонию), а после пьяный Роман с пивной кружкой в руке оказался в пахнущей духами розовой комнате с лепниной на потолке и широченной кроватью.

— Меня зовут Юля, — сказала одна из девиц — рыжая и белотелая, — освобождая Дерибасова от простыни, которой был обмотан. — Я медсестра.

— А меня Вика, — хохотнула вторая — смуглышка с мальчишеской стрижкой. — Я дипломированный юрист. Мы работаем в паре.

— И вам нравится такая работа? — глупо поинтересовался Роман, прикрывая наготу свободной рукой.

— Конечно! — отозвались девицы. — Хорошая оплата и общение с интересными людьми. Менты крышуют. Накопим бабла и выйдем замуж.

— Копите, — разрешил Дерибасов, валяясь в постель. — И я на вас женюсь.

— Вот это прикольно! — возликовали «ночные бабочки».

Потом они тщетно пытались возродить для телесного общения вконец разомлевшего клиента, и, в хмельном полубреду, насыщенном бесплотными ускользающими видениями, Роман слышал их осторожный диалог:

— Может, он голубой?

— Да не похоже.

— Нам же лучше. Разбудим, как выйдет оплаченное время.

Когда он вернулся в полупустой зал, страдая от похмельной головной боли, огни его были погашены, и в загустевшем от запахов спиртного, табака и духов воздухе покачивался бледный осенний рассвет. Остатки мрачных похмельных гостей неуверенно и молчаливо влеклись на выход. Кое-кто продолжал выпивать у стойки бара; иные, в помятых, расхристанных костюмах, спали на диванах, с пере-

сохшими раскрытыми ртами. На просторном «сек-содроме», занимающем почти половину эстрады, сидел, широко раскинувшись, неутомимый Тимур Алиханов с бокалом вина в руке.

— Ну как? — поинтересовался вынырнувший откуда-то из боковой двери красноглазый Гарик Мовсесян с низко спущенным галстуком и всклокоченной головой. — Как тебе твои козочки?

— Кажется, я перепил, — признался Роман, когда приняли в баре по двойному виски. — Даже начались глюки... И вообще... все это скотство, — поморщился Дерибасов.

— Где женщина — там всегда скотство, — заключил Мовсесян.

Съемки

Пока на сцене работали технические службы (поставщики — *стейджхенды* — выкатывали большие лестницы, и косматый хриплоголосый телережиссер указывал им траекторию движения во время номера, определяя основные световые акценты), пока включали *контрольный свет* — заднюю линейку освещения, уже загrimированные и переодетые костюмером актеры «Рашн комеди» в отрешенном самопогружении мысленно повторяли свои тексты, слоняясь по закулисью. Помощница режиссера — худая женщина с блеклым паническим лицом — суетливо рассаживала массовку за круглые столики с шампанским и фруктами.

Дерибасов, который несколько месяцев ждал этого события как праздника, не успел к назначенному часу (за что получил нагоняй от Варшавера) и теперь, сидя в тесной гримерке перед зеркалом, злился на себя и свое расстроенное, а потому некрасивое лицо. Опоздание произошло из-за того, что пришлось заехать за Лавинией на Суворовский бульвар (муж пребывал в Финляндии), она слишком долго наряжалась, а после, благоухая французскими духами, тяжеловато выпорхнула к нему из спальни, в ярком блузоне желто-голубой расцветки с глубоким декольте, плиссированной мини-юбке и черных сетчатых чулках. За последнее время она несколько располнела (что нравилось Дерибасову, не одобряющему модные стандарты вихлястых манекенщиц), но нынешний вызывающий наряд показался Роману явным провалом вкуса. «Ты же актриса, а не простиутка, — не удержался он. — Надела бы... что-то вечернее». «Проститутки — это по твоей части, — язвительно парировала она. — Вот и хотела тебе понравиться».

В машине они отчужденно молчали, и Дерибасов почти физически ощущал нервическое силовое поле, окружающее близкую женщину и имеющее какую-то давнюю, глубинную причину, едва ли связанную с нынешней бес tactностью любовника.

В телестудии он доверил Лану розовому от волнения за предстоящую съемку Аркадию Борисовичу, усадив с ним за один стол, и Варшавер, по достоин-

ству оценив формы подопечной, шутливо заверил Дерибасова:

— Можешь быть спокоен, Рома. Врагу не уступлю ни пяди, памятая предупреждение Сенеки: «Ab homine homini cotidianum periculum» — «Человеку постоянно грозит опасность от человека».

Когда на сцене все было готово, режиссер, тяжело дыша и промокая носовым платком вспотевший лоб, напутствовал массовку:

— Уважаемые гости, а также артисты! На вас направлены камеры, а потому не надо чесаться и чихать! Кавалерам не рекомендую хватать соседок за коленки, а если таковое и произошло, дамам не следует возмущаться! Вся ваша интимная жизнь сразу же становится известна нашему звукорежиссеру! Руку нахального соседа уберете, когда прозвучит команда «стоп!» Фрукты со столов не есть, шампанское только пригубить! Иначе еды не напасешься, а пьяных придется выводить! Молчите, хлопайте по моей команде и получайте удовольствие от спектакля!

Как и было предусмотрено сценарием, представление открыли юмористическим диалогом облаченный в безупречный смокинг и галстук-бабочку с белой сорочкой Дерибасов и Гарик Мовсесян, воплощающий образ неряшливого брутального толстяка, что был создан им в «Клубе грязных эстетов»: пошлая оранжевая бородка, мелко завитые крашеные волосы и жилетка в цветочек на голое тело, обнажающая волосатую грудь и анемичные женские руки.

После того как по приказу режиссера артисты были вознаграждены бурными возгласами одобрения и аплодисментами, Роман остался на сцене, а Гарик, положив за кулисами таблетку валидола под язык (у него уже начинались проблемы с сердцем), получил передышку до своего следующего выхода.

Дерибасов же, начав сольное выступление с ударной, беспрогрышной пародии на Анну Столыпину, безоговорочно завладел вниманием публики и постепенно достиг того состояния высокого вдохновения, когда кажется, что полностью совпадаешь со своим сценическим образом, когда безликие зрители, покоренные тобой, представляются единственным существом, посылающим желанные флюиды соучастия в ответ на твою удачливую игру. Переходя от номера к номеру, Роман как бы сливался с этим существом, подпитываясь его светло-доброжелательной энергией, и недавняя размолвка с Ланой, выговор от Варшавера за опоздание, испортившие настроение перед выходом на сцену, отступили в их *незначительности бытового*, как незначительны сейчас были и сами Лана с Варшавером, лиц которых Дерибасов даже не различал на пестрой, смазанной клумбе зрителей.

За кулисами он застал Мовсесяна сидящим в буффорском кресле стиля барокко.

— Проклятая аритмия, — сказал он, и в крупных южных глазах его качнулся страх.

— Тебе давно пора обратиться к врачу, — покачал головой Дерибасов.

— Как только скажут, что болен, так сразу и умру, — побледнел Гарик. — Я себя знаю.

...Презревшие семейную вражду
Любовники ревились до рассвета
На грядках. Даже малую нужду
Справляли после водки и минета, —

доносились со сцены. Там юмористы братья-близнецы Туркины — русоголовые крепыши в клунских клетчатых костюмах — разыгрывали любовную историю, сочиненную Мовсесяном и Дерибасовым на даче.

Ничто беды не предвещало, но
Матвейко-старший ночью вороватой
На грядки сгреб сортирное говно
Широкою совковою лопатой... —

вещали братья под аплодисменты и гогот присутствующих.

— Какая пошлость, мать твою... — покривился Гарик, держась за сердце.

— Пипл хавает, — успокоил Роман.

— Проклятая сцена, — пожаловался Мовсесян. — Этот наркотик посильнее, чем власть.

Любовники попали в западню,
Пожалуй, это и ежу понятно,
И стали отмывать под душем ню,
Чтоб выглядеть достойно и опрятно... —

подошли чтецы к финалу произведения.

В этом месте, согласно сценарию, из зала раздались требовательные голоса: «Автора! Браво! Автора!», Гарик проворно поднялся, кратко успокоив напарника: «Ничего, старик, я в порядке», и они с широкими улыбками выбежали на авансцену, где, обнявшись с Туркиными, завершили декламацию:

Прости, Шекспир, живем в другой стране,
Трагедии не вышло из сюжета,
Мы столько лет привыкли жить в говне,
Что можем лишь себя убить за это!

Следующим выступал маленький юркий Радик Хусаинов, которого Алиханов переманил с другого частного телеканала, где артист пользовался популярностью как создатель образа Артура Чебурекова — глуповатого *гастарбайтера* из бывшей братской республики, попадающего в нелепые и комические ситуации.

Временно свободный от съемки Дерибасов намеревался проскользнуть за столик к Лавинии и Варшаверу, где старик обещал сохранить в неприкосненности не только женщину Романа, но и предназначенный ему стул. Однако с недоумением обнаружил,

что он занят... самим продюсером, до блеска выбритая голова которого отражала яркие студийные огни.

Заметив движение Дерибасова в их сторону, Аркадий Борисович виновато втянул голову в плечи и беспомощно развел руками. Лана широко улыбнулась Роману и приветственно пошевелила растопыренными пальчиками в колышцах. Алиханов сосредоточенно разливал по фужерам шампанское.

Дерибасову ничего не оставалось, как устроиться поодаль, вне студийного действия, рядом с каким-то телевизионным оборудованием, покрытым черным чехлом.

— На сцене — непревзойденный мастер на все руки Артур Чебуреков! — объявил ведущий спектакля. — Красавец! Самый сексуальный! Самый вос требованный мужчина современности! Все хотят Чебурекова! Сам Чебуреков хочет Чебурекова! Артур, ты, судя по всему, по восточному гороскопу тигр? — обратился он к застенчиво переминающемуся артисту в его традиционном рабочем комбинезоне и пластиковой каске строителя.

— Не-е-ет, нашальника... — тоненько отозвался тот, закатывая глазки и застенчиво ковыряя носком ботинка пол. — Я гепард... Самый быстрый зверь в мире... Завалил телку, пять секунд — и готово!

Даже без команды режиссера массовка взорвалась смехом.

«Наш народ безнадежно болен», — с тоской подумал Дерибасов.

Алиханов потянулся к Лане наполненным фужером, и она отозвалась лучезарной улыбкой.

Дерибасов вспомнил продюсера в бане и его сентенцию, высказанную за кружкой пива: «Подавляющее большинство людей, независимо от их интеллекта, тяготеют к подчинению. Лидер — это прежде всего сильная и независимая воля. Это локомотив цивилизации, который тащит за собой все инертное и вялое...»

«Не собирается ли этот локомотив *снять мою женщину?*...» — встревожился Роман.

Программа, которая в эфире должна была идти сорок минут, снималась несколько часов. Не обошлось без рабочих накладок: вырубало музыку, редакторы теряли микрофоны, усталая массовка забывала выдать аплодисменты в нужный момент.

Отстраненно, почти с безразличием наблюдая за всем этим, Дерибасов болезненно пестовал свою ревность к любовнице, которая откровенно кокетничала с продюсером, и в то же время — сознавая себя предателем — в глубине души был польщен вниманием к ней *сильной личности*. Вниманием, которое как бы приравнивало его к этой *сильной личности*.

Отыграв еще в нескольких сценках, по завершении съемок он очутился наконец за своим столиком.

— Слава богу, все кончилось, — с облегчением проговорил Варшавер, уступая Дерибасову место. — Побегу домой. Собачка не писяна, собачка не какана...

— Поздравляю, Ромочка! — проговорила Лана, полыхая щеками. — Ты был великолепен. Тимур Ахатович наговорил о тебе столько лестных слов... А знаешь, он приглашает нас с тобой в ресторан.

Алиханов подтверждающе кивнул:

— Такое событие надо отметить.

Поскольку предстояли ресторанные возлияния, свой автомобиль Дерибасов оставил на парковке телестудии и, во второй раз на этой неделе очутившись в длиннощем «хаммере» продюсера, почтительно притих в плотной, почти осязаемой атмосфере жизненного преуспевания и ошеломляюще избыточного комфорта.

Лавиния же, наоборот, возбужденно щебетала, осматривая салон с двумя телевизорами, видеомагнитофоном, спутниковым телефоном и прочими техническими новшествами; когда же на зеркальном потолке, увеличивающем и без того просторный объем лимузина, развернулось лазерное цветомузыкальное шоу, не удержалась от восхищенного восклицания:

— Это просто супер! Тимур Ахатович, вы... вы... я просто не нахожу слов!

И смокнула продюсера в щеку.

Дерибасова кольнула ревность, но в следующий момент, неторопливо разлив по стаканам извлеченное из бара виски, Алиханов проговорил:

— Я просто бизнесмен, Ланочка. Предприниматель с крепкими нервами. А вот наш Роман... Его талант от Бога, за это стоит выпить. И поверьте мне — завтра он проснется знаменитым.

— Я вам так благодарен, Тимур Ахатович, — расчувствовался Дерибасов. — Если бы не вы... Да что там говорить...

Слезы благодарности навернулись на глаза Романа, и ощущение светлого праздника переполнило его. Теплые волны долгожданной удачи, своего высокого, данного свыше предназначения, ласкали и укачивали его по мере выпивки и тостов-тостов-тостов за обильным ресторанным столом в зале с дорогой лепниной, фонтаном, изливающимся в мраморную чашу с золотыми рыбками, живой музыкой чопорного оркестра и милых, доброжелательных лиц Ланы и Алиханова...

Он внезапно прозрел, увидев их сомнамбулическое сплетение в центре *танцпола*, словно зрение его превратилось в беспощадный луч прожектора; они отрешенно покачивались под музыку — щека к щеке, — верша потайное единение плотно прижатых друг к другу тел. Дерибасов вспомнил продюсера в бане, а после на сцене борделя с блондинкой и понял, что весь сегодняшний вечер — ложь, изощренный обман...

Потом два дюжих охранника Алиханова, заломив руки тощему бородатому парню с фотокамерой, тащили его к выходу из зала, а он упирался и протестующе верещал.

— Эти чертовы папарацци, — равнодушно заметил продюсер, возвратившись за стол. — Нигде от них не спрячешься.

— У вас на щеке помада, — засмеялась Лавиния. — Надо стереть.

И полезла в сумочку за носовым платком.

У Дерибасова хватило ума не устраивать любовнице скандала в ресторане; лишь очутившись в *джакузи* ее просторной ванной комнаты, куда хозяйка отправила Романа пропретрзаться, он дал волю чувствам и словам.

— Шлюха! Ты вела себя как последняя шлюха! — кипятился он. — Все вы... Ради толстого кошелька...

— Он и без кошелька достаточно импозантный мужчина, — парировала она. — К тому же умеет пить. *В отличие от некоторых*.

Она сидела напротив, уронив руки в потрескивающую пену, и ее большие белые груди посвечивали самоутверждающе и отчужденно.

— Я все, все понял! — ударил он ладонью по воде. — Ты давно... давно с ним переспала! Еще в то время, как была Вагиной Оргазмовой!

— Дурак, — отозвалась она. — Тогда я переспала с тобой. И вообще... Кто был он и кем была я. Его интересовали только стриптизерши.

— Я все видел! — продолжал Дерибасов. — Глаз с него не спускала... Так и лнула! А во время танца... Гладила его бритый затылок!

— Дурак. Дурак и козел. И все равно я тебя люблю.

Он почувствовал вдруг себя маленьким, обиженным сиротой и всхлипнул от внезапной жалости к себе.

— Это... правда? — доверчиво спросил он дрогнувшим голосом.

— Дурачок.

Она подвинулась, взволновав пенную шапку на воде, Дерибасов ощутил упругое прикосновение ее литых бедер, и в следующий момент Лавиния обвила его шею руками, часто, отрывочно целуя.

— Глупенький... Прости... Прости... Последнее время... совсем ко мне равнодушен... Весь в своих репетициях и репризах. Никуда не выходим, ни в театр, ни на выставки... не встречаемся с друзьями. Получаешь свое, и расстаемся на неделю... Просто хотела, чтобы обратил на меня внимание, поревновал.

— Я тоже... тоже люблю тебя, — вырвалось у него.

Проснуться знаменитым

Через сутки после телевизионных съемок, когда поздним утром Дерибасов завтракал у себя на кухне холостяцкой яичницей и черным кофе, позвонил Гарик Мовсесян.

— Ты уже прочел свежую прессу? — спросил он. — Нет? Тогда немедленно беги за «Желтыми секретами»!

Ничего толком не объяснив, он бросил трубку, зародив у Романа сосущее дурное предчувствие. По

пути к ближайшей станции метро оно все усиливалось, а когда Дерибасов очутился перед витриной газетного киоска, переросло в горячее смятение стыда: мутноватый цветной снимок первой полосы, отпечатанный на дрянной бумаге, изображал обнявшихся на фоне ресторанных фонтана Алиханова с Лавинией, а чуть поодаль, за обильным едой и выпивкой столом, сутулился он, Роман Дерибасов, в злобной хмельной кручине наблюдая за танцующими. «АБРЕК УВЕЛ У ПАРОДИСТА ЛЮБОВНИЦУ?» — гласил аншлаг через всю страницу.

Знакомый киоскер, старик в захватанных очках на шнурке и сатиновых нарукавниках, к счастью, не опознал своего постоянного клиента на фотографии, и Дерибасов поспешил ретироваться, укрыв покупку от моросящего осеннего дождя под плащом. К себе он возвращался, втянув голову в поднятый воротник, и старался избегать посторонних взглядов, в которых чудилась изdevательская, разоблачающая осведомленность.

Развернув газету дома, Роман обнаружил, что событиям в «Метрополе» с его участием посвящен целый разворот, и каждая сценка снабжена примитивным и пошлым двусмыслием. «Алиханов — хищный волк, знает он в лошадках толк!», «Упустив свою малодку, Дерибасов хлещет водку!» и тому подобное. Даже изгнание неожиданного папарацци телохранителями продюсера было запечатлено в двух ракурсах...

— После этого мерзкого репортажа даже на улицестыдно появляться... — жаловался Роман Гарик Мовсесяну вечером в их излюбленном шотландском пабе на Знаменке.

Гарик отставил ополовиненную кружку и расходился:

— Узнаю почерк хитрого Абрека! Гениально придумано!

— Из-за него я чуть не рассорился с Ланкой.

— Неужели думаешь, в ресторан Алиханов повез тебя, чтобы пофлиртовать с твоей любовницей? Да у него десятки самых дорогих топ-моделей и стриптизерш!

— Готов был... убить ее...

— Ну и дурак, — неохотно заметил Гарик. — Разуй глаза и проанализируй ситуацию. Самый успешный продюсер России после съемок везет тебя в самый престижный ресторан. Выпивает с тобой за одним столом. Уделяет знаки внимания твоей женшине... И все это фиксируется фотокамерой.

— Но репортера со скандалом изгнали, — напомнил Дерибасов.

— Тогда кто снял сцену изгнания? — иронично выгнул бровь Мовсесян.

Роман растерянно заморгал, чувствуя, что краснеет:

— Ты хочешь сказать... все это... подстроено?

— Наконец-то до тебя дошло! Алиханов может иногда расслабиться с телками либо друзьями, но во всем, что касается бизнеса, он расчетлив и хладнокровен, как удав. Знаешь, откуда взялись папарацци

в тот вечер? На Абрека уже не первый год работает пиар-агентство «Стоп-кадр»! И он оплачивает счета этих проныр так же прилежно, как мы — коммунальные услуги Не будь лохом и пойми: Алиханов принял всерьез *пиарить* тебя перед тем, как наша «Рашн комеди» выйдет в эфир!

А самый надежный, проверенный способ пиара — скандал! Считай, что ты уже знаменит! Именно на тебя он поставил, как делает это на ипподроме!

— Я идиот, — покаялся Роман. — В тот вечер... чуть не нагрубил ему.

— Ты вовсе не идиот, — возразил Гарик. — Но у тебя все еще проблемы с совестью. Ты наивно считаешь, что это нравственный закон, данный свыше. А она — всего лишьrudiment неволи детства — тех запретов, наказаний и установок, которыми нашиговали нас воспитатели... Тот, кому удается избавиться от такой совести, — по-настоящему свободен. Ты думаешь, я шокирую публику сальными анекдотами, троцкистской бороденкой, крашенными космами и волосатым брюхом ради заработка?

— Ты сам об этом говорил.

— Чушь! Я избрал такой образ, чтобы избавиться от аккуратного, чистенького, соблюдающего режим дня отличника, вылепленного государством и моими родителями... А потом выяснилось, что за этот пошлый эпатаж еще и хорошо платят... — Он опорожнил кружку крупными, шумными глотками и направил на Дерибасова заблестевший победительный взгляд: — И платят как раз те, кто не сумел освободиться от оков воспитания. А таких большинство!

Нежданная гостья

— Здравствуйте вам! Можно до вас вломиться?

Открыв дверь квартиры после требовательного входного звонка, Дерибасов увидел на лестничной площадке коренастую, розовощекую — с мороза — женщину в меховой шапке из чернобурки и зеленом китайском пуховике. Она порывисто устремилась к нему навстречу, но недоумение на лице хозяина, видимо, сдержало ее от намерения обняться; гостья густо покраснела, и улыбка ее сделалась натужной.

— Уже своих не узнаете, Роман Михайлович? А може... я некстати? — смущалась она. — Абаша сказал, что будет тебе приятный сюрприз...

Тут только Дерибасов узнал свою давнюю любовницу, и у него возникло то самое повинное чувство собственного превосходства, что бывало в детстве, когда шел с красавицей матерью в театр оперетты мимо сверстников, играющих в расшибалку.

— Вот так неожиданность... — промялил он, пропуская Свету в прихожую. — Конечно, сюрприз...

Он знал, что хохлушка прожила у Аркадия Борисовича в горничных более двух лет, пока в доме его не появилась сорокалетняя бизнесвумен Инесса Гольдштейн, после чего Света отбыла в родную Шепетовку, а теперь, судя по всему, вернулась...

Несколько минут спустя она уже проворно выкладывала на стол из хозяйственной сумки шмат сала, тушку копченого кролика и бутылку фирменной украинской горилки со стручком перца на дне.

— До самого Кучмы направили письмо, — рассказывала она во время застолья. — Садик обратно открыли, но деток сильный недобор. Наши бабы перестали рожать из-за политики.

Хмельным, словно бы заострившимся взглядом Дерибасов оценивал ее располневшее простодушное лицо, короткие светлые волосы, плохо прокрашенные у корней, явно маловатый синтетический костюмчик, выявляющий перетяжки нательного облачения, и женщина виделась ему почти незнакомой и удручающе провинциальной. Но главное — от нее исходила угроза его удобному, налаженному быту холостяка. «Что же мне с нею делать?» — маялся Роман.

— А ты сделался знаменитым, как и хотел, — татарорила осмелевшая гостья. — В газетках тебя прописывают, Абаша говорит, скоро по телику покажут.

«И надолго ли это гостевание? До чего ж некстати!» — размышлял он, натянуто улыбаясь.

— Я так рада, так рада за тебя, Ромочка, — журчала между тем Света. — Прямо нету слов.

— Спасибо, Светик... Спасибо, что навестила.

— А помнишь, как прощались в кафе? Я думала — у меня сердце лопнет!

«Ну, Аркадий Борисович, удружили...» — иронично посетовал Дерибасов.

— Я тоже... очень переживал, — вяло поддержал он.

— А ты здорово изменился, — заметила она. — Настоящий мужчина.

«Не оставлять же ее на ночь... — подумал он, все больше раздражаясь. — И вообще... Что между нами общего?»

— А ты все так же... прекрасно выглядишь... — заметил Роман, не сумев преодолеть фальшив в голосе.

— Да ладно тебе... — кокетливо отмахнулась она. — Кругом столько молоденьких телок... И по доступной цене!

— Ты надолго в Москву? — наконец решился Дерибасов. — Если что... могу оплатить гостиницу. Я ведь твой должник.

— Да не парься насчет этого! — весело успокоила она. — У Абashi остановилась. Знаешь, что отмочила эта сучка Инесса? Два года жила у него, тянула с него деньги на свой бизнес, а после заявляет: ухожу, мол, от тебя, из Мюнхена вернулся мой любимый мужчина, то ли Помеловский, то ли Кончеловский. Он известный поэт, и его скрзь печатают...

Теперь Дерибасову открылась тайная причина гипертонических недомоганий Варшавера. Да, с женщинами ему решительно не везло.

— Ну и... же эти москвички! — возмущалась заметно охмелевшая Светлана. — Вот и твоя... Как увидела ваши фотки в этой долбаной газетенке — у

меня внутри все перевернулось... Променять такого красавца на какого-то чурку! Я бы ей все патлы повыдирав! Не журись, Ромик, тебе любая даст. А если что... Светка всегда к твоим услугам. И совсем забесплатно!

Проводив ее, он щедро «отстегнул» таксисту (Света взять деньги категорически отказалась) и, возвращаясь домой сквозь рыхлый, сырой снегопад, обнаружил — с беспощадной, разоблачительной откровенностью: «А ведь ты, оказывается, еще тот фрукт, Роман Мигель Дерибас! Девушка к тебе с открытой душой... А ты... Лицемерный наследник Тартюфа!»

Фанатки

Жидкий мартовский вечер напоен был густой влагой снеготаяния, смешанной с нечистым дыханием города. Мутные уличные фонари струили больной, бессильный свет, и под козырьком у входа в гостиницу «Рэдиссон-Славянская», куда Дерибасов поспешал на очередную репетицию, таились глухие сумерки. Едва поднялся он по широким ступеням пандуса, навстречу выступили две девушки в ярких синтетических куртках и наперебой зазвенели восторженными голосами:

— Ромочка, мы от тебя прямо балдеем! Ты такой классный мужик! Помним наизусть все твои пародии и приколы! Ты король шоу-бизнеса номер один!

И протянули Дерибасову его фотографию, чтобы расписался.

Чуть позже, в их общей гримерке, Гарик Мовсесян делился опытом:

— Девицы, что охотятся за звездами, бывают трех категорий. Самые оголтелые — *фантаки*. Эти преследуют своего кумира по пятам в жару и ненасытье, готовы колесить за ним по всей России и отдаваться в любую минуту; *поклонницы* — интеллектом повыше, они хотя и добиваются встреч с любимым артистом — но лишь для того, чтобы посидеть где-нибудь с ним в баре, побеседовать о его творческих планах и тому подобное... А *почитательницы* и вовсе не ищут свиданий, они самодостаточны в личном плане и посещают выступления своего избранника, обожая его на расстоянии как явление культурной жизни.

Когда после репетиции вышли они через служебный вход на гостиничные задворки, пахнущие гнилью мусорных баков, выяснилось, что девушки преданно поджидали тут Дерибасова, и курточки их обильно испятнаны весенней капелью.

— Не теряйся, старик, — легонько подтолкнул Романа плечом Гарик. — Цыпочки твои.

Сажая фанаток в свою машину, Дерибасов даже не помышлял о сексуальном приключении. Он был польщен вниманием юных незнакомок, которые ради него провели несколько часов у стен гостиницы, но в то же время испытывал перед ними смутную вину, что стал причиной этого ожидания.

Когда выехали на Бережковскую набережную, у Дерибасова созрел план в знак благодарности развезти девушек по домам, но тут та, что сидела рядом (она называлась Наташой), зябко поведя плечами, отчего жестко прошуршала синтетика ее одеяния, проговорила:

— Ну и холодрыга, блин... У тебя дома вискарь найдется?

— У меня дома жена и дети... Семеро по лавкам, — отшутился Роман.

— Не заливай, — отозвалась с заднего сиденья вторая пассажирка, которую подруга называла Генри. — Мы все про тебя знаем.

— У нас на тебя целое досье, — уточнила Наташа. — Знаем даже, что твой отец в Барселоне убивал быков на корриде.

(С памятного вечера в «Метрополе» желтая пресса взяла Дерибасова под прицел; а сейчас, когда программа «Рашн комеди» появилась на телевидении, о нем уже было опубликовано несколько небылиц, в том числе и про отца-тореадора.)

— А я был любовником испанской принцессы, — добавил Роман.

— Ну, ты, блин, даешь! — восхитилась Наташа, повернувшись к Дерибасову круглым простодушным лицом. — А мы учимся на курсах. По бухгалтерскому учету.

— Будем твои бабки считать! — хохотнула Генри.

Дома, проворно раздевшись (при этом Наташа оказалась в тугой мини-юбке, обнажающей чуть полноватые бедра, а ее сухощавая напарница в джинсовом брючном костюме), девушки перво-наперво запросили виски, после чего принялись хлопотать на кухне.

Уставший после репетиции Дерибасов полулежал на угловом диванчике, прихлебывал из стакана и, тихо пьянея, наблюдал за их веселой суетой. А когда гости принялись жарить яичницу, — и вовсе мимолетно испытал давно позабытое им *чувство домашнего очага*, которое порождается лишь присутствием женщины.

За столом он благодушно пьянел, все отчетливей сознавая свою несомненную успешность, а порозовевшие от выпитого, возбужденно щебечущие девушки казались доступным и заслуженным приложением к этой успешности.

Ему все больше нравилась Наташа — с ее распущенными ореховыми волосами, мягкой округлостью плеч и молочной белизной шеи. Роман то и дело прихватывал ее за мягкую талию, наклонялся к ушку, вдыхая парной запах тела, смешанный с горьковатым ароматом духов.

Сидящая напротив стриженная под мальчика Генри нервно, отрывочно курила, иронично кривила тонкие губы, а после того, как Наташа ответила на долгий и требовательный поцелуй хозяина квартиры, вскочила и выбежала на балкон.

— Генри! Генриетта! У тебя же ангина! — запричитала Наташа, устремляясь следом.

Дерибасов понимал, что все его преуспевание в жизни может закончиться прыжком пьяной девицы с шестого этажа, но не тронулся с места: неожиданно проснувшийся в нем профессионал с холодным и подлым интересом выжидал дальнейшего развития сценического действия, трагический финал которого представлялся наиболее эффектным.

— Ты сошла с ума! У тебя крыша поехала! — беспновалась между тем Наташа, тряся подругу за плечи. — Что ты себе, блин, нафантазировала??!

— Ничего! — подвигнула Генриетта. — Все видела своими глазами! И вообще... — Она всхлипнула и громко разрыдалась. — И вообще... Последнее время ты ко мне переменилась... Нежно не смотришь... А сейчас и вовсе променяла меня на мужика...

— Да я же люблю тебя, дурочка...

— А сама готова ему дать...

Ласково увещевая, Наташа вывела плачущую подругу в прихожую и сняла с вешалки ее куртку. Фанатки высокользнули из квартиры и вызвали лифт.

«Вполне дурацкая история», — заключил Дерибасов, возвращаясь к столу и наливая себе виски. — Впрочем, как и вся жизнь».

Он снял телефонную трубку и, прикрыв глаз, чтобы не двоилось, набрал номер.

— Ланочка, ты меня любишь? — спросил он.

— А который час? — сонно отозвалась она.

— А ты что... любишь меня по часам?

— Роман, в честь чего ты так надрался?

— Я надрался в честь тебя... Потому что люблю.

— А я не люблю, когда ты надираешься. Ложись-ка спать.

«Все равно... она лапочка... — заключил Дерибасов, направляясь к постели. — Любил ли я хоть раз до этих пор? О нет, то были ложные богини... Ха-ха!»

Таунхаус

— Георгий такой волевой и решительный, такой весь из себя бизнесмен... — говорила Лана, мягко покачиваясь рядом с Дерибасовым в его новенькой «тойоте». — Его так уважают в деловых кругах... А со мной... как большой ребенок. Иногда мне жалко его. Жалко, что обманываю... Унижаю изменой.

— Женщина способна не только унизить влюбленного, но и полностью разрушить его личность, — заметил Роман. — Об этом писал еще Лев Толстой.

— Ты жесток, — проговорила она, закуривая.

В машине витал прозрачный, волнующий запах необоженного салона. Автомобиль был куплен Дерибасовым две недели назад и все еще вызывал ощущение праздника. Программа «Рашн комеди» выходила в эфир каждую неделю, завоевала высокие рейтинги, и на Романа свалились такие заработки, о которых он и не мечтал.

Ехали за город по широкому Новорижскому шоссе, плавно вытекающему среди пестрого августовского пейзажа — мимо придорожных строительных рынков, громадных супермаркетов и ярких рекламных

щитов, предлагающих заморский пляжный отдых и дачные усадьбы в Подмосковье. Все это были знаки совсем нового для России, капиталистического изобилия, которое сейчас казалось артисту радостно-доступным.

— Прости, — покаялся Дерибасов. — Это я от ревности.

— Странный вы народ — мужики, — отозвалась она, гася окурок в пепельнице, и в этой недосказанности Роман в очередной раз уловил упрек.

Риэлтор Маргарита — миниатюрная шатенка, в больших серых глазах которой, казалось, таился тихий восторг жизни, — уже поджидала их у вишневой малолитражки на автостоянке дачного поселения.

— Вам непременно понравится! — щебетала она, увлекая потенциальных покупателей в сторону двухэтажного строения, вытянувшегося по склону холма на опушке березовой рощи. — Таунхаус — новое слово в дачном строительстве, в нем совмещается городской комфорт и экологические блага сельской местности. Многоуровневые квартиры имеют отдельный вход, автономную систему теплоснабжения. На крыше можно оборудовать небольшой балкон, а перед домом будете иметь земельный участок... Мы с мужем в этом году уже собрали первый урожай клубники.

В здании пахло цементом, лаком и свежими красками; рабочие восточной наружности заканчивали отделочные работы.

— По вашему желанию можно спланировать сауну, камин и даже бассейн, — поясняла Маргарита с приложением терпеливого экскурсовода, проводя гостей по апартаментам. — Вам здесь будет хорошо... У нас много молодых семей...

— Это *ему* будет хорошо, — сухо уточнила Лавиния, кивнув на Дерибасова.

— Извините... — покраснела Маргарита. — Я думала...

Роман обменялся с ней визитными карточками и условился о новой встрече — для заключения договора.

— Ну, как тебе таунхаус? — спросил он у Ланы, когда отъезжали.

— Ужасно! — отозвалась она. — Похоже на колумбарий. Сразу вспомнила Востряковское кладбище, где стоит урна бабушки.

«Не надо было брать ее с собой», — запоздало догадался Дерибасов.

Нынешний режим его жизни был столь уплотнен, что с утра приходилось намечать такой маршрут передвижения по городу, который позволял бы осуществить все задуманные дела и встречи. Вот и сегодня воскресный загородный пикник с Лавинией артист совместил с заездом на дачную новостройку.

Расположились на площадке обрывистого озерного берега в тени дубравы, пахнущей настоящей сухой горечью близкой осени. Дерибасов извлек из багажника портативный мангал, пластиковое ведер-

ко маринованного мяса, и Лана, облачившись в крохотный купальник, с энтузиазмом принялась накрывать походный столик.

— Рома, ты прости меня... за все... сегодняшнее... — повинилась она, когда после купания пили сухое красное вино под шашлык. — Это потому, что я тебя очень люблю.

Их единение в салоне автомобиля было яркой вспышкой чувственности; в ней у Дерибасова свились воедино и благодарность женщине, и покаяние, и слепая жестокость самца, утверждающего свое право обладания.

— Господи, я вдруг подумала... — проговорила она позже, накидывая легкий халатик. — Нашему сыну могло бы быть уже четыре года.

Предгрозовая атмосфера

В сентябре 1997 года, выступая в Совете Федерации, Борис Ельцин провозгласил переход от построенного в России «дикого» капитализма к нэпу, благодаря чему через пару лет он станет «народным». Дескать, хватит, братва, воровать, стрелять и «прихватизировать», пора стать цивилизованными и вспомнить о простых гражданах.

Речь его вызвала множество толков, а некоторые газеты напечатали показания свидетелей, которые в этот момент были неподалеку от Мавзолея: при слове «нэп» оттуда якобы раздался саркастический смешок, и Вождь пролетариата произнес: «Ну, батенька, пгиехали!»

— Именно так и было! — божился Игорь Тепляков, нагибаясь к управляющему «тойотой» Дерибасову с заднего сиденья.

— Да полно, Игорь, — усмешливо возразил Аркадий Борисович, сидящий рядом с водителем, — это же анекдот, пущенный желтой прессой.

— Анекдот?! — повысил голос Тепляков. — Да я, если хотите знать, в этот момент был в трех метрах от мумии! Водил своего старшего на экскурсию, чтобы с детства понял, что пресловутый «дедушка Ленин» — лишь муляж, кукла! А вышло... парень несколько ночей после этого не спал, пришлосьглашать психолога.

По широкому Минскому шоссе на машине Дерибасова (после инфаркта, связанного с предательством Инессы, Варшавер садиться за руль опасался, а многодетный Тепляков пока еще не смог обзавестись автомобилем) ехали на новоселье: Тепляков отстроил наконец дачный домик на месте родительской развальхи и недавно вывез туда жену Юлию с малолетними детьми, чтобы после душной Москвы и тесной квартиры набирались здоровья на вольном воздухе. Юлия Левицкая-Теплякова несколько лет назад весьма успешно играла в театре вместе с мужем, в труппе считалась примой, но после роли Маргариты в пьесе по знаменитому роману Булгакова вдруг резко оставила сцену и ударила в религию.

— Юлия не собирается вернуться в театр? — поинтересовался Варшавер, когда подъезжали к дачному поселку.

— У нее теперь другие пристрастия, — усмехнулся Тепляков. — Молится и рожает. Рожает и молится.

Встретившая гостей у дачной калитки бывшая актриса явила собой наглядную иллюстрацию к этим словам: туго повязанная платком, в длинном черном платье, напоминающем одеяние монахини, она держала на руках младенца, дремлющего с соской в рту; карапуз лет трех держался за ее подол, а двое других, постарше, с воинственными криками фехтовали прутиками в огороде.

— Да прекратите же, ироды! — кричала на них с крыльца теща Теплякова — полная женщина с фиолетовыми волосами, вынув изо рта сигарету. — Все грядки мне истоптали!

— Я же просила вас, Надежда Федоровна, — мягко укорила мать Юлия, торопливо перекрестившись. — Не отягощайте бранью ангельские души.

— У нас воспитание без запретов, — со вздохом пояснил Тепляков. — Никуда не денешься.

В этот момент к участку подъехал на своей белоснежной иномарке Гарик Мовсесян.

— С новосельем! — широко улыбнулся он, передавая теще Теплякова вынутый из багажника зачехленный гамак. — Отдыхайте, как говорится, «под сенью струй»!

— Вашими бы устами да мед пить... — польщенно отозвалась та.

После осмотра просторного дома из бруса, выкрашенного в канареочный цвет, и рубленой бани для гостей был накрыт на веранде стол с обильной выпивкой и домашними разносолами.

Надежда Федоровна, нарочито-грубоватая в поведении, между тем была женщиной доброй и домовитой. Спазанку она съездила на пристаничный рынок за парной свининой, сама замариновала мясо и даже не допустила мужчин к приготовлению шашлыка на мангале, шутливо заметив:

— Мужики могут только все портить!

— Итак, коллеги, что нэп грядущий нам готовит? — поинтересовался Мовсесян после того, как беседа — по неистребимому обычью российского застолья — свернула в колею политики.

— Речь Ельцина в Совете Федерации — образчик постсоветского пустословия, — заметил Тепляков. — В ней все провозглашается и ничего не объясняется! Например, кто своим невмешательством наш доморощенный капитализм превратил в «дикий и бандитский»? Как можно было столько лет пребывать у власти и не наладить контроль за расходованием бюджетных средств?

— Ну и главный вопрос — сродни гамлетовскому, — добавил Гарик. — Когда и где, черт возьми, можно будет услышать толковый отчет о российском реформаторстве?!

— Зато Дедушка пообещал, что власть в России станет «сильной и умной», — съехидничал Де-

рибасов. — Выходит, до этого была слабой и глупой...

— Не такие уж дураки младореформаторы, когда дело касается собственного кармана! — воскликнул Тепляков. — Нэпом они начали смену вех! Сделав ставку на государственное вмешательство во все «жизненно важное», они, мерзавцы, сознают: «А государство — это мы!»

— Ох, ребятки, Сталина на вас нету... — вздохнула Надежда Федоровна, убирая со стола лишнее. — Радуйтесь, хоть разговоры можете разговаривать.

— В этом смысле вам и вправду повезло, — не громко проговорил Варшавер, неспешно потягивая клюквенный морс (после инфаркта пришлось отказаться от спиртного). — *Ad perniciem solet agi sinceritas*, искренность часто приводит людей к несчастью.

— Гайдар им друг, но собственность дороже, — поддержал Мовсесян мысль Теплякова. — Ради личных целей похоронили либерализм и стали государственниками покруче Зюганова.

— Вернемся к нашим баранам, то есть к новоселью, — предложил Аркадий Борисович. — Игорь совершил мудрый и своевременный поступок, построив этот прекрасный дом. Не хотел бы оказаться пророком, но, по моему разумению, страну ждут экономические потрясения. Самой урожайной нищей в ближайшее время станут российские ценные бумаги. Отечественные акции сильно недооценены. Рано или поздно бум на российском фондовом рынке неизбежен. Его обороты могут увеличиться в сотни раз. И если обладать доступом к деликатной финансово-экономической информации... Рискну предположить, что на операциях с ценными бумагами политический клан в союзе с приближенными сможет сколотить миллиардные состояния, независимо от сложившихся банкирских группировок... А что остается нам, простым гражданам? Вкладывать накопления в недвижимость!

«Выходит, я молодец, — размышлял Дерибасов, вместе с остальными шагая в баню через двор. — Молодец, что внес деньги за таунхаус».

Подпольное счастье Гарика Мовсесяна

Стоял один из тех погожих весенних дней, когда остатки тающего снега сверкающими ручейками вьются по асфальту к решеткам ливневых стоков, ветерок доносит со дворов горечь тополиных почек, а домохозяйки старательно отмывают оконные стекла от зимней городской копоти.

Во дворе роддома Дерибасов с Мовсесяном оказались среди счастливых подвыпивших отцов, которые, задрав головы, перекрикивались с женами, больничные лица которых бледнели в раскрытых окнах и заключали в себе нечто от иконописного смирения Богородицы.

Бэлла, как и прочие, туго повязанная косынкой, устало улыбалась Гарику с третьего этажа и посыпала воздушные поцелуи гибкой смуглой рукой.

— Покажи мне его наконец! — в нетерпении требовал Гарик. — Хочу его увидеть!

Она вновь появилась, держа над головой упакованного в конверт младенца. Тот извивался в своем коконе, словно пытаясь освободиться, и морщился при этом красным недовольным лицом.

— Он похож на меня?! — допытывался Мовсесян. — На кого он похож?

— Он вылитый ты! — шутливо успокаивала Бэлла. — И животик как у тебя! Не отвертишься!

— Спасибо, солнышко! — умилился Гарик, смахивая слезу радости. — Ты самая-самая...

Дерибасов переминался рядом, держа в руке пластиковый пакет с арбузом, купленном ими на Центральном рынке.

— Хотели удивить тебя весенным арбузом! — пояснил Гарик. — Но у нас не приняли, родильницам нельзя! Употребим его как закуску!

— Не увлекайтесь «зеленым другом»! — напутствовала Бэлла.

— Ну это уж извините, — усмехнулся Дерибасов, когда шли к стоянке автомобилей. — В такой день грех не напиться.

Мовсесян достал из портфеля массивную трубку мобильного телефона — технической новинки, уже покорившей состоятельный Москву.

— Музынька, — вкрадчиво произнес он. — Это ваш кормилец. Как сама, как дети? Я работаю с Романом над скетчем. У него в таунхаусе. Как говорится в анекдоте, «там и заночую», — натянуто хохотнул он. — Целуй наших девочек. — И, отключив телефон, с ироничной сокрушенностю добавил для Дерибасова: — Раньше был неверным мужем, а теперь еще и отец-подпольщик... Почему мы изменяем самым достойным и преданным женщинам?

— Наверное, потому, что они преданные, — не весело отшутился Роман, вспомнив о последней размолвке с Ланой.

В таунхаусе, куда Дерибасов переселился полгода назад, за холостяцким пиршественным столом друзья просидели до полуночи.

— Сегодня я самый счастливый человек на свете! — признавался Гарик. — Каждый кавказский мужчина мечтает о сыне! Разве я виноват, что Муза, родив чудных девочек, больше не может?

— Ты ни в чем не виноват, — поддерживал его Дерибасов. — И никто тебя не осудит.

— Он не будет ущемлен в правах, мой мальчик! — решительно говорил Мовсесян. — Признаю свое отцовство, в смысле всяких там юридических формальностей... Буду поддерживать материально, дам хорошее образование, воспитаю из него настоящего мужчину! Даже... при регистрации внесу его в свой паспорт, туда, где дочери.

— А как же Муза?

— Она не узнает.

— А если все-таки узнает?

— Вай, что ты в такой день о плохом?! — возмутился Гарик. — Когда узнает, тогда и будем думать,

как выкручиваться! Бэлла умная, порядочная женщина, искусствовед. Ко мне у нее никаких материальных притязаний. А Муза... это сама доброта. Может, со временем удастся их даже подружить.

— Это хорошая идея, — одобрил Дерибасов.

— Ты-то долго еще собираешься мучить Лавинию? — с хмельным прищуром поинтересовался Мовсесян. — Роскошная женщина, любит тебя, прощает изменения...

— Не далее, как прошлой ночью, в спальне, что за стенкой, — припомнил Роман, — она вдруг прочла мне монолог Джульетты: «Я как ручная птичка щеголихи, привязанная ниткою к руке. Ей то дают взлететь на весь подвесок, то тащат вниз на шелковом шнурке. Вот так и мы с тобой». «Дерибасов, когда ты наконец на мне женишься?»

— И что ты ответил?

— Я ответил, что она самая прекрасная женщина, которую я когда-либо знал, но я не женюсь на ней, потому что хочу прожить в одиночестве.

— Ты это серьезно?

— Я должен быть совершенно свободен, чтобы осуществить свои творческие планы.

— Рома, тебе уже под тридцать. Ты выбрал очень опасный путь, парень. Поверь опытному волоките. Мне доводилось общаться со старыми холостяками, от которых уже исходил мышиный запах, а они все еще оценивали женщин как лошадей. Наступает возраст, когда необходимо о ком-то заботиться, чтобы не превратиться в эгоиста и циника.

— Подлость моей натуры заключается в том, — признался Дерибасов, — что не беру перед Ланой никаких обязательств, ворую ее у законного мужа и к нему же ревную.

— Тем более, — заключил Гарик, назидательно вздев нетрезвый палец. — Тебе тоже обязательно нужен сын!

Время выбора

Знакомый золотистый «пежо» на повышенной скорости промчался под стенами таунхауса, нервно затормозил на парковочной стоянке, и Дерибасова, безмятежно перекуривающего на балконе, охватило дурное предчувствие. Во-первых, Лавиния приехала в неурочное время (обычно они встречались по пятницам, когда ее муж допоздна задерживался в элитном клубе), во-вторых, она извлекла из багажника большую, тугу набитую спортивную сумку, которую с трудом понесла к подъезду.

В гостиной она устало рухнула в мягкое кресло, дрожащей рукой налила виски в тяжелый стакан и, залпом выпив, проговорила:

— Я ушла от Георгия.

Бледная, с рыжеватыми, неподкрашенными ресницами и покрасневшим от слез носом, она показалась совсем некрасивой, и это отозвалось в Дерибасове трусоватым чувством ответственности за принесенную женщину.

— Да не напрягайся, — кривовато усмехнулась она, глядя на него с презрительным сочувствием. — Тебя это касается.

— «Твой взгляд опасней двадцати кинжалов»... — процитировал Роман Шекспира. — Касается, хотя бы потому, что ты здесь.

— Бедный мой, у тебя такое испуганное лицо... — отметила она, вновь прикладываясь к спиртному. — Не беспокойся, я не собираюсь тут жить. Просто... оставлю вещи, пока сниму квартиру.

— Не понимаю, зачем тебе снимать... — неуверенно проговорил он. — По-моему, тут достаточно места...

— Такое лицо было у моего первого мужчины, когда сказала ему о беременности.

«Ощущение щуки, попавшей на крючок, — подумал о себе Дерибасов фразой из студенческого капитана. — Теперь понятно ощущение щуки...»

— Я ведь просил тебя... — поморщился Роман, — никогда не рассказывать о своих мужчинах.

— Можно подумать, что ревнуешь.

— Представь себе.

— Это просто смешно. Ревнуешь к прошлому при том, что твоя женщина каждую ночь ложится в постель с другим.

— Стараюсь не думать об этом. Но во время бесконницы просто схожу с ума от ревности.

— Ты сам не знаешь, чего хочешь.

Дерибасов вынужден был признать, что давно уже пытается совместить несовместимое: оставаться свободным и при этом не потерять близкую женщину. Их отношения, начавшиеся когда-то как легкомысленный телесный праздник, окончательно запутались и вошли в fazu какой-то мучительной, затягивающей, как трясина, любви, неизменной спутницей которой сделались истеричные размолвки. После них Лавиния нередко убегала от любовника в слезах, он же в ярости менял даже постельное белье с их ложа. Но она чаще всего вскоре возвращалась, не в силах доехать даже до кольцевой дороги, возвращаясь, когда его гнев сменялся чувством вины и покаяния...

— Муж изводил меня всю ночь, — призналась она. — Умолял не уходить... Несчастный, наивный Гоша... Весь такой правильный и надежный. Ему бы теплую жену-домохозяйку, которая гладила бы его сорочки и по вечерам ждала с готовым ужином. А он запал на шлюху, которая поломала ему жизнь...

— Ты не шлюха... — возразил он. — Разве Катерина из «Грозы» была шлюхой?

— Ну, если я заслужила такой аналогии — накорми хотя бы! От всех этих выяснений я дико прогодалась! — проговорила Лана с наигранной бодростью. — Александр Николаевич Островский был прав: русская женщина по-настоящему может полюбить лишь прохвоста.

— Прохвост угостит тебя обедом.

В столовой они изрядно выпили, и после, в постели, во время жадного и горячечного их единения

Дерибасов впервые в жизни испытал ту светлую свободу обладания, которая не была ни его обманом женщины, ни воровством у другого.

— Прости, что свалилась как снег на голову... — жалобно говорила она, остывая после чувственной бури. — Но я больше не могла. Даже запах его тела убивал во мне всякое желание. Господи... Лежу и наблюдаю, как у него по виску стекает капля пота... Или считаю фрикции... Обними меня. Обними крепче!

Пир во время чумы

— Можешь налить стопку и выпить за твоего гениального артдиректора, — весело поворковал Варшавер по телефону. — «Amat victoria curam», как говорил Катулл, что означает: «Победа любит старание». Думаешь, легко было выйти на могущественного владельца столичного Химкинского рынка Марлена Салманасарова, который входил в самому премьеру? Да к тому же доказать ему, что Роман Дерибасов — лучший пародист всех времен и народов? Записывай адрес, будешь ублажать магната на корпоративе.

— Аркадий Борисович, — просветленно поблагодарил Дерибасов. — Считайте, что бросили спасительный круг тонущему артисту.

— Не безвозмездно, друг мой, — хохотнул Варшавер. — Нам отстегнут хорошие деньги. Будет что делить.

Мрачный экономический прогноз, данный Аркадием Борисовичем на даче Теплякова, полностью оправдался: в августе девяносто восьмого на страну обрушился дефолт. Ходили глухие слухи, что на рынке государственных казначейских облигаций, выстроенным как финансовая пирамида, сказочно обогатились высшие государственные чиновники, приближенные к «семье» президента, а также олигархи и криминальные авторитеты, получившие возможность отмывания нетрудовых доходов...

Для Дерибасова же все это чуть не обернулось катастрофой. Юмористическая программа «Рашн комеди» на телевидении была закрыта, основатель ее Тимур Алиханов отбыл в Лондон, где владел недвижимостью; Роман, набравший кредитов на оплату престижной иномарки, таунхауса и его обстановки, сдал в аренду свою квартиру на Преображенке, но это не покрывало его долгов.

— Основное правило корпоратива, — наставлял Варшавер Дерибасова по пути в ресторан, — постоянно держать в поле зрения виновника торжества, четко помнить его имя-отчество, щедро славословить и выполнять любые его желания.

— Надеюсь, он не гомосексуалист, — усмехнулся Роман, выруливая на парковочную стоянку перед высотным зданием отеля, принадлежащего Салманасарову.

— Он любит молоденьких блондинок.

Ресторанный зал поразил Дерибасова эклектической роскошью, от которой рябило в глазах.

В центре его шумел крутыми струями громадный фонтан в виде каменного цветка, вращающийся зеркальный шар под потолком отбрасывал блики на витражи и алебастровую настенную вязь восточных арабесок, а полулежащая в фонтанной чаше позолоченная русалка оказалась живой женщиной и к тому же победительницей очередного конкурса красоты.

— В советские времена Марлен был товароведом по обуви где-то на Урале, — пояснил Варшавер.

Зал постепенно заполнялся по-вечернему торжественными гостями. Они узнавающие приветствовали друг друга и с дежурными улыбками кучковались у малахитовых колонн, изредка прикладываясь к бокалам шампанского.

— А вот и хозяин, — проговорил Аркадий Борисович, и Дерибасов увидел невысокого смуглого господина лет пятидесяти в тройке и галстуке-бабочке, с крашеными смоляными волосами на пробор и тонкими латиноамериканскими усиками. Он курил сигару, отблескивая крупным бриллиантом перстня, и любезно раскланивался с приглашенными.

В публике произошло некое движение и шорох, сродни тому, что бывает в древесной листве под порывом ветра, и в следующее мгновенье к Салманасарову выметнулась в развеивающихся сиреневых одеждах немеркнувшая прима эстрады Анна Столыпина и заключила его в свои мощные объятия.

— Ах, Мар! — томно проворковала она. — Ты так же неотразим, как год назад... в Монако... Где я проигралась в пух и прах...

— Зато выиграл я, — одарил ее широкой фарфоровой улыбкой миллионер. — Выиграл незабываемый вечер с тобой, королева.

— Когда мчались по набережной на твоем «ферари», я чуть не умерла от страха!

— Жених и невеста, жених и невеста! — прокричал своим гусиным голосом наряженный в малиновый комбинезон и колпак с бубенцами карлик Шкет, который сопровождал Столыпину. — Королева на выданье, а женишок-то в семейной клетке!

Он принял было кружить вблизи звездной пары, но Салманасаров, боковым зрением заметив приближающуюся жену, легоночко оттолкнул его ногой, и Шкет ускакал прочь на четвереньках, подражая обезьянке.

Донна Анна вновь была свободна от брака: полгода назад рассталась с мужем-бизнесменом и честно объяснила развод в интервью желтой прессе: «Случилось так, что я ему изменила. Я не достойна этого прекрасного человека».

— Тут весь столичный бомонд, — шепнул Дерибасову на ухо Аркадий Борисович. — Когда встанешь вровень с ними — не забудь старого больного Варшавера.

Перед ними мелькали возбужденные публичные лица политиков, бизнесменов и артистов; вкрадчивые голубиные голоса мужчин, звон бокалов, пре-

увеличенный смех разодетых в меха и шелка женщин вызывали в Дерибасове трусоватое чувство ответственности, от которого неприятно холодело в груди. К счастью, коньк, которым обносили гостей вышколенные молодые официанты, неуловимо напоминающие советских гебистов, растопил этот холод и отчасти вернул Роману чувство профессиональной самоуверенности.

Столы изобиловали яствами, и потребление их многочисленными гостями происходило на европейский манер, «а-ля фуршет». Сидели на возвышении в центре зала лишь хозяин заведения и члены его семьи: полная, похожая на карточную пиковую даму, жена-ассирийка, с трудом удерживающая на руках вертлявого пятилетнего внука, трое обучающихся в Женеве и однообразно одетых во фраки сыновей, чьи упитанные лица не выражали никаких чувств и желаний, а также две девочки-близняшки с крохотными тибетскими терьерами, которые уже входили в моду у столичных тусовщиц.

Первым к этому кругу избранных приблизился с микрофоном в руке и взволнованным лицом грубо-ватой сельской выделки московский мэр Иван Платонович Сериков.

— У всех нас сегодня счастливый день, — напристо проговорил он. — Потому что можем в этом роскошном зале приветствовать самого уважаемого в нашем городе человека! Марлен мой давний друг, и мне известно, что его древний род идет от великого ассирийского царя Салманасара, который развивал торговлю, ремесла и сельское хозяйство! Был выдающимся полководцем, завоевавшим Вавилонию, подчинившим Израиль, Тир и Сидон...

— Какая трогательная осведомленность, — не-громко прокомментировал Дерибасову Варшавер. — Даже заглянул в историю древнего мира. Еще бы, Салманасаров втяхивает градоначальнику такие «откаты», что уважаемый Иван Платонович уже имеет виллу в Испании. Россия, мой друг, в новой фазе деградации: происходит слияние власти и капитала.

— Марлена в полном смысле можно назвать полководцем бизнеса! — вдохновенно продолжал Сериков. — Не каждый смог бы на обычном московском пустыре выстроить целый торговый город! Город, который одевает, обувает и кормит жителей и гостей Первопрестольной!

В конце своей прочувствованной речи Сериков зачитал постановление Мосгордумы о присвоении Салманасарову звания Почетного гражданина столицы, после чего бизнесмен вынул изо рта сигару и заключил мэра в дружеские объятия.

— Все знают, что я красиво говорить не умею, — выдвинулась к микрофону Столыпина, само присутствие которой среди гостей свидетельствовало о высоком статусе корпоративной вечеринки. — Зато я умею красиво любить. Марлен, я люблю тебя не как успешную личность и почетного члена... извиняюсь, блин, гражданина Москвы, — порочно хохотнула

она, — но как классного мужика, который может сделать счастливой любую женщину! Эта песня посвящается тебе!

Жена Марлена, закованная в пламенеющий атлас, напряглась, подавшись вперед, а когда Донна Анна закончила пение словами «За смех и за печаль, за тихое «прощай», за все тебя благодарю» и низко поклонилась олигарху, — покрылась красными пятнами и резко шлепнула по заду беспокойного внука. Тот зашелся в громком плаче, и микрофоном завладел знаменитый режиссер театра «Комсомолец» (Россия почти десять лет пребывала в капитализме, но советские названия газет, улиц и зрелицких учреждений изживались трудно) Арнольд Файвус — щеголеватый господин в клетчатом пиджаке и шейном платочке.

— Наш дорогой Марлен в полной мере оправдывает известную истину: «Талантливый человек талантлив во всем», — проговорил он, поигрывая хорошо поставленным голосом. — Талант его в полной мере проявился и в красивых, умных наследниках, которых подарила ему очаровательная хозяйка сегодняшнего раута уважаемая Аида!

Собравшиеся с преувеличенной готовностью отозвались на эти слова аплодисментами.

— Без преувеличения скажу, что подлинной жемчужиной рода Салманасаровых является самый младший его представитель Эдгарчик, сидящий сейчас у бабушки на коленях! Как вам известно, он был задействован в нашем спектакле «Маленький принц» и блестяще справился с ролью! Попросим его почитать стихи!

Ребенок моментально успокоился и вскоре был поставлен Аидой на стол, между хрусталиями с напитками и фруктами.

— Просим, просим! — азартно требовали гости.

Юный артист откинул голову назад, тряхнув смоляными кудрями, сосредоточил розовощекое лицо и вдруг заявил:

— А вот и не буду!

И, козленком соскочив со стола, умчался к выходу из зала, где и был подхвачен сухопарой бонной в глухом сером платье.

«Придворный» поэт Столыпиной Павел Дзюба, воспользовавшись тишиной всеобщей неловкости, выкатился к микрофону и напористо продекламировал по бумажке:

От Химок до кремлевских стен
Увенчан славою недаром
Штурвальный бизнес Марлен
Удачливый Салманасар.
Когда бы царь Салманасар
Сумел подняться из гробницы,
Ему пришлось бы удивиться...

— Дорогие друзья! — деликатно прервал выступающего хозяина, мягко положив руку на его плечо. — Похоже, кто-то ввел вас в заблуждение. Сего-

дня день рождения не у меня, а у моего верного друга и любимица Кинга.

Тут же обслугой в зал был выведен громадный пятнистый дог в золотом ошейнике; посверкивая многочисленными медалями на мускулистой груди, пересек танцпол и уселся на невысоком возвышении для оркестра с тем выражением ленивого равнодушия на морде, что бывает у крупных и сытых собак.

Между тем гувернантке, судя по всему, удалось уговорить Эдгарчика на выступление; с ее помощью он вскарабкался на стол и даже вскинул руку подобно лицеисту Пушкину с известной картины, читающему стихи Державину. Но «звездный час» юного дарования был безнадежно упущен: внимание публики целиком переключилось на пса, которому адресовались рукоплескания и возгласы восхищения; осознав это, мальчишка пришел в негодование.

— Вы все! — выкрикнул он сквозь слезы. — Вы все... говны!

И, пнув ногой вазу с виноградом, умчался прочь.

— Здорово ты всех разыграл, Марлен! — с улыбкой смущения проговорил мэр Сериков, завладевая микрофоном. — Всех, но только не меня... И знаешь, почему? Да потому что и Кинг заслуживает, так сказать... самых добрых и высоких слов... что я адресовал тебе. И я готов их повторить ему слово в слово. Хотя, конечно, с поправкой. Тут я должен отметить, что, во-первых, он самый выдающийся участник наших городских выставок служебных собак, а во-вторых, когда преданно лежит в твоих ногах у камина... его смело можно назвать, как говорится, соавтором твоих деловых начинаний и бизнес-планов! — победительно сверкнул глазами градоначальник, понимая, что выкрутился из курьезной ситуации.

— Лично я знаком с Кингом очень хорошо! — сменил Серикова режиссер Файвус. — Можно даже сказать, нас связывают дружеские отношения... Помните, у Есенина? «Дай, Джим, на счастье лапу мне»... Нам хорошо вместе даже молчать! И у меня такое впечатление, что он читает мои мысли! Открою профессиональный секрет: у нас с Кингом общие творческие планы, поскольку театр готовит к постановке «Собаку Баскервиллей»...

Пока Арнольд расточал виновнику торжества комплименты, Павел Дзюба лихорадочно записывал в блокнот новые рифмы, потея от вдохновения просвечивающей сквозь жидкий зачес лысиной, и к завершению режиссерской речи уже готов был сменить его у микрофона.

Ни сенбернар, ни шпиц, ни динго,
Борзая и эрдельтерьер
Не могут состязаться с Кингом:
В нем интеллект и экстерьер! —

патетически прочел он, вызвав почтительное одобрение собравшихся.

Выступление Дерибасова пришло на тот момент, когда отзывали хвалебные речи в честь винов-

ника торжества и представители столичной эстрадной попсы отпели свои хиты и шлягеры, безыскусно приспособливая известные тексты к текущему моменту. Публика была уже навеселе, и завладеть ее раздробленным на хмельное общение вниманием удалось лишь благодаря музыкальным пародиям, которые, собственно, и создали Роману славу талантливого пересмешника. Ощущив доброжелательный отклик зала, Дерибасов воспарил в теплых волнах успеха и в заключение набрался дерзости совершив то, чего никогда не позволял себе раньше: спародировать *саму Донну Анну*, несравненную приму и *живую легенду* в ее присутствии...

Зрители отреагировали восторженно. Тут же начались танцы, и Роман, в обществе счастливого Варшавера охлаждая свой артистический пыл шампанским со льдом, почувствовал, что кто-то дергает его за штанину, тараторя надтреснутым гусиным голоском:

— Хочешь стать принцем? Хочешь стать принцем? Пригласи королеву! Пригласи! Не бзди в тумане, мы на аэроплане!

Его круглые выстраданные глаза, казалось, излучали холодный фосфорический свет, а колокольчики шутовского колпака призывающе позванивали.

— Смелее! — шепнул Дерибасову на ухо Аркадий Борисович. — Она не сводит с тебя глаз! Это шанс!

Среди расплывчатых, смазанных движением танца лиц, перед ним всплыло в отдалении, словно выхваченное ярким лучом света, статичное лицо Столыпиной; с загадочной полуулыбкой она смотрела на него поверх ополовиненного фужера.

Ее взбитые рыжие волосы, расчетливо прикрывающие полные щеки, пахли горьковатыми французскими духами и табачным дымом. Она еще не вполне остыла от недавнего триумфального (как всегда!) выступления, и вблизи было заметно, как из-под грима на висках ее проступают бисеринки пота.

— Меня столько пародируют, и так хрено, — проговорила она хрипловатым голосом курильщицы, — что просто тошнит. А ты молодец.

С этими словами она решительно втиснулась в его объятия крупным сдобным телом, задрапированым шелком развеивающихся одежд. Во время танго Роман отметил, что у нее, хотя и расположенная, но гибкая и послушная талия, а от упругих прикосновений литых бедер женщины начинали панически потеть ладони. Потом он рассмотрел грубо вато положенные румяна на ее скулах, плотно залегшие у глаз морщинки и разом успокоился, ощутив свое счастливое молодое превосходство.

Валькове

В просторной гостиной, поразившей Дерибасова избыточной для загородной дачи роскошью, молодая горничная с красивым, замкнутым в служебном достоинстве лицом, усадила его в мягкое кожа-

ное кресло напротив полыхающего камина и удалилась вихляющей походкой манекенщицы, на ходу бросив:

— Хозяйка сейчас спустится.

В теплой, настойчивой тишине помещения, уставленного антикварной мебелью, вазами и статуэтками, мирно пощелкивали, сверкая позолотой мятники, большие напольные часы, похожие на памятник героям Плевны. Огонь лениво колыхался в топке, бросая багровые отсветы на шкуру белого медведя, распластавшуюся на полу. Его посмертно ощерившаяся пасть словно бы выражала злобное и вынужденное смирение перед жестокой человеческой властью; властью, которую Роман невольно перенес на хозяйку виллы, вспомнив тревожное напутствие Лавинии перед тем, как он садился в длинноящий белый лимузин Столыпиной, присланный за ним к таунхаусу: «Милый, будь осторожен! Она страшная женщина! Использует мужчин, а потом вытирает об них ноги...»

По ступеням прихотливой витой лестницы, ведущей на антресоли, прошелкали приближающиеся шаги, и явилась наконец Донна Анна — в шелковом лиловом халате с желтыми звездами и сигаретой в длинном золотом мундштуке, которая исходила дымком на отлете у ее круглого плеча.

— Не тушуйся, — проговорила она вместо приветствия. — Сейчас напьемся.

— Да я, собственно... — пролепетал Дерибасов.

— Не лукавь, чувачок, — перебила она с приветливой улыбкой. — Не ты первый, не ты последний. Передо мной все тущуются.

Она уселась напротив гостя на диван, по другую сторону инкрустированного перламутром столика, по-кошачьи изогнувшись и уютно подобрав под себя ноги.

Раздалось множественное позывивание посуды; горничная катила к ним обильный напитками и закуской сервировочный столик. За ней враскачу семенил на кривых ножках придворный шут Столыпиной Шкет в малиновом наряде и колпаке с колокольчиками, пытаясь заглянуть женщине под юбку.

— Да оставь ты меня, дурак! — не выдержала та, отмахнувшись от карлика.

— Я дурак, дурак! — обрадовался Шкет. — А дуракам везет! Правда, королева? — гоготнул он, вскарабкиваясь на диван и устраиваясь на коленях хозяйки. — Ты же любишь меня?

— Люблю, люблю, — буднично отзывалась Дона Анна, по-мужски уверенно скручивая колпачок бутылки и разливая виски на двоих.

— За ваш роскошный дом и ваше немеркнущее творчество, — проговорил Роман, потянувшись к Столыпиной тяжелым хрустальным стаканом.

— Это ты брось! — весело окоротила она. — Никаких «вы», раз уж переступил порог моего дома! Да-тай на брудершафт!

Они переплелись руками, и хозяйка запечатлела на губах Дерибасова краткий, но сочный поцелуй.

С той минуты, как он позвонил приме по телефону, получив от нее визитную карточку на вечеринке у Салманасара, и был приглашен на дачу, Романа мучил вопрос: будет ли это началом сотрудничества с могущественной предводительницей столичной «попсы» или же речь идет об очередной интрижке любвеобильной Анны, сравнительно недавно скандально расставшейся с последним мужем. Похоже, все начинало развиваться по второму сценарию, и это привело Дерибасова в смятение: Столыпина была для него уважаемой перезрелой матроной, которая не вызывала никаких эротических фантазий; тем более что его отношения с Лавинией достигли того пика чувственности, когда сливаются воедино взаимная любовь и обоюдный интимный опыт.

После поцелуя с гостем Донна Анна демонстративно утерла губы влажной гигиенической салфеткой и, чуть сморшив нос, заметила:

- От тебя пахнет духами. Голубой, что ли?
- Голубой, голубой, не хотим дружить с тобой! — подхватил Шкет, прыгая на руках хозяйки.
- От настоящего мужика должно пахнуть перегаром и табаком, блин, — шутливо проговорила Столыпина.

— Донна Анна знает! — съехидничал Шкет. — Она перепробовала всех мужиков!

— Заткнись, — оборвала его хозяйка, сбрасывая с колен. — Совсем обнаглел.

— Королева, если бы ты не была наглая, кто бы о тебе знал?! — Шут сделал кувырок и с яростным оскалом распластался на диване, изображая медвежью шкуру.

Прима расхохоталась, поощрительно заметив:

— Дурак. Господи, ну какой же ты дурак... И зачем я держу тебя возле себя...

— Чтобы быть умной, моя королева! — нашелся карлик.

— Держу тебя, дурака, потому что умные не попадаются.

— Это духи Лавинии, моей... гражданской жены, — пояснил Роман. — Они очень стойкие.

— Все это иллюзия, мой мальчик, — покачала головой Столыпина, вновь наливая спиртное в стаканы. — Или ты муж, или артист. Другого не дано.

Желтая пресса, которая в подробностях отслеживала жизнь примы, многое присочиняя, в одном, несомненно, была правдива: пила Донна Анна поистине лошадиными дозами и при этом почти не пьяняла, лишь чаще меняла сигареты в своем знаменитом золотом мундштуке, который, по версии журналистов, происходил из скифского кургана.

Что же касается Дерибасова, то он даже в хмельном замутнении сознания оставался внутренне напряженным: не удосужился позвонить Лавинии, как условились, сразу по прибытии на виллу, теперь же прерывать застолье с великой и своюправной властительницей столичной артистической тусовки не решался, чтобы не испортить судьбоносную встречу.

— Измена жене, как утверждают психологи, лишь укрепляет брак, — игриво заметила Столыпина, словно угадав тайные терзания гостя.

Она явно кокетничала, и от неуверенности у Романа мгновенно вспотели ладони.

«У нее... красивые волосы... — подумал он, спасительно ища в женщине черты привлекательности. — Да и выглядит моложе своих лет...»

— Королева, он голубой! — прогоготал Шкет. — Поддал, а приставать к тебе и не думает!

— Пошел вон, — спокойно произнесла Столыпина, спихивая шута с дивана.

Кукарекая и взмахами коротких ручек изображая полет, он ускакал.

От произведенного движения у Анны оголилось бедро, и она нарочито не прикрыла его полой халата, загадочно глядя на Дерибасова поверх бокала. Сдобная, неправдоподобная белизна ее тела и зазывной взгляд подействовали на Дерибасова гипнотически, и он, приняв мимолетную мысль о кролике и удаве, покинул свое кресло, опустился рядом со Столыпиной и в следующее мгновенье ощущил бесстрашной рукой неожиданную прохладу ее гладкой, бархатистой кожи.

Она сладко потянулась и зевнула, откинув руки за голову, после чего проворковала, поощрительно щелкнув Романа по носу:

— Ну что ж... На брудершафт выпили, за ножку подержались... На сегодня довольно.

И позвонила в колокольчик, снятый со стола.

Тут же явилась горничная, пряча недоеденный шоколад в кармашек белого фартучка.

— Ася, — приказала Донна Анна. — Покажи Роману его спальню. Да не забудь согреть гостю постель! — вульгарно хохотнула она, когда девушка уже вела Дерибасова по лестнице на второй этаж.

— Располагайтесь, Роман, — проговорила Ася, едва они очутились в просторной комнате с широкой кроватью, бронзовыми бра в изголовье и оконными кремовыми гардинами. — За дверью ванная и туалет. Я скоро вернусь.

На прикроватной тумбочке Дерибасов увидел телефонный аппарат в стиле ретро и тут же принял звонить Лавинии.

— Лавчик, — извинительно зачастил он. — Ай лав ю...

— Это в три-то часа ночи?! — взвилась та. — Уже собиралась обзванивать больницы и морги... Я же тебя предупреждала! Она что, не могла тебя отправить домой с тем же шофером?! Или ты сам захотел остаться в милом обществе?!

— Дело в том, что переговоры затянулись... — оправдался Роман. — От меня это, как ты понимаешь, не зависело... Утром все объясню.

— Если застанешь меня дома! — выкрикнула Лавиния и бросила трубку.

«Скверно, гадко... — казнил он себя, рухнув на кровать поверх шелкового покрывала. — Откуда во мне этот подлый, послушный приспособленец? Эта

готовность подыграть тому, у кого власть... «Подержался за ножку»... Новоявленный Молчалин! И «с такими чувствами, с такой душою, любим!» Бедная моя, преданная Лавиния...

— Побалуемся?

Над ним стояла, чуть подсвеченная красноватым светом ночника, горничная Ася, сменившая рабочую униформу на короткий переливчатый халатик, и приветливо улыбалась.

— Зачем? — тупо спросил Роман, чуть приподнявшись на ложе.

— Так хозяйка же велела...

— А она мне не указ! — взъярился он, вскакивая на ноги. — И она мне не хозяйка!

— Тише,тише... — успокоила горничная, мягко накрывая Дерибасову рот ладошкой, пахнущей ароматной свежестью туалетного мыла. — Спасибо, Ромочка... Только не шуми... И не выдай меня, если утром хозяйка поинтересуется.

Снился ему величественный Черный Замок из детства, башни и бойницы которого старательно описывал когда-то в школьной тетради в косую линейку; в облике благородного рыцаря Родриго Дерибасов бродил по узким лестницам и запутанным коридорам донжона, тщетно пытаясь отыскать нужную дверь, за которой томится пленившая возлюбленная, и тяжелые доспехи теснили его грудь, затрудняя дыхание... Лавиния возникла на его пути неожиданно — в длинной белой ночной сорочке, с распущенными волосами и лицом кающейся грешницы. «Тебя так долго не было, и я тебе изменила, — печально проговорила она. — Встретила в переходе Чубайса, и теперь он увозит меня на Мальдивы».

Чтобы не задохнуться от горя и негодования, Роман проснулся.

Наутро, приняв контрастный душ, он немного пришел в себя после тяжелого похмелья. Следы ночных возлияний читались и на широком, избыточно напудренном и нарумяненном лице Столыпиной, когда Дерибасов был приглашен на завтрак в нарядную столовую с барной стойкой и живописными настурмортами на стенах. Казалось, Донна Анна со вчерашнего постарела лет на десять.

— Ну вот что, Роман, — проговорила она. — Вчера была лирика. Переходим к делу.

Лавиния

— Ты переспал с нею! С этой безнравственной женщиной... которая... которая превратила свой альков в подобие сцены... — Лавиния металась по комнате, и Дерибасов — с неуместной и неожиданной иронией — отметил, что возлюбленная лихорадочно подыскивает предмет, который было бы не жалко разбить в порыве гнева. — Сцены, где в пошлых телеспектаклях для всей страны... мужья и любовники выступают глупыми статистами!

— Да она же годится мне в матери! — нашелся Роман. — Как ты могла подумать?!

— Что с того?! — не унималась Лавиния. — Чем она становится старше, тем моложе ее мужчины!

— Послушай, Лав, мне нет никакого дела до ее личной жизни, — попытался успокоить женщину Дерибасов. — Но не надо говорить о ней гадости хотя бы потому, что она великая актриса.

— Ах, так ты еще и защищаешь ее!

— Не защищаю, а стараюсь быть объективным.

— Всю ночь не сомкнула глаз! Не обываялся до трех! А потом какое-то пьяное бормотание по телефону!

На подоконнике она выцепила наконец фарфоровую копилку в виде кошки, и порывисто схватила ее.

— Подарок Аркадия Борисовича, — напомнил Дерибасов.

Это подействовало безотказно. К Варшаверу Лавиния относилась с почтением, считая его «ангелом-хранителем» Дерибасова. И сейчас, вместо того чтобы хватить изделием гжельских мастеров об пол, — сдержала порыв и растерянно начала стирать с него ладошками пыль.

— Ну, и о чем же были ваши переговоры? — недоверчиво спросила она.

— Переговоры носили чисто деловой, можно сказать, прагматичный характер! — оживился Роман. — Анна намерена «раскрутить» меня на главном телеканале страны!

— Это что — за красивые глазки?

— Конечно нет! Столыпина умеет считать деньги. Схема такова: мы заключаем тайный контракт с телевидением, согласно которому Донна Анна занимается моим пиаром и делает в конце концов лицом популярного канала. И не за мои «красивые глазки», как ты выражаяешься, а за гонорар с шестью нулями в долларах.

— И больше ей ничего не нужно?

— Абсолютно ничего.

— Тогда как ты объяснишь это?

Лавиния извлекла из своей сумки вчетверо сложенный глянцевый журнал с цветной фотографией на обложке, где улыбающаяся Столыпина обнималась в танце с прямым как столб и словно бы оторопелым Дерибасовым. Снимок был сделан на недавней корпоративной вечеринке у олигарха Салманасарова. Крупный аншлаг вопрошал: «У Донны Анны новый молодой избранник»?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Новогодний огонек»

Благодаря стараниям всесильной Столыпиной Дерибасов в последнее время так часто мелькал на экранах телевизоров и сценических подмостках, что затмил признанных мастеров юмористического цеха

и стал поистине всенародным любимцем. Потому приглашенные на запись не удивились, что Роман выступает не только пародистом, но и ведущим новогодней развлекательной программы, которая — в дополнение к застольному шампанскому и салату оливье — должна была создать у россиян ощущение праздника. Передача называлась «Новогодний огонек» и была копией советского «Голубого огонька» с той лишь разницей, что вместо целомудренно одетых, скованных в движении певиц недавнего прошлого на сцене в пестрой карнавальной суете метались новые, разнообразно оголенные, «звезды», а народных артистов и ударников труда сменили шоумены в малиновых пиджаках, ельцинские политреф-форматоры и бизнес-элита.

Вдохновленный всеобщим вниманием Дерибасов блестал остроумием, после объявления очередного номера возвращался за столик Донны Анны, где она восседала в обществе самого премьер-министра, и, сдержанно пригубливая бокал шампанского, ловил на себе восторженные и завистливые взгляды.

— А теперь мой главный сюрприз! — объявила Столыпина в конце вечера. — Мы с Романом Дерибасовым споем для вас дуэтом!

— Аплодисменты! Аплодисменты! — энергично потребовал режиссер, руководящий съемкой. — Улыбаемся и рукоплещем!

Роман церемонно подал Анне руку, и они торжественно двинулись к просцениуму. Слова песни написал «придворный поэт» королевы эстрады Павел Дзюба, а незатейливую музыку сочинила сама Столыпина. Песенку репетировали специально к «Новогоднему огоньку», Донна Анна оказалась строгим и требовательным наставником вокала, а Дерибасов с недоумением обнаружил, что ему труднее всего петь «своим голосом»...

Был таким смешливым,
Но не был счастливым,
А наш совместный смех —
Не грех! —

начала Столыпина своим низким, с хрипотцой, голосом, который прежде, случалось, доводил публику до экстаза.

Ты неповторима
И недостижима
Мне скажи, звезда:
«Да»! —

подбодренный поддержкой разогреваемого режиссером зала подхватил Роман.

Новогодний снег,
Песенка для всех,
Наш совместный смех —
Не грех! —

закончили они в два голоса, после чего, как и было предусмотрено, Дерибасов встал на одно колено и поцеловал приме ручку.

— Горько, мать вашу! — рявкнул чей-то пьяный голос в задних рядах, и туда метнулись два охранника в черной униформе.

Бузотером, ко всеобщему удивлению, оказался поэт Павел Дзюба. Он был деликатно выведен, и порядок восстановлен.

Когда съемки закончились, Дерибасов застал Дзюбу в своей гримерке. Раскрасневшийся, потный Колобок сидел перед зеркалом с ополовиненной бутылкой виски; жидккая прядка сползла с его лысины и покачивалась возле уха.

— Извини, что я без цветов, — проговорил поэт вязнущим языком.

— В честь чего ты так наклюкался, Паша? — сочувственно проговорил Роман.

— В честь тебя, — криво усмехнулся Дзюба и неуверенной рукой плеснул пародисту в стакан. — «Ваш совместный смех — не грех»...

— За смех, — предложил Дерибасов, чокаясь с нежданным гостем.

— За грех, — уточнил Дзюба, и тоскливая муть качнулась в его глазах. — А я-то думал, наконец она угомонилась. Думал, что с тобой... это чистый пиар. Такая разница в возрасте... Вы уже переспали?

— Паша, надо получше закусывать.

— Значит, скоро переспите. Если она вытаскивает мужика петь дуэтом... это верный признак... Так было со всеми предыдущими.

Тут только до Романа дошло, насколько исстрадалась влюбленная, преданная Анне душа поэта.

— Довезу тебя до дома, — пообещал он. — Мне по пути.

— Вези куда хочешь, — понурился Колобок. — Мне все равно, любить иль наслаждаться.

Когда с виски было покончено, в Дзюбе крутой волной взыграло вдруг оскорбленное самолюбие.

— Сука! — стукнул он кулаком по столу. — Неблагодарная... А знаешь ли, что те мгновенья... Мгновенья, что я провел у ног твоих... э-э-э... как там...

— Я отрывал у вдохновеня, а чем ты заменила их? — пришел на помощь Дерибасов.

— Верно! — воспрянул Павел. — Прежде всего — я творец! В конце концов, я тоже знаменит! Как никак, первый поэт-песенник России!.. Так, говоришь, ничего не было? Ромочка, дай обниму тебя!

Когда они выбрались наконец из гримерки, на встречу им попался шофер Столыпиной Марат, который уже проводил хозяйку к машине и теперь нес перед собой охапку подаренных ей цветов.

— Слышали? — спросил он, выглядывая смуглым лицом из-за торжественно-неживых калл. — Ельцин отказался от власти. Похоже, с бодуна. Прописал у народа прощения и даже прослезился.

Неожиданное известие это ошеломило Дзюбу. Он был преданным сторонником Ельцина («Борис Ни-

колаевич дал мне главное: безграничную свободу творчества», — утверждал он) и даже посвящал ему стихи в демократической прессе.

— Как же так? — недоумевал Павел, когда Дерибасов вез его в Строгино по заснеженной Москве. — В мае ему грозил импичмент... за войну в Чечне, развал Советского Союза, приватизацию... и он с честью вышел из кризиса... А теперь ушел добровольно!

— Тогда он удержался, потому что были куплены депутаты Госдумы.

— Клевета! — горячо возразил Дзюба. — Происки коммунистов!

Другой Мовсесян

С Гариком они часто разговаривали по телефону, но не виделись с осени, когда окончательно распался коллектив «Рашн комеди»; и сейчас, поджидая Мовсесяна у входа в шотландский паб на Знаменке, Дерибасов сразу узнал приятеля в стройном, легком на ходу мужчине, знакомая светлая дубленка которого теперь свободно болтала на нем, а растянутые петли напоминали об утраченном животе. Шоумен в довершение к этому сбрив свою эпатажную крашеную бородку, а горящие творческим огнем глаза следились еще крупнее на смуглом похудевшем лице.

— Теперь главное в моей жизни — сын, — объяснил он после второго бокала произошедшую с ним перемену. — Однажды поставил кассету со своим самым «забойным» ток-шоу, посмотрел на все это чужим, отстраненным взглядом, и мне стало стыдно... стыдно до отвращения и пота под мышками... Жирный волосатый боров в жилетке, изрыгающий не-пристойности... Что скажет мой повзрослевший сын, когда увидит все это? Не станет ли он презирать такого отца и не захочет ли отказаться от родства с ним?

Заведение было дорогое, а потому немноголюдное; в зале тихо плавала спокойная, расслабляющая музыка и, казалось, колебала медлительные волокна сигаретных дымков, завивающихся от курильщиков. В углу разноцветно помигивала гирляндами еще не снятая новогодняя елка, на которую какой-то шутник повесил портрет нового президента России Путина (передача власти произошла совсем недавно, шестого января; взамен Ельцин потребовал гаранцию неприкословенности для себя и семьи).

— Каждый выбирает свой путь... — осторожно заметил Дерибасов в ответ на откровения Гарика.

— И наш с тобой путь был ошибкой! — горячо подхватил Мовсесян. — Сами того не подозревая, мы повторили роковое заблуждение русской интеллигенции! — Он извлек из кармана записную книжку и прочитал: «К сожалению, символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд большинства»... Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека... Именно поэтому он не только отрицает

или не приемлет иных ценностей — он боится и даже ненавидит их. Нельзя одновременно служить двум богам — Богу истинному, Отцу нашему Единому, и Богу выдуманному, то есть обожествленному народу». Это слова русского философа Крестинского.

— Не будем передергивать, Гарик, — возразил Роман. — Мы пока еще не служили благу народа. Мы зарабатывали деньги.

— Но зарабатывали, потрафляя низменным вкусом толпы, того самого «большинства»! И разве не этим занимаешься ты сейчас, принимая участие в пошлых спектаклях Столыпиной, которая выдает тебя за очередного любовника?

«Да он просто завидует», — уязвленно отметил Дерибасов, чувствуя, что краснеет.

— Ты знаешь, Гарик, насколько я тебя уважаю... — проговорил Роман в приливе внезапного раздражения. — Но у тебя есть одна несносная черта: тебе хочется, чтобы все думали и поступали как ты.

— Именно это утверждает и моя жена! — рассмеялся Мовсесян. — А значит, вы правы!

Дерибасов узнал прежнего — добродушного и легкого в общении приятеля, и после очередного бокала пива его потянуло на откровения.

— Ты же понимаешь, Столыпина — мой счастливый случай, — признался он. — Возможность хорошо заработать, чтобы осуществить главную цель... Находясь при ней, срубаю бабки... которые нам с тобой и не снились в «Клубе грязных эстетов»!

Но знал бы ты, каково мне играть в этих «пошлых спектаклях»! Быть пай-мальчиком при матроне и нежно держать ее за руку! А Лавиния при этом сходит с ума от ревности, не веря, что наши «нежные отношения» перед телекамерами всего лишь пиар.

— Конечно, знаю, — отозвался Гарик. — И по телефону неоднократно убеждал твою Ланку, что в шоу-бизнесе так поступают все. Перезрелье эстрадные дивы придумывают романтические отношения с молодыми визажистами и дизайнерами, а гомосексуалисты заключают тайные контракты с модельными девицами... — Он протянул Дерибасову вырезку из глянцевого журнала. — Мнение психолога о ваших с Донной последних фотографиях в желтой прессе.

«На снимках они выглядят так, будто случайно оказались рядом, — прочел Дерибасов. — Но между Столыпиной и Дерибасовым не чувствуется ни эмоциональной, ни — тем более! — сексуальной связи. А неизменная, дежурная улыбка Романа, судя по всему, скрывает то, чего мы никогда не узнаем о нем. Все фотографии с очевидностью подтверждают одно: Дерибасов — некое приложение к Столыпиной. И ему даже льстит эта роль, поскольку он в центре внимания публики, а потому известен и успешен. Столыпиной же льстит присутствие рядом молодого красавца: «Смотрите и завидуйте!» В секундологии эта позиция вполне объяснима наступлением климактерического возраста и страстным желанием женщины вернуть обращенные на нее,

когда-то в молодости, восхищенные и вожделенные взгляды окружающих».

— Может, это успокоит Лавинию, — предположил Мовсесян.

Отречение Лавинии

Обычно после концерта Дерибасов предупреждал Лавинию по телефону, что едет домой и — по сложившейся у них традиции — рассчитывает на «романтический ужин при свечах». Но в этот раз отвездом ему были равнодушные длинные гудки. Польехав к таунхаусу в полночь, он не обнаружил света в своих окнах и по лестнице поднимался с холодноватым предчувствием дурного.

Предчувствие это оправдалось, едва Роман вошел в спальню: просторный платяной шкаф зиял пустотой, а косо висящие деревянные и пластиковые пле-чики представились Дерибасову издевательским символом рухнувшей семейной жизни. «Конец всему, чем обладал Отелло...» — пришло ему в голову. В последнее время он всюду представлял Лавинию как свою жену, однако узаконить брак они так и не удосужились: ее прежний муж Георгий, который большую часть времени проводил за границей, тянул с разводом в надежде, что жена одумается и возвратится; Дерибасову же такое положение создавало иллюзию не до конца утраченной свободы.

В большом напольном зеркале Дерибасов увидел свое отражение — глупое растерянное лицо поверх полученной на выступлении охапки красных роз, которые, как обычно, привез Лане («новые русские» ввели моду на непомерные букеты для артистов, таким образом показывая свое «типа благополучие, блин»); он открыл окно и вышвырнул цветы.

Квартира была *показательно* прибрана, что не оставляло сомнений: уход Лавинии — не внезапная эмоциональная вспышка, а продуманный поступок.

Это же подтверждала и аккуратно подобранныя стопка гламурных журналов на столе гостиной, обложки которых пестрели изображениями Донны Анны и ее нового фаворита Романа Дерибасова.

Рядом лежала коротенькая записка: «Рома, ми-лый, прости!»

Дерибасов разом почувствовал смертельную усталость и развернувшуюся, как пропасть, пустоту бытия. За время гражданского брака с Лавинией он уже отвык от одиночества и вдруг почувствовал себя — как в безотрадном детстве — никому не нужным, почти сиротой.

Накачиваясь виски, он тупо листал глянцевые страницы, и перед ним постепенно раскрывалась *фантомная нереальность* его публичной жизни, придуманная другими и подчинившая себе реальность жизни истинной...

«По всему видно, что Донна Анна счастлива, — читал он. — Поистине, стоило поменять шестерых мужей, чтобы найти наконец свою настоящую любовь — умницу и красавца Романа!»

«Анна Столыпина заметно похудела за последнее время. «Снова взялась за диету!» — весело пояснила она. А уж ножки ее, которые она с гордостью демонстрирует, — просто загляденье! И все это для единственного и неповторимого Пародиста, от которого она, похоже, без ума».

«Роман, скажите, в чем секрет Анны Столыпиной, что в нее влюбляются самые красивые и молодые мужчины?» «В том, что она Анна Столыпина».

«Анна пригрозила крупными неприятностями фанаткам, преследующим Романа Дерибасова. Она буквально испепелила их взглядом! С тех пор назойливых девиц как ветром сдуло...»

«По слухам, Анна Столыпина вновь легла под скальпель пластического хирурга, чтобы изменить форму лица и сделать новый подбородок. На что только не пойдешь ради любимого!»

«В шоу-бизнесе многие обижаются на пародии Дерибасова, но при встрече не показывают виду, следуя девизу столичной тусовки: «Бабло побеждает зло». Немалую роль играет и приближенность артиста к Донне Анне, благодаря чему он процветает. Соглашаясь где-то выступить, Столыпина ставит непременным условием участие в концерте Романа. Зарабатывая около трех миллионов в год «зеленых», юморист уже подумывает о вложении капитала в собственное дело»

«В артистическом бомонде даже мораль собственная. Замужняя теледива демонстрирует свою связь с олигархом, разъезжая с ним по Лазурному Берегу, при этом с гордостью заявляет, что с мужем никогда не разведется. Эстрадная «звезда без комплексов», будучи матерью малолетнего ребенка, в телэфире ругается матом, признается, что принимает наркотики и пользуется «мужчинами по вызову». Популярный пародист живет в гражданском браке с достойной женщиной и при этом всячески демонстрирует интимную близость с известной певицей... Вращаясь в своем гаденьком мирке, звезды настолько отдалились уже от реального мира, что всерьез поверили в себя как в законодателей мод, вкусов, носителей ума и нравственности. Чего в этих условиях ждать от подрастающего поколения, наблюдающего эти игры по телевидению и на страницах глянцевых изданий?»

«Бедная Лавиния, — с тоской заключил Дерибасов. — Было от чего сбежать...»

Триумф Дерибасова и братья Самолетовы

По всей Москве были расклейены броские плакаты, с которых широко улыбался Роман в своем традиционном белоснежном костюме. Чуть сбоку, как бы в отдалении, алела просторным вечерним нарядом Донна Анна с микрофоном в руке, причем длинный шнур от него, свившись крутым петлей, весьма символично объединял обоих артистов. «МНЕ — 30! — гласил текст. — ТВОРЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ ПЕРЕСМЕШНИКА В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗ-

ДОВ! ВЕДУЩАЯ – НЕСРАВНЕННАЯ АННА СТОЛЫПИНА!»

Организацией всего этого действия занималась Донна, невольно умножив число завистников Дерибасова: ведь за всю историю престижной сценической площадки она не предоставлялась столь молодому исполнителю.

Концерт предназначался для столичного бомонда, приглашения были разосланы самым влиятельным бизнесменам и политикам; даже новый президент России явился с супругой, доказав неизменную благосклонность властей к немеркнущей Приме.

Взбалмошная, эмоциональная Столыпина делила актерскую братию на «своих» и «чужих» (к последним относились в основном конкурентки, которых она отлучала от эфира), поэтому в концерте принимали участие исключительно приближенные из постоянной свиты Анны — от «соловья России» Николая Чижика до эротического танцора Вени Сякина, стареющего крашеного блондина с накладными ресницами. (Дружелюбное отношение Столыпиной к гомосексуалистам составляло подлинную загадку ее характера, которую не могли разгадать даже ушлые журналисты желтой прессы.)

Благодаря участию Столыпиной концерт был обречен на шумный успех. Дерибасову это придавало уверенности; беспрекословно владея громадным залом, он невесомо порхал по сцене, пародируя популярных певцов, рассказывая смешные байки из актерской жизни, пел дуэтом то с Анной, то с Чижиком... Когда же, исполняя юмористическую сценку о нынешних политиках, заговорил блеклым голосом нового президента, Путин отозвался неяркой улыбкой и сдержаными похлопываниями ладошек, после чего зал взорвался аплодисментами, в которых поощрение артисту сплелось с каким-то глубинным, генетическим благоговением перед барином за то, что вместо ожидаемого гнева явил милость...

Дерибасова и Столыпину щедро одаривали цветами как выступающие, так и зрители, а поэт-песенник Павел Дзюба прочел проникновенные стихи об их плодотворном творческом союзе.

В антракте раскрасневшийся, взмокший Дерибасов устремился в свою уборную и обнаружил у двери ее двух плечистых парней в кожаных куртках-«косухах», которых тщетно пытался оттеснить к выходу охранник. Их круглые головы были наголо обриты, а на бычьих шеях поблескивали толстые золотые цепи.

— Вам русским языком говорят: не положено! Откуда вы вообще взялись?! — все больше распалялся страж порядка.

— Да типа у нас к нему дело! — упирались те. — Остынь! Мы реальные пацаны! Знаем его, блин, еще с лохматого года! — Один из них потряс концертной программкой с портретом Дерибасова.

— Что за шум, а драки нет? — весело поинтересовался Роман, доставая из кармана авторучку. — Давайте, ребятки, по-быстрому, — поторопил он, расписываясь на портрете. — У меня нет ни секунды!

Тут один из визитеров вытащил из-за пазухи плоский желтый пакет и протянул Дерибасову.

— Здорово тут у вас про рыцаря Родриго, — смущенно проговорил он. — Мы всем кагалом зачитывались, когда жили под платформой на «Серпе и молоте»...

— Самолетовы мы, — добавил другой. — Я Гришка, а он Мишка... Которые... в девяносто третьем на Курском вас развели...

Дерибасов вспомнил братьев-беспризорников, обокравших его в день приезда в столицу, а обнаружив в пакете знакомую тетрадь в коленкоровом переплете с его наивным детским сочинением «Тайна Черного замка» — хотел было отблагодарить деньгами рассказывающихся воришек, но те поспешно ретировались, проблеснув круглыми затылками в конце коридора.

Юбилейный концерт прошел блестяще, и после него ближайшее окружение Столыпиной веселой ватагой устремилось к ее длинному белому лимузину (единственному в Москве!), где — в окружении множества букетов и корзин с цветами от зрителей — свита Донны Анны азартно приступила к испреблению спиртного из бара под велеречивые тосты в честь «блестящего творческого тандема великой певицы и талантливого пародиста».

Роман решил, что и в этот раз заночует на вилле Столыпиной (как это случалось и раньше, когда их репетиции в ее домашней студии затягивались почти до утра), тем более что никто не ждал его в холостяцкой квартире на двадцатом километре Новорижского шоссе...

Пробуждение

Сон состоял из смутных, перетекающих друг в друга видений, которые вызывали чувства вины, неуверенности и страха. Потом Дерибасов очутился на высоком морском берегу, и к нему из прозрачной бирюзовой бездны выметнулся вдруг белоснежный сияющий единорог и произнес деликатным женским голосом:

— Роман Михайлович, пора вставать... Хозяйка ждет вас на кофе.

Дерибасов трудно разлепил глаза, и перед ним постепенно проявился светлый облик столыпинской горничной Аси в нимбе накрахмаленной наколки на голове.

— А... который час? — хрипло поинтересовался он, пытаясь нашупать часы на прикроватной тумбочке.

— Полседьмого.

— Так рано?

— Полседьмого вечера, — засмеялась она. — Вы проспали почти сутки.

— А что... гости?

— Давно разъехались. А вас хозяйка не велела тревожить.

Столыпина ждала его в столовой и задумчиво дымила сигаретой, сидя в торце длинного обеденного

стола. Перед ней тускло поблескивали оставшиеся от вчерашнего застолья разномастные бутылки, бурилась фруктами хрустальная ваза, рядом с которой чернела та самая коленкоровая тетрадь, которую передали Роману братья Самолетовы.

— Привет, Родриго, — улыбнулась Донна Анна, подставляя на rumяненную щеку для поцелуя. — Подлечись.

Она плеснула в стакан виски и бросила туда кубик льда.

За время своей артистической деятельности утренний опохмел после особенно тяжелых алкогольных перегрузок (чаще всего на корпоративных вечеринках) вошел у Дерибасова в привычку; вот и сейчас доза спиртного сняла его головную боль, а лицо Столыпиной показалось помолодевшим и почти родным.

— Отважный рыцарь Родриго остался в далеком прошлом, — усмехнулся он. — А перед тобой всего лишь несчастный полупульянский комедиант.

— Несчастный — потому что ушла Лавиния? — заострила на нем Столыпина сочувственный взгляд.

— Она хотела родить. У меня никогда не было нормальной семьи... Маму — театральную приму — окружали многочисленные поклонники, а отец-инженер свирепо ревновал. Доходило даже до рукоприкладства. А если я заступался за родительницу — получал от него ремня. Иногда после очередной ссоры папа исчезал из дома на несколько дней, ночевал где-то там в цехе своего экскаваторного завода. Отец не раз признавался, что вообще не любит детей, а для маман я был помехой в ее гастрольной и личной жизни. Когда приходил очередной ухажер, она поспешно совала мне деньги на мороженое и на билет в кинотеатр «Пролетарий».

— Так вот почему ты писал свой роман, — невесело заключила Столыпина. — Воображал себя могучим и бесстрашным рыцарем... Поражал врагов беспощадным мечом и вызывал из плена прекрасную леди Лауру... Бедный мальчик... — Она наклонилась к нему и поцеловала в лоб участливым материнским поцелуем.

— Хочешь меня... «уматерить»? — слабо улыбнулся он.

— Хочу, чтобы семейный быт не поглотил и не разрушил твой талант. А пока ты со мной, тебе это не грозит.

— Я благодарен тебе за все, Аня, — впервые назвал он ее этим именем.

— Ах, если бы все было так просто, — вздохнула она, в очередной раз потянувшись к бутылке. — Но ничто не дается даром, мой мальчик... Всякий успех в этой жизни оплачивается страданием...

Сюрпризы Интернета и рекламы

«...Хочешь меня? Посмотри, какая у меня грудь... Мои твердые сосочки готовы, чтобы ты поласкал их язычком... Как тебе мои бедра? А между ними — тай-

на... которую могу показать только тебе... Ты такой сильный, ты справишься со мной, доведешь меня до экстаза... Для тебя я готова на все, на самые откровенные позы... Хочешь, встану как кошечка?..»

Это было одно из порочных открытий Интернета, сайт знакомств, на котором девушки могли общаться с клиентами по чату или веб-камере.

Дерибасов «завис» на этом сайте от одиночества и сексуальной неудовлетворенности.

Лавиния была слишком горда и после ухода от Романа не предпринимала никаких попыток к возврату. Сам же он не звонил ей, оскорблений изменой возлюбленной: она вернулась к своему верному Георгию. Мучительными ночами артисту мерешились сцены их телесного единения, и он растревял свою обиду, утверждаясь в решении никогда больше не звонить предательнице. Однако редкими вечерами, свободными от выступлений, накачиваясь виски в мягком кресле гостиной, он признавался себе, что все это — эгоистическая попытка самооправдания: благодаря покровительству Столыпиной перед ним открылись захватывающие дух перспективы славы и богатства, на фоне которых постоянные сцены ревности любящей женщины уже воспринимались как потеря свободы и отягчающие обстоятельства.

Парадокс его нынешнего положения состоял в том, что, имея неограниченные возможности выбора женщины для плотских утех (поклонницы во время выступлений забрасывали его цветами, сувенирами и любовными записками), Дерибасов не мог воспользоваться этими возможностями, находясь под постоянным прицелом фото- и телекамер.

Взаимные виртуальные ласки, на которые в конце концов спровоцировала его сексапильная интернет-сноблазнительница с явно вымышенным именем Диана, сегодня неожиданно привели Романа к давнему отроческому грехопадению — с последующим грузом раскаяния и презрения к себе.

«С этим пора заканчивать», — решительно заключил он, отправляясь в ванную.

В этой ситуации могла выручить добрая и безотказная хохлушка Света, но после смерти Аркадия Борисовича Варшавера от инфаркта прошлым летом, когда Дерибасов со Столыпиной гастролировали по Крыму, след ее окончательно пропал. Возможно, она укатила в свою Шепетовку воспитывать дошколья и растилья кроликов.

Проституция была знамением времени и загадкой «дикого российского капитализма». Телевидение регулярно показывало лихие рейды блюстителей порядка по тайным притонам, где полуоголые девицы, стыдливо потупившись, закрывали от телекамер лица одеялами, полотенцами и волосами, а потом толпами сопровождались в милиционские «обезьянники». При этом газеты и реклама Интернета пестрели объявлениями, где обнаженные жрицы любви зазывали клиентов. «Приезжай, скучно не будет! Умеем все — от А до Я», — читал Роман. — «Студентки-хохотушки. В любое время

суток», «Очаровательная Ираида — дорого! — подарит незабываемые часы любви состоятельному мужчине...»

Дерибасов остановил выбор на этой грудастой блондинке (ни грамма силикона! — заверяла реклама) и решительно набрал номер телефона.

Она явилась около полуночи, небрежно сбросила ему на руки меховую шубу, пахнущую духами и морозом, гарцующей походкой прошла на кухню, где Романом наспех был накрыт стол, и, усевшись (в разрезе плотной клетчатой юбки нарочито обнажилось бедро, обтянутое сетчатым чулком с алоей розеткой), достала из сумочки миниатюрный будильник:

— Время прошло.

— Счастливые часов не наблюдают, — усмехнулся Дерибасов.

— Если на ночь, то по льготному тарифу, — уточнила гостья. — Кстати, я тебя сразу узнала, Роман. Мы все тащимся от твоих пародий.

Заказывая «девушку по вызову», он назывался Константином; теперь его наивная конспирация была разоблачена.

— Полагаю, что и тебя зовут не Ираида.

— Ирина, — призналась она. — Клиенты клюют на вычурные имена.

Пожалуй, она не была красавицей, но прямая осанка, уверенный взгляд крупных серых глаз, гордый нос с легкой горбинкой выдавали в ней породу, а раскованная непринужденность поведения, что свойственна самостоятельным и сильным женщинам, несомненно, подчиняла себе мужчин.

— Предлагаю по рюмке, — предложил Дерибасов, невольно впадая в угодливый тон. — Это сближает.

— На работе не пью, — заявила Ирина. — Впрочем... Не всегда судьба сводит с таким клиентом... Талантом и любимцем публики. Пожалуй, шампанского сегодня себе позволю.

— «Зачем приехали вы в Эльсинор? Тут вас научат пьянству», — с усмешкой произнес Роман строчки из «Гамлета», выполняя ее пожелание. — Никогда не общаюсь с женщиной на трезвую голову.

— Не ты один такой. Это отголоски первородного греха.

— А ты к тому же и умна, — заметил Дерибасов, когда его накрыла теплая волна опьянения.

— При моей профессии ум чаще всего приходится скрывать, — призналась Ирина. — И подыгрывать тупым самодовольным козлам. Кто силен в бизнесе, чаще всего слаб в постели.

В спальне, при красноватом свете ночника, она разделась, аккуратно развесив одежду на спинке кровати, кратко поцеловала Романа и, направляясь в ванную, игриво произнесла:

— Надо освежить нашу девочку.

От этих слов его охватило желание, и когда ее сильное, чуть влажное после душа тело оказалось рядом — он погрузился в него с жаждой безоглядностью.

— Ромочка, скажу тебе честно, — предупредила она. — С посторонними трахаться не люблю, но останешься доволен.

Она расчетливо удерживала разгоряченного Дерибасова на самом рубеже обвала — неожиданными остановками и прихотливой сменой поз, что порождало в нем мысль о добросовестно исполняемой работе — и вдруг, плавно покачиваясь над ним, круто выгнулась, взвихряя волосы, и исторгла глубокий, похожий на рыдание стон.

— Ты... потрясающий любовник, — влажно шепнула она Роману на ухо, распластавшись на нем исчерпанным телом. — Я ведь кончу только с мужем...

Ирине было жарко, и она, обнаженная, выбежала на балкон походить босиком по снегу (кроме фитнеса занималась еще и моржеванием); Дерибасов же, чувствуя себя победителем, с удовольствием приложился к виски и налил гостью шампанского...

Потом, когда робкий зимний рассвет постепенно вползал в спальню, они лежали рядом, тайно объединенные состоявшейся близостью, и Ирина, играво вороша кудри артиста, говорила:

— Извини, Рома, но твоя Столыпина всех достала... Голоса уже почти нет, растолстела и обабилась, а не вылезает из телевизора... То рулит «Звездным конвейером», то ведет концерты и ток-шоу, то очередной развод, то новый любовник, то изображает из себя ясновидящую, а тут и вовсе договорилась до того, что будто бы приручила двух ангелов и беседует с ними перед сном...

— А может, так оно и есть, — отшутился Дерибасов. — Во всяком случае, телевизионные рейтинги говорят о том, что зрителю она интересна.

— А вся эта рекламная мишура, связанная с тобой... Думаешь, кто-нибудь верит, что ты ее любовник? Все мои подруги, которые в тебя влюблены, не сомневаются — это чистый пиар! Еще одна попытка Донны удержаться на гребне успеха, привлечь к себе внимание... Ну, признайся! Я никому не скажу.

— Аня — выдающаяся, уникальная женщина, — отозвался Роман. — Ее имидж — на уровне наших видных политических деятелей... И я ее люблю.

— Но если любишь, почему изменяешь?

Признание

Едва поднялись они в номер-люкс самой фешенебельной петербургской гостиницы, Анна швырнула свою сумочку на столик у камина и, не снимая шубы, рухнула в мягкое кожаное кресло гостиной.

— Господи, как же я устала... — пожаловалась она Дерибасову. — Осточертели фотографы и телевизионщики, телохранители, без которых и шагу не ступить, оголтелые фанаты, требующие автограф, осточертели нынешние напыщенные «хозяева жизни» с их фальшивыми улыбками и комплиментами...

— Зато они отстегивают нам совсем даже не фальшивые деньги, — шутливо заметил пародист.

Она неожиданно отозвалась характерным хрипловатым хохотком, в котором Дерибасову всегда чудилось несовместимое сочетание детской искренности с цинизмом житейского опыта.

— Ax, Рома, — просветлела она. — Только ты умеешь вывести меня из хандры... Мой солнечный зайчик...

Столыпина поманила его, после чего запустила пальцы в кудри Дерибасова и бережно поцеловала.

— Да, заработали мы здесь совсем неплохо, — согласилась она.

В Петербург приехали они на четыре дня и за это время успели дать концерт в спорткомплексе «Юбилейный», а также поучаствовать в двух корпоративных вечеринках — в честь дня рождения владельца судоверфи Фильштейна и бракосочетания дочери местного префекта Полупанова.

— Сегодня можем наконец расслабиться, — подвела итог Анна.

Дерибасов позвонил в ресторан и заказал ужин.

Гостиничный номер состоял из пяти комнат и был обставлен дорогой, тяжеловесной итальянской мебелью. Тут останавливались самые именитые гости северной столицы — от рок-звезд и зарубежных политиков до принца Монако. К подобной казенной роскоши Роман уже привык, как и к тому, что их с Донной Анной — в какой бы город ни забросили их гастроли — неизменно селили вместе. В прошлом остались откровения Столыпиной в желтой прессе об их страстной любви и о том, что наконец-то она обрела «свою половинку»; теперь Дерибасов имел статус гражданского мужа, и на страницах глянцевых журналов все чаще появлялись вопросы: «А будет ли свадьба?», «Готовит ли Столыпина подвенечное платье?»

— Отработали мы достойно, — вальяжно заметил Роман после первых рюмок.

— Ты был в ударе. — Анна поднесла зажигалку к сигарете, вставленной в длинный мундштук. — А я собой недовольна. Голос не летел. Надо бы заявлять с курением.

— Ты, как всегда, была бесподобна.

— Спасибо, Ромик. Лесть я люблю. И все этим пользуются.

— Все тебя любят.

Она невесело усмехнулась:

— А что оно такое — любовь?

— «Сердечная привязанность, склонность»; смотри словарь Даля. В общем, самое великое благо.

Анна сделала глубокую затяжку.

— А я считаю — самое великое зло.

— Отчего же? — удивился Дерибасов.

— Оттого, что приносит страдания... Каждая женщина после сорока — кладбище несбывшихся любовных надежд.

Наливая Анне виски в очередной раз, Роман почувствовал легкую несообразность движений и то высвобождение от повседневных забот, что наступает в самой первой фазе опьянения. Анна сидела на-

против него, миражно отражаясь в незавешенном ночном окне; сильный ветер со стороны Финского залива лепил в черное стекло мокрым снегопадом, и женщина на фоне мартовской непогоды впервые показалась ему маленькой и беззащитной.

— Истинное благо — это *нелюбовь*, — задумчиво произнесла она. — Поняла это, когда похоронила мать. Я не любила ее и пережила ее уход кощунственно легко...

В этот вечер они настолько «перебрали», что в спальню Дерибасов сопровождал Анну, бережно поддерживая.

— Люблю тебя, Ромик... — сквозь пьяный смех говорила Столыпина. — Люблю хотя бы за то, что с тобой не надо трахаться... Вам, мужикам, этого не понять.

Разоблачение

Столыпина внезапно объявилась в таунхаусе поздним вечером, после какой-то неофициальной встречи; целую ее в щеку, Дерибасов ощутил привычную гамму окружающих ее запахов — смесь легкого табака, французских духов и спиртных паров — и этот первый визит Анны в его квартиру вызвал у него чувство растерянности и тревоги.

— Ты извини... — проговорил он, принимая золотистый плащ гостьи, который она небрежно спустила ему в руки. — Служанку сегодня отпустили...

— Отпустил или опустил? — вульгарно хохотнула она, осматриваясь в гостиной. — А у тебя тут очень мило!

— Сейчас... соберу на стол, — торопливо пообещал он.

— Не хлопочи, зайчик, я *поетая*, — пошутила Анна. — Достаточно будет шампанского и фруктов.

Она была в том состоянии подпития, когда требуется добавить, а веселость ее показалась Роману нервической и натужной.

После нескольких бокалов, что осушили в столовой, она решительно поднялась и потребовала:

— А теперь показывай свое гнездышко.

Осматривая двухъярусную квартиру, Анна осталась довольна студией звукозаписи, увешанной афишами их с Дерибасовым совместных выступлений, а в спальне с трюмо, шкафом-купе и широченной кроватью проговорила, словно бы выражая мысли вслух:

— Значит, все это происходило здесь.

— Что... ты имеешь в виду? — опешил Роман.

— Сейчас увидишь.

В гостиной она раскрыла свою сумочку и швырнула на журнальный столик пачку фотографий:

— Может, объяснишь, что все это значит?

— Это значит... — ошеломленно проговорил Дерибасов. — Папарацци... Какая-то сволочь хочет скомпрометировать меня.

— Скомпрометировать — *тебя*?! — звякалась Столыпина. — А обо мне ты подумал?! Я... по крупи-

цам... выстраивала легенду наших отношений. И все это могло рухнуть из-за какой-то «девки по вызову!» Я сделала из тебя звезду, мы ворочаем миллионами... Никогда не требовала твоего целомудрия... — задохнулась она. — Но мозги-то иметь надо! Представляешь, какую волну пустили бы журналиги... не выкупи я эту дерзкую порнографию... и окажись она в Интернете?!

И тут в Дерибасове вскипел крутой протест, бешеное негодование, свойственное его импульсивной испанской натуре в моменты *унижения его человеческого достоинства*.

Трясущимися руками он выхватил из стопки один из глянцевых журналов и прочел:

— «Мужчины Донны Анны — любовники и мужья»... Вот они... на всеобщее обозрение... Кинорежиссер; бизнесмен, владелец предприятия по добывке золота в Перу; продюсер, он же медиамагнат; еще один бизнесмен — занимается недвижимостью и нефтью; известный актер, секс-символ России; скандальный рок-музыкант... И так далее и тому подобное! Имя им — легион! Думаешь, я при тебе — что-то вроде манекена?! У меня нет сердца?! И оно не страдает, когда очередной толстосум претится к тебе на сцену с охапкой роз, приглашает на корпоратив, где ты поешь ему дифирамбы, обнимаешься и целуешься у меня на глазах?! Когда перед всеми заголяешь ноги, и папарацци фотографируют, какого цвета у тебя трусы?! Нет, я не бесчувственный чурбан, и в такие минуты мое сердце разрывается от боли! («Куда это меня несет?» — с восторгом отметил Роман, ощущая себя на сцене.) — Он театрально отбросил журнал в угол и продолжил, обретая полноту и уверенность голоса: — Оно разрывается от боли и негодует, и бессонными ночами, прокручивая в памяти эти кадры, я презираю себя за то, что нахожусь рядом с тобой и безропотно сношу все это...

Когда он закончил этот патетический монолог — увидел перед собой расширенные, стремительно наполняющиеся влагой глаза Донны Анны.

— Ромик... зайчик... — жалко улыбнулась она. — Так ты... меня ревнуешь?...

Она кинулась к нему в объятия и разрыдалась.

Это вдруг вызвало в нем ответный слезливый всхлип, и он — беззащитный в какой-то давней детской обиженностии — приник к теплому, доверчивому телу Анны, впитывая не заслуженное им тепло, покаянно оплакивая их обоюдное сиротство на земле и укоряя себя за недавний обман, в который она поверила.

Он уложил Столыпину в спальню, а себе постелил на диване в гостиной.

— Посиди со мной, — жалобно попросила она, целуя его руку и прикладывая к своей разгоряченной щеке. — Мужья, любовники, поклонники и почитатели... Боже мой, да что вы обо мне знаете... Моя мать была врачом-пульмонологом, с отцом развелись, когда я еще не начала ходить. Была поме-

шана на своей науке. Кандидатская, потом докторская... Сдуру рассказала ей о первом поцелуе с мальчиком — и получила пощечину, потому что этот самый Козлов, сын водопроводчика, был *не нашего круга*... А когда появился жених, профессорский сынок Дима Осипов и мы собирались на каникулы в Ялту — мамочка снабдила меня новобрачной kleenкой: «Насколько я понимаю, там ты потеряешь невинность, так пусть все будет гигиенично»... Все так и произошло в гостинице «Ореанда» и не вызвало у меня ничего, кроме отвращения. Мужья, любовники... Всю жизнь я чувствовала под собой ту проклятую kleenку.

За утренним кофе она, как всегда, была собранна и деловита; в выражении старательно припудренного и нарумяненного лица ее не было и намека на вчерашние душевые надрывы и откровения.

— А насчет этих фотографий... *Не парься...* — успокоила она Дерибасова на прощанье. — Обнародуем их, если интерес публики к нашей связи начнет остывать.

Уход Мовсесяна

Гроб с Гариком Мовсесяном был доставлен на Армянское кладбище для *подзахоронения* к матери, умершей более двадцати лет назад. Мраморный крест в легкой прозелени мха с ее могилы был снят и кренился на краю земляного отвала, набросанного расторопными могильщиками. Когда же их работа была завершена, его водрузили на место, а свежее погребение прикрыли пестрым шалашиком из венков и цветов. Перед ним был выставлен самый известный портрет Мовсесяна: рыхлый, потный шоумен в крашеной ярко-рыжей бородке и жилете на голое тело, криво усмехаясь, и не вполне сфокусированный, полуписьманный взгляд его выражал дерзкое самодовольство.

— Он так и не смог до конца избавиться от этого пошлого образа, — с горькой ironией заметил Дерибасов Игорю Теплякову, который переминался с поднятым воротником пальто, повернувшись спиной к влажному весеннему ветру.

Приняв решение в корне перестроить свою жизнь, Мовсесян нездолго до смерти не только кардинально изменил внешность, но и отношение к творчеству: подготовил на телевидении новый проект, в котором бывший поборник матерщины и эпатаха предстал перед зрителем интеллигентным автором культурно-просветительской программы, повествующей о судьбах поэтов Серебряного века.

— А попытка изменить имидж привела к потере телевизионной аудитории, — добавил Игорь.

Скоропостижная смерть популярного в недавнем прошлом и успешного деятеля шоу-бизнеса, едва достигшего сорока пяти лет, всколыхнула публику и столичную артистическую тусовку; однако на кладбище пришло лишь несколько его коллег и самых преданных почитателей. В основном же скорбящие

представлены были его армянской родней в однообразно черных одеждах.

Высказав вдове покойного Музе свои соболезнования, Дерибасов с Тепляковым благодарно приняли ее приглашение на поминки. В уютном ресторанчике на Красной Пресне каждый из них произнес подобающие слова об ушедшем, после чего приятели незаметно покинули собрание и вскоре очутились в салоне вороненого джипа, где их поджидали могучие бритоголовые близнецы Самолетовы, выполняющие обязанности водителей и охраны пародиста.

К приезду хозяина в таунхаус домоводка Дерибасова, миниатюрная филиппинка Манила (этот кличу дал ей Роман взамен многосложного имени), уже накрыла стол. Аристы наконец-то получили возможность обильной выпивкой заглушить то гнетущее ощущение от похорон, что не только вызывает горькое сочувствие усопшему, но и разрушает иллюзию собственного бессмертия.

— Э-э-э... нет, мой друг! — нетрезво махал окурком Тепляков, роняя пепел в свою закуску. — Умер он вовсе не оттого, что походел на четырнадцать килограммов, нарушил обмен веществ и все такое... Его смерть — явление почти мистическое... Он так долго носил придуманную маску, что она срослась с ним, сделалась его подлинным «я»... Короче, в своем духовном развитии он прошел точку *невозврата*, и это самое страшное! Боюсь, то же самое уже произошло и с нами... Ты все еще мечтаешь о своем театре?

— Это не просто мечты, — отозвался Дерибасов. — Есть реальный план.

— Голубчик! — криво усмехнулся Тепляков. — Сейчас у нас может быть лишь один театр — *театр голой жопы!* Несчастная, гибнущая страна... Едва очистились от дермы коммунистического, как вляпались в новое — капиталистическое! Раньше душила политическая цензура — партийные бонзы уродовали пьесы, запрещали спектакли. Теперь свирепствует цензура экономическая, всевластие «бабла». Я посмеивался над женой, что ударила в религию, а теперь понял... в нынешней России... вера в Бога — последнее, единственное, на что можно опереться. Бежать, бежать! — с тоской проговорил он, раздавливая окурок в тарелке. — Шустрые люди пачками отбывают за границу. Но я слишком русский, слишком отравлен отечественной классикой с ее чацкими, базаровыми и раскольниковыми, чтобы прижиться на чужой почве... — Запрокинув очередную рюмку, он понизил голос и доверительно сообщил: — Но выход есть. Это «экологическое поселение» в Карелии. Что-то вроде христианской общины. Совместная обработка земли, натуральное хозяйство, здоровый образ жизни на вольном воздухе, своя церквушка, своя школа для детей... Мы с Юлией уже решили.

— А я решил построить замок, — вдруг неожиданно для себя признался Дерибасов.

Игорь недоуменно вскинул брови:

— Ты что... офонарел?! На дворе двадцать первый век! Какой к черту замок? Почему именно замок?

— Потому что он будет окружен рвом с водой, высоченной стеной. И охрана будет пропускать только тех, кого позволю... А еще в нем будет мой театр.

Тепляков покрутил пальцем у виска:

— Ну, брат, такой фантазии от тебя не ожидал. Наши зажравшиеся звезды обзаводятся загородными коттеджами, виллами, наконец... Лошадей заводят...

— Да пойми ты! — горячо заговорил Дерибасов. — Анна... уникальная, потрясающее талантливая актриса. И, поверь, совсем не та высокомерная prima, что всеми повелевает и выносит приговоры. Она по-своему несчастная, много страдавшая женщина... Потому способна понять ближнего, бескорыстно сделать добро. Я рос без родительской любви... наверное, в чем-то инфантилен... С благодарностью принимаю ее материнскую заботу... возможно, потому, что обделен был этим в детстве... Но понял одно: если она и дальше будет присутствовать в моей жизни, кроить ее по своим лекалам — как личность я пропал.

Тайное становится явным

Идея строительства замка так захватила его, что после утомительных летних гастролей 2002 года Дерибасов каждую свободную минуту посвящал будущему детищу: втайне от Столыпиной посещал библиотеки, консультировался с архитекторами, а главное — приобрел на берегу Истринского водохранилища, на окраине деревушки Худобино, два с лишним гектара земли, где должен был расположиться дачный участок — с прихотливыми строениями, зимним садом, подземным гаражом, спортивным комплексом, подвалными кладовыми и парковым хозяйством... Влюбленный в Испанию, он неплохо знал ее историю и культуру, и ему доставляло удовольствие погружаться в толстые фолианты с кожаными корешками, изучая древние тексты, гравюры и чертежи, от которых, казалось, исходил таинственный запах Вечности. Его привлекали замки феодалов, которые с XV века теряли свое значение военных крепостей и превращались в комфортабельные загородные резиденции — с большими зеркалами, дорогими книгами, безделушками из золота, серебра и слоновой кости, а также коврами, на которых изображались сцены из жизни рыцарей, гербы родовых семейств, военные баталии...

Роман воплощал свою наивную детскую мечту о надежном убежище для души, запечатленную в романе «Тайна Черного замка», и теперь она становилась реальностью: у него было уже столько денег, что он не всегда мог назвать их точное количество...

В феврале 2003 года он заключил договор с подрядчиком — крупной строительной фирмой, — а уже в мае Гришка Самолетов вез Дерибасова через Худо-

бино: пародист намеревался проверить, как идут работы «нулевого цикла» за высоченным металлическим забором, которым была уже огорожена усадьба.

Погожее солнечное утро струилось в салон, чуть приглушенное тонировкой стекол «мерседеса». Сквозь приоткрытое боковое окно долетали нехитрые звуки деревенской жизни, заглушаемые нестройными переборами гармошки, на которой наяривал пьяный мужик, сидящий на скамейке перед палисадником. За покосившимися жердевыми изгородями клонились над грядками бабы.

Стайка мальчишек играла в футбол на пыльной, разбитой улице. Разгоряченные спортивным азартом, они не сразу уступили дорогу сверкающему белому лимузину, когда же она была освобождена, — перед капотом неожиданно возник гармонист с раскинутыми крестом руками.

— Не пущу! — дурным голосом заорал он, и на худой синеватой шее его вздулись жилы. — Б... буду, не пущу!

— Может, его вырубить? — негромко поинтересовался Мишка Самолетов, наклонившись к хозяину с заднего сиденья.

— Так нельзя, Миша, — усмехнулся Дерибасов. — С соседями надо дружить.

Он вышел из автомобиля и приветливо обратился к мужику:

— Представьтесь, пожалуйста. И предъявите ваши права и полномочия.

Поначалу тот оторопел, высветленные пьянством глаза растерянно заморгали, но уже в следующую минуту желтоватое испитое лицо его, жалко дрогнув, приобрело прежнее выражение злобы.

— Вот тебе мои полномочия! — сделал он непристойный жест. — А правов моих никаких нет, вы их сп...ли! Жили без вас... по-людски! А теперь... все захапали, загородили! Чтоб к заливу выйти — надо цельных два километра в обход! Улицу вконец раздербанили самосвалами! Как началась стройка — по несколько дней сидим без электричества! Надо поливать огорода, а насосы не работают! Жаловались районному начальству — как об стенку горохом! Вы всех купили! Вы обжираетесь по телевизору, машины иностранные, яхты, голые бабы... И вам все мало?! Когда же вы нажретесь?!

— А что мешает тебе обжираться? — весело спросил Дерибасов. — Вкалывай, как я!

— Думаешь, я не вкалываю всю жизнь?! И по электрике, и по сварке... Да только кто ж меня допустит до вашего корыта!

Это был социальный протест люмпена; пародист сталкивался с подобным неоднократно во время гастрольных поездок и реагировал снисходительно: наивные завистливые бедняки, лишенные таланта, даже представить себе не могли, какова на самом деле жизнь «звезды»: ты становишься не только хозяином, но и заложником своих капиталов, которые нужно постоянно приумножать, ибо с ростом твоего благосостояния растут и расходы...

С добродушной улыбкой Дерибасов полез в нагрудный карман своего модного бархатного пиджака, вытащил бумажник крокодиловой кожи и протянул селятину стодолларовую купюру.

Тот принял ее, не веря своим глазам, поперхнулся очередной фразой и, обретя победительную уверенность голоса, заключил:

— Вот как с вами надо! Пока не подымешь голос протesta... Проезжай, хрен с тобой! — и побежал к своей гармошке, оставленной на завалинке.

Прораб Николай Николаевич Сукачев, как всегда, встретил Романа с выражением обожания на круглом, продубленном солнцем и ветрами лице.

— Очень рады, очень даже рады... — частил он, сопровождая пародиста по участку, захламленному рычащей техникой, строительными материалами и рыхими отвалами грунта. — А у нас все по плану, все чин-чинarem... Идем по графику... Разве можно подвести такого заказчика... можно сказать, гордость нации... Моя супруга просила передать вам благодарность за билеты на концерт в «Октябрьском», она прямо в восторге, вы ее любимый артист, лучше Райкина.

Дерибасов знал, что эти приветливость и многословие — следствие того, что строитель подворовывает (в чем неоднократно был уличен), но воспринимал грешки Сукачева как неизбежность, ибо в стране победившего капитализма воровали всюду, где только была возможность. В конце концов, и они с Анной получали немалые деньги за счет «левых» концертов и корпоративных заработков, с которых не платили налоги...

В тесноватом служебном вагончике прораб неожиданно упал перед Романом на колени и, приложив руку к сердцу, запричитал:

— Михалыч, Христом-Богом клянусь, я тут ни при чем... И мои ребята тоже... У нас, как и договорились, рот на замке, полное инкогнито! Понятия не имею, откуда просочились сведения...

На узком столике, застеленном kleenкой, рядом с электрическим чайником Дерибасов увидел яркий глянцевый журнал с портретом Донны Анны. «Роман строит для нас гнездышко на Истринском водохранилище!» — гласил аншлаг на обложке.

Из газет

«Как признался нашему корреспонденту Роман Дерибасов, его традиционное развлечение на Новый год — «любоваться собой со стороны». И этому занятию он придает магический смысл: если ритуал будет выполнен — наступающий год принесет удачу. Дело в том, что новогодние телепередачи, в которых он уже не первый год «гвоздь программы», снимаются заранее, и пародист имеет возможность в ночь на первое января отдохнуть в кругу друзей и получить удовольствие от собственного телевизионного выступления. Обворожительная Донна Анна, с которой артист не-

изменно отмечает этот праздник, подтверждает: «Действительно, эта традиция приносит Роману счастье: несколько лет назад он посмотрел на себя в телевизоре, и у нас вспыхнул бурный роман!»

Ну как после этого отказать в удачливости любимцу публики?!

«Столичный комсомолец»

* * *

«Дерибасова всерьез «зазвездило»? Перед своим выступлением во дворце «Олимпийский» на концерте, посвященном Дню независимости России, известный пародист отметил скандалом. Он не захотел «делить» гримерку с другим популярным артистом и пригрозил отказом от участия в представлении, если ему не будет предоставлено отдельное помещение. А ведь это ставило мероприятие под угрозу срыва! Устроителям пришлось пойти навстречу капризной звезде (гастролируя по стране, он требует в своем райдере обязательное наличие аквариума с рыбками в гостиничном номере, джакузи с морской солью и кассетник с песнями Анны Столыпиной). Прихоть пародиста была исполнена, но, как говорится, «осадочек остался»...

«Светский хроникер»

* * *

«Когда артистам очень нужны большие деньги, они идут на поклон к олигархам. Не исключение и наш талантливый пересмешник Роман Дерибасов, затеявший строительство грандиозного замка на Истринском водохранилище. Он отметил на очередном корпоративе миллиардера Марлена Салманасарова, посвященном дню рождения его внука. Подарив Эдгарчику плюшевого медвежонка, а элитной публике целый «венок» остроумных пародий, артист получил взамен от щедрого владельца Химкинского рынка золотой микрофон с бриллиантами и (как утверждают осведомленные люди)... миллион долларов! Поистине, «да не оскудеет рука дающего».

«Желтый листок»

* * *

«Новая выходка Романа Дерибасова неприятно удивила его поклонников и вызвала возмущение организаторов и участников телевизионного шоу «Звездный переполох» на канале «Отечество». Ведущий, который должен был появиться в прямом эфире на съемочной площадке в два часа дня, подъехал на своем «мерседесе» лишь в половине пятого! К этому времени руководители проекта уже поглощали в своих кабинетах валокордин, но их, как и собравшихся в зале, ждало очередное испытание: в момент 30-секундной готовности выяснилось, что Романа нет и за сценой, где с ним должен был работать гример! Прямой эфир начался без основного ведущего, который закрылся в гримерке и беспечно болтал по телефону... Вот уж поистине «Звездный переполох»!

«Светский хроникер»

В канун новоселья

— Зайка, ты неправ! — говорила Столыпина, вышагивая белыми кроссовками по мощеным дорожкам, прихотливо вьющимся по обширному газону перед замком. — Твоя ирония совсем неуместна! Фэншуй — древнейшее и очень мудрое учение! В основе его лежит понятие Ци. А это созидательная жизненная энергия, пронизывающая все мироздание. — Она сделала широкий, округлый жест руками.

С распущенными, поблескивающими на летнем солнце волосами, в легком спортивном костюме и серебристой ветровке она выглядела деятельной и даже помолодевшей.

— Да я что... — вяло оправдался Дерибасов. — Я ничего...

— Взять хотя бы эти дорожки. Мы их сделали явными, а можно было ограничиться лишь намеком на то, что они есть. Выложить в форме следов, ведущих в нужном направлении...

«Мы», — с тоской подумал Роман и не смог сдержать язвительной усмешки. С той поры, как Анна с присущей ей энергией включилась в строительство, он уже не чувствовал себя хозяином положения. Переживая обидную обманутость ребенка, у которого украли любимую игрушку, бессонными ночами Дерибасов тщетно искал выход из тупика и не находил его. Во всяком случае, — приходил он к неутешительному выводу, — пока замок не готов, не могло быть и речи о расставании со всемогущей Донной. Стойка выявила множество проблем, и там, где пародист вынужден был — после долгих и уничижительных переговоров — «отстегивать» щедрые «откаты» чиновникам, Столыпина «решала вопросы» с поразительной легкостью и совершенно бесплатно: любому местному администратору льстил сам факт появления отечественной мегазвезды в его провинциальном кабинете... Так было с разрешением на сооружение пляжа и причала в «природоохранной зоне» водохранилища; так было и в более щекотливой ситуации, когда выяснилось, что земельный участок пародиста включил в себя часть бывшей дворянской усадьбы сменовеховца* Глеба Крестинского, который не дожил до изгнания его коллег за рубеж в 1922 году: несколько раньше его «кокнули» пьяные матросы на Большом Каменном мосту, поскольку носил очки и шляпу. Барский дом за годы Советской власти растащили жители деревни Худобино, на месте бывшей часовни возвышался поросший крапивой холмик да несколько старых лип, по преданию, где-то там была и могила философа, а тинистые, затянутые ряской пруды Дерибасов намеревался очистить и заселить карасями.

— Если захотим высадить высокие деревья, — продолжала Столыпина, — лучше сделать это с тыль-

* Сменовеховство — общественно-политическое течение русской буржуазной интеллигенции (Советский энциклопедический словарь, 1980).

ной стороны замка. Они дадут жилищу дополнительную энергетическую подпитку, а нам с тобой — больше уверенности и стабильности в жизни...

— Как скажешь, дорогая...

— Но не стоит сажать их напротив окон или слишком близко к стене.

— Я дам команду Сукачеву.

— Нужно отступить минимум на два метра.

— Я так ему и скажу.

— Снаружи мне все нравится, зайчик. Нравится, как у нас получилось, — удовлетворенно заключила она, окидывая взглядом новостройку (главные сооружения замка, в том числе донжон, самая высокая башня, были завершены, строительные леса оставались лишь на подсобных помещениях). — Теперь навестим мои «покои», я привезла потрясающие портьеры на окна спальни.

Полгода назад, когда в замке шли отделочные работы, своими апартаментами она избрала несколько комнат на третьем этаже флигеля, примыкающего к донжуону, и теперь они были уже полностью меблированы. На днях Дерибасов выполнил и последнее указание Анны: установил там белый рояль.

— Ах, Ромик, какая прелесть! — захлопала она в ладоши при виде его. — Какое изящество! Он напоминает мне белого лебедя! А главное — великолепно вписывается в интерьер комнаты. Он тоже представляет собой стихию металла, поэтому не нарушает общей гармонии. Надо его лишь чуток сдвинуть, чтобы я, музенируя, не сидела спиной к окнам. От них исходят слишком резкие потоки Ци.

Присев к инструменту, Анна стремительно наиграла ноктюрн Шопена и осталась вполне довольна звучанием и настройкой.

После осмотра донжуона, где уже висели светильники, было установлено газовое отопление, а из кранов потекла холодная и горячая вода, она заключила:

— Как только паркетчики закончат полы в гостиной, устроим новоселье.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Обыск

— Поймите нас правильно, Роман Михайлович, — проговорил следователь Решитилов после того, как предъявил Дерибасову ордер на обыск. — Процедура для вас не очень приятная, но мы обязаны выполнить свой служебный долг. Дело-то *резонансное*: самая популярная, можно сказать, актриса страны исчезает... вот в этом вашем замке... На глазах у вас и ваших друзей...

— Вы меня... в чем-то подозреваете? — дрогнул голосом пародист.

— Ни в коем случае! — воскликнул следователь. — Просто... мы должны опросить всех свидете-

лей, и вас в том числе. А обыск, — доверительно понизил он голос, — чистая формальность. Я сильно сомневаюсь, что мы обнаружим Анну Петровну Столыпину в какой-нибудь кладовке донжуона. Искренне вам сочувствую.

Звали нежданного гостя Валентин Юрьевич; высокий голубоглазый блондин с безупречным пробором в волосах, он выглядел моложаво, а его открытое, гладко выбритое лицо и свойская манера общения (которая, не исключено, была лишь профессиональным приемом) располагали к себе. Постепенно оторопь от визита возглавляемой Решитиловым оперативно-розыскной группы из нескольких человек у пародиста прошла, и когда он угощал «следака» в столовой черным кофе (от спиртного тот отказался), сумел дать волю чувствам:

— Я просто в шоке... Места себе не нахожу... Мы с Аней как... как иголка с ниткой... Я, конечно, читал о полтергейсте и прочей чертовщине, но чтобы вот так... в собственном доме...

И он полез в карман за носовым платком, промокнуть повлажневшие глаза.

— Ребята все сделают аккуратно, — заверил Валентин Юрьевич. — Все досмотренные предметы вернут на место, чтобы не нарушить ваш бытовой уклад.

— Ума не приложу, — сокрушился Дерибасов. — Исчезнуть неожиданно и бесследно... Прямо-таки аннигиляция.

Один из оперативников, парень в унылых усах скобкой, спустился по винтовой лестнице со второго этажа и что-то пошептал Решитилову на ухо.

— Извините, Роман Михайлович, я скоро вернусь, — предупредил тот.

Оставшись в одиночестве, Дерибасов испытал новый приступ неуверенности, какого-то ватного, рас slabляющего страха и потянулся к бутылке с виски.

— И мне тоже, — раздался рядом знакомый ломкий голос, и Роман увидел Шкета, который с кряхтением карабкался на соседний стул. Был он в своем повседневном джинсовом комбинезоне и линялой бейсболке, повернутой козырьком на затылок.

Роман плеснул ему в хрустальный стакан и пододвинул вазу с фруктами.

— Не знаю, как дальше жить и куда податься, — горестно вздохнул карлик, занюхав выпитое коркой из хлебницы. — Возвращаться на виллу хозяйки? Но там Аська, она меня ненавидит... И заступиться некому.

С Донной он дружил еще с цирковых времен, когда она была партерной акробаткой, а Шкет выступал в группе лилипутов. Потом их пути надолго разошлись; карлик снялся даже в кино, потом был задействован в дешевом ток-шоу «Хотите — верьте, хотите — нет!», где выворачивалась наизнанку интимная жизнь звезд шоу-бизнеса.

— Аня взяла меня к себе, потому что в моменты депрессии не могла находиться одна, — признался Шкет. — Это называется монофобия.

— Живи у меня, Иннокентий Павлович.
 — А что я буду делать? — поднял выгоревшие бровки Шкет. — Я привык на жизнь зарабатывать.
 — Будем с тобой писать мемуары о Столыпиной, — усмехнулся Дерибасов.

На лестнице показался следователь, и карлик поспешно ретировался.

— Вот о чем хотел вас спросить, Роман Михайлович, — проговорил Решитилов, усаживаясь напротив хозяина. — Как вам пришло в голову... сделать Анне Петровне столь необычный сюрприз, как «Комната смеха»?

— Она мне рассказывала, что в детстве это было ее любимое развлечение. Видите ли... Она росла под надзором очень строгой матери, которая придерживалась железного правила: «удовольствия надо зарабатывать». Чтобы получить разрешение посетить аттракцион, Анечка должна была сделать генеральную уборку квартиры, либо завершить школьную неделю без четверок, либо разучить на пианино сложный музыкальный опус...

— Но почему именно «Комната смеха»?

— Аня съязмальства была артистической натурой, мечтала о театре... Думаю, ей нравилось смотреть, как преображается ее внешность под воздействием зеркал.

Решитилов помолчал, легонько барабаня длинными ухоженными пальцами по столешнице.

— А вы не поинтересовались у прежних владельцев, почему продают именно этот аттракцион?

— Генеральный директор при заключении договора купли-продажи упоминал о каких-то финансовых трудностях, вынужденном выставлении на торги всей развлекательной механики, которой владела фирма в парке. Но я, честно признаюсь, не вникал...

— Продавалась лишь «Комната смеха», — уточнил Валентин Юрьевич. — Вам не приходилось слышать, что там одно время стали пропадать дети?

Дерибасов беспомощно развел руками.

— И по свидетельству очевидцев, — продолжил следователь, — ваш сюрприз отнюдь не привел Анну Петровну в восторг.

— Признаться, этого я никак не ожидал.

— Женщине в пятьдесят три хочется, чтобы зеркало ей льстило, а не совсем наоборот.

— Я оказался плохим психологом, — повинился Дерибасов.

— Женщины — загадка, — вздохнул Решитилов. — На вашем месте даже Фрейд мог допустить подобную ошибку, хотя изучению женской психологии посвятил жизнь.

Лишь к вечеру усталая, потная его команда завершила работу. Надо сказать, обыск был проведен так аккуратно, что даже обслуге замка, состоящей в основном из филиппинок, после него не пришлось наводить порядок.

— Приятно было с вами познакомиться, — улыбчиво прощался с Дерибасовым Валентин Юрьев-

вич. — Спасибо за информацию. Если понадобитесь, вызовем повесткой.

Допрос

Повестка в прокуратуру пришла на следующий день. Сутками позже, тщательно вытерев носовым платком потеющие ладони, Дерибасов вошел в кабинет Решитилова, сидящего перед мерцающим экраном монитора за столом, заваленным служебными бумагами. Сухо поприветствовав пародиста и указав на свободный стул, следователь заговорил что-то там насчет ложных показаний, а Роман согласно кивал и глупо поддакивал, обескураженный неожиданной метаморфозой Валентина Юрьевича: улыбчивая приветливость своего парня, которую демонстрировал он в замке совсем недавно, сменилась угрюмой деловитостью; казалось, даже внешне он постарел.

— В прошлый раз вы *показали*, Роман Михайлович, что вам были неизвестны некоторые... мягко говоря, странности, связанные с купленной вами в Парке культуры «Комната смеха»...

— Что вы имеете в виду?

— Здесь вопросы задаю я, — напомнил Решитилов.

— Извините.

— Я имею в виду пропажу детей. Об этом даже была информация в прессе.

— Я слишком занятой человек, чтобы изучать все, что пишется в прессе.

Следователь недоверчиво усмехнулся:

— Но, похоже, *именно изучали*.

Он раскрыл лежащую поблизости папку и вынул газетную вырезку с пометками красным карандашом. От внезапного узнавания Дерибасов ощущал частое сердцебиение, и мгновенный пот выступил на висках.

— «С некоторых пор в «Комната смеха» Парка культуры и отдыха стали пропадать дети, — зачитал Валентин Юрьевич. — Они заходили в помещение... и не возвращались. Милиция и родители сбились с ног, пытаясь разыскать пропавших, лучшие столичные «следаки» оказались бессильны. И вот недавно женщина-медиум объявила, что знает, где малыши. В одном из кривых зеркал этого аттракциона, по ее словам, находится выход в параллельный мир... Этот текст был найден у вас в замке во время обыска. Вы подтверждаете, что он принадлежит вам?

— Не могу сказать... — растерялся Роман. — У нас с Аней перебывало столько гостей... Подвыпив, частенько забывают свои вещи...

— Постарайтесь припомнить, Роман Михайлович. А вот вырезка из другой газеты: «В начале двадцатого века американский исследователь Чарльз Форт ввел термин «места телепортации». Это участки пространства, где возможны внезапные перемещения людей и где открываются «двери» в парал-

лельные миры. Согласно различным версиям, именно оттуда к нам наведываются НЛО, барабашки, привидения и прочая нечисть. Сторонники аномальных явлений уверены: пропавших без вести людей стоит искать в параллельных мирах. Точнее, стоило бы — никто ведь точно не знает, как туда попасть и вернуться обратно».

Пока длилось это чтение, Дерибасов — как бывало в минуты крайней опасности — сумел-таки обуздать паническое смятение мыслей и ощутил порубежную, холодную собранность шахматиста, попавшего в жесточайший цейтнот.

— Кажется, я вспомнил, — проговорил он. — Эти вырезки однажды я нашел в своей гримерке... После концерта в Лужниках... Уже *после исчезновения Анны*. Кто-то подложил...

— Как вы думаете, с какой целью это сделано?

— Возможно, хотели что-то подсказать...

— Хорошо. Так и запишем: «Газетные вырезки я обнаружил в своей гримерной комнате после концерта. Анонимный даритель мне неизвестен». Согласны?

— Вполне.

— Можете вспомнить дату, когда это произошло?

— Едва ли... — усомнился Дерибасов, разом осознав, что в своей версии случившегося допустил глупейшую, непростительную ошибку. — В жизни артиста столько событий...

— Ну, это легко поправимо, — негромко проговорил Решитилов, дробно щелкая клавишами компьютера.

Дерибасов отер пот со лба, тревожно наблюдая за его проворными пальцами.

— Ну вот, все и выяснилось, Роман Михайлович, — заключил следователь, откидываясь на спинку вращающегося офисного кресла. — Столыпина исчезла пятнадцатого июля, ваш концерт в Лужниках прошел накануне Дня Победы, а «Комната смеха» вы приобрели, согласно документам, которые предъявили в прошлый раз, восемнадцатого мая.

— И что... из этого следует? — беспомощно спросил Дерибасов, осознав, что капкан захлопнулся.

— Из этого следует, — с нажимом произнес Решитилов, — *если верить вашей же версии*: в момент приобретения аттракциона вы уже знали о его свойстве поглощать людей.

— И вы полагаете, что я умышленно... — задохнулся артист, разыгрывая возмущение. — Чтобы избавиться от любимой женщины...

— Вы здесь в качестве свидетеля, — напомнил Валентин Юрьевич. — А если бы я «полагал», вышли бы отсюда обвиняемым.

«А может, вымогает взятку? — с тоской предположил Дерибасов. — Но не здесь же, черт возьми, не сейчас...» И тут его осенило: «А где доказательства, что я эти вырезки читал?!»

— Я категорически возражаю против подобных обвинений, — окреп голосом Роман.

— Это ваше право, — согласился Решитилов. — Закон не обязывает вас давать показания против себя. Итак, запишем: «Аттракцион «Комната смеха» был приобретен мною в качестве подарка Столыпиной Анне Петровне. Умысла устранныя моей жены я не имел»...

— Поскольку подброшенных мне в гримерку газетных вырезок прочесть не удосужился из-за крайней занятости и о свойствах зеркал не имел представления! — поспешно подхватил пародист.

Следователь поднял голову от клавиатуры и во взгляде его промелькнуло выражение вынужденного, но уважительного согласия:

— Так и зафиксируем.

Когда процедура завершилась и Дерибасов поставил подпись под казенной фразой «записано с моих слов верно», Решитилов любезно проводил его на выход.

— Возможно, еще увидимся, — пообещал он.

— Если буду на гастролях — пришлю своего адвоката, — отозвался пародист.

Дубровский

Адвокат Вениамин Львович Дубровский работал у Дерибасова по контракту и в офисе артиста на Большой Якиманке имел один присутственный день. Успешный юрист, он брался за самые громкие дела, носил на сътом плутоватом лице тропический загар, который привозил с заморских островов, и часто мелькал на экране телевизора — с неизменной сигарой во рту, в галстуке-бабочке и широких подтяжках времен американских вестернов.

Любитель дорогих вин и высоких женщин (сам он ростом не вышел), Вениамин был нашпигован анекдотами, прибаутками, казусами из юридической практики и умел выкрутиться из самой запутанной, казалось бы безнадежной, процессуальной ситуации.

— Я понимаю... разделяю вашу утрату, Роман Михайлович, — проникновенно проговорил адвокат, который сидел за столом под портретом нового президента — Медведева, когда Дерибасов вошел в его кабинет. — Но почему мы должны бояться какого-то Решитилова? Я вас умоляю! Это же мелкая сошка!

— Дело не в Решитилове, а в системе, — угрюмо отозвался Дерибасов. — Не вы ли мне говорили, что самое паскудное — попасть в поле зрения наших правоохранительных органов.

После допроса в прокуратуре Роман провел бесконную ночь, и его богатое артистическое воображение рисовало самые рискованные варианты развития криминального сюжета, в центре которого оказался — вплоть до тюремного заключения. Он давно уже не верил продажной российской Фемиде, поданные которой служили не закону, а собственной выгоде — беспардонно обогащались за счет взяток, разъезжали на дорогих иномарках и возводили дворцы в элитных районах Подмосковья. Самое удруча-

ющее заключалось в том, что сам он, Роман Дерибасов, втянувшись в гонку по приумножению капитала, многократно нарушал закон, а потому *объективно* заслуживал наказания... Но — и в этом состоял мрачный парадокс его положения! — посадить его могли не за эти нарушения, а по прихоти любого конкурента, который захочет перехватить его миллионные заработки на телевидении, усадьбу с замком либо театр, который он мечтает создать...

— Система хороша тем, что живет «по понятиям», — весело проговорил адвокат, раскуривая сигару. — На все случаи жизни существуют правила и расценки. В крайнем случае *занесем* кому надо и сколько надо... Ведь я не какой-нибудь дворянин-неудачник из повести Пушкина. Я совсем другой Дубровский! — назидательно поднял он палец, повторив свою излюбленную шутку.

— Я тоже совсем другой Дерибасов, — в тон ему отозвался повеселевший Роман.

— Да уж! — подхватил адвокат. — Вы оба испанских кровей, и хотя Хосе де Рибас не пародировал Ельцина и Путина, не возводил замка в Подмосковье, а вы, Роман Мигелевич, не штурмовали Измаил и не отстраивали Одесский порт — поверьте, по природе вы одно и то же! С одинаковыми проблемами и переживаниями! Человечество на протяжении веков не меняется, как не меняется взяточничество и казнокрадство при наличии закона, который за это карает! Я всегда говорю своим клиентам: хотите спать спокойно — читайте на ночь Уголовный кодекс... Читайте очень внимательно, как Библию, и тогда вам откроется сокровенный смысл его несовершенства... потайная дверь, которая сущит свободу даже преступнику. Рассмотрим хотя бы наш случай... — Он достал из стопки на столе розоватую брошюру и раскрыл на нужной странице. — Допустим, нам инкриминируют преднамеренную телепортацию Анны Петровны Столыпиной в некое Зазеркалье, параллельный мир... По какой статье нас судить? «Умышленное тяжкое телесное повреждение», статья сто восемьдесят? А где доказательства, что при переходе в иное пространство пострадавшая получила травмы? Да и можно ли назвать ее пострадавшей? «Умышленное убийство», статья сто вторая? Но результатом подобного преступления, извините, бывает труп... Мы не совершили ничего, уголовно наказуемого! Нас невозможно привлечь даже за хулиганство! Уголовный кодекс — слишком грубый инструмент, чтобы улавливать все нюансы человеческого поведения, мотивы его поступков. Я уж не говорю о явлениях мистического порядка... В общем, выкиньте из головы этого Решитилова, им займусь сам.

В Парке культуры

Даже при напряженном графике летних гастролей он не мог «выкинуть из головы» всю эту «зазеркальную» историю, а желанная свобода, обретенная с ис-

чезновением Столыпиной, обернулась угрызениями совести. Они усилились до внезапной глухой тоски, когда в астраханской гостинице «Лотос» Дерибасову предоставили тот самый номер «люкс» с видом на Волгу, в котором жили они с Анной во время предыдущего пребывания в городе. Одноко коротая в кресле перед телевизором редкие часы досуга со стаканом виски (имея свой штат артистов и службы, он ни с кем не сближался), пародист вспоминал уютныеочные посиделки с Анной после концертов под этим самым зеленым торшером, и, казалось, вокруг витал горьковатый запах ее французских духов, смешанный с дымком легких сигарет; а однажды под утро и вовсе проснулся оттого, что почудился хрипловатый голос Донны...

В самолете он почувствовал себя бодрее после того, как приветливая красивая стюардесса попросила автограф, а из московского аэропорта, где его труппа маялась в ожидании багажа, позвонил Дубровскому.

— Не извольте беспокоиться, Роман Мигелевич! — весело отозвался адвокат. — Я встречался с нужными людьми и все уладил! Хотя этот Решитилов — умен и осторожен, шельма... Про таких в народе говорят: «По яйцам пройдет — ни одного не раздавит!» Но и мы не лыком шиты! В общем, «всик» им обеспечен!

Во Внуково братья Самолетовы подали Дерибасову его представительский черный «мерседес» и за время пути доложили, что в усадьбе с подсобных помещений наконец-то сняты леса, охраной жестко пресечена попытка соседей из Худобина облить бензином и поджечь забор, в почте повестки в прокуратуру нет, а одна из горничных-филиппинок намерена жаловаться «господину Роми» на дворецкого Викентия по случаю беременности.

При всяком возвращении хозяина из гастрольных поездок возглавляемая Викентием служба замка рядом выстраивалась на пандусе для приветствия, при этом малорослые азиатки в их белых передничках и черной униформе напоминали Дерибасову пингвинов и тем улучшали настроение.

— Виноват, виноват, Роман Михайлович... — позже каялся дворецкий, для убедительности прикладывая руку к груди, когда пародист допрашивал насчет связи с филиппинкой. — Согрешил... по нашей мужской части... Но все уладил! Накормил ее баблом, и она избавится. Простите, что нарушил Устав! (Принимая на работу очередного работника, Дерибасов знакомил его с «Уставом замка», где главными нарушениями служебных обязанностей считались воровство, пьянство и половые связи подопечных.)

Затем на просторной террасе летней кухни хозяином был дан традиционный обед для избранных, в число которых входили, помимо Викентия, братья Самолетовы; виртуоз восточной кухни, степенный и немногословный повар Алимжан; высокая, прогонистая сестра-хозяйка Свиридова и ее мрачноватый муж, ликвидатор аварии в Чернобыле, кладовщик

Николай; ответственный за охрану дачного периметра толстый и усатый казачий есаул Приходько в синей униформе с красными лампасами; тренер по фитнесу, заведующая спортивным комплексом с бассейном, смешливая блондиночка Женя Завьялова; и, наконец, рекомендованный Столыпиной талантливый фитодизайнер, победитель конкурса в Париже Павел Филозов, одинокий тихий мужчина с рыжими бакенбардами и бледной лысиной, которого Дерибасов подозревал в гомосексуализме. Все они — кто постоянно, кто с краткими отлучками — проживали в благоустроенных квартирах двухэтажного корпуса «людской», что было обязательным условием «Устава замка».

Открывая застолье, артист произнес, как обычно, свою «tronную речь», напоминая слугам, «кто в доме хозяин».

— Запомните хорошенько, — завершил он жесткие назидания. — Я здесь король. Всё, что внутри зеленого забора — мое королевство. А вы — мои подданные. Вам будет хорошо, если будет хорошо мне. А мне бывает хорошо лишь в одном случае — если вы добросовестно служите и соблюдаете Устав. — Он выразительно посмотрел на Викентия, и тот покраснел. — Нарушителей буду строго наказывать, вплоть до увольнения.

Причудлива и непостижима человеческая природа. Как только пародист убедился, что уголовная ответственность ему не грозит, им с новой силой овладели нравственные терзания. Оказалось, Анна занимала очень важное место в его жизни — не только как деловой партнер, но и как близкая женщина, которая, в целом, относилась к нему по-доброму. Бесспорно, за это ему приходилось платить дорогой ценой — собственной свободой. И вот теперь, вырвавшись наконец на волю, он ощутил гнетущую утрату. Образ Анны преследовал его — с пожелтевших афиш, с телевизионных экранов, в утренних музыкальных программах радио. Исчезновение примы вызвало новую волну всенародного интереса к ней. Желтая пресса выходила с цветными портретами Донны Анны и была наводнена пикантными историями из ее бурной жизни, а также самыми невероятными версиями ее исчезновения (вплоть до похищения НЛО); бывшие мужья и любовники щедро раздавали интервью; голос ее звучал в ресторанах, общественном и частном транспорте и открытых окнах домов. Юные поклонницы певицы объединились в «Союз столыпинок» (сокращенно «СС») и в голом виде пикетировали здание прокуратуры на Малой Дмитровке, прикрывшись плакатами с требованием отыскать мегазвезду и вернуть народу.

Однажды ночью Анна явилась Дерибасову во сне. В черном балахоне, с лицом бледным и отрешенным, она манила Романа в странный лабиринт из парковых скамеек, в центре которого возвышалась на фундаменте бывшей «Комната смеха» циклопическая гипсовая девушка с веслом. Его охватил ужас, и наутро, наспех приkleив бородку, в черных очках и

низко надвинутой шляпе, пародист одолжил у кладовщика Николая раздолбанную «Ладу» и тайно покинул замок.

В Парке культуры и отдыха было немноголюдно. Теплый солнечный день «бабьего лета» тут проводили степенные пенсионеры, молодые мамашы с детскими колясками да юные парочки, счастливо поглупевшие от поцелуев.

Дерибасова никто не узнал, и вскоре он уже стоял возле полуразрушенного круглого помоста, оставшегося от бывшей «Комнаты смеха». Еще в юности вычитал он банальную детективную истину, что злодеев тянет на место совершенного преступления. И сейчас, находясь в самом истоке своего рокового поступка, он переживал содеянное заново (смесь покаяния и черного торжества) и при этом — с тоскливым замиранием сердца — ждал некоего мистического знака извне, логического завершения сегодняшнего сна, ведь не зря же Анна указала ему именно это место их встречи.

Белесые от дождей доски помоста во многих местах покоробились и сгнили, на них яркими заплатами желтели листья с ближайших каштанов, а в самом центре большая ворона деловито долбила принесенную откуда-то кость. При виде Дерибасова она широко распахнула крылья, издав громкий картающий крик, от которого он невольно вздрогнул, и тут его плеча мягко коснулась чья-то рука.

— Добрый день, Роман Михайлович.

Перед ним стоял, улыбаясь, следователь Решитилов. В легком сером реглане и клетчатой кепке английского фасона он живо напомнил Дерибасову Шерлока Холмса из популярного телефильма.

«Значит, за мной следят, — возникла у артиста паническая мысль. — А как же заверения Дубровского?.. Вот каналья...»

— Да, денек что надо, — отозвался Дерибасов голосом президента Медведева, над образом которого работал последнее время. — Даже природа радостно откликается на дальнейшую демократизацию российского общества.

— С вами не соскучишься! — рассмеялся Валентин Юрьевич. — Не хотите ли прогуляться?

— До прокуратуры? Или прямо в СИЗО?

— Ну что вы! Дело закрыто. Правосудие бессильно, когда речь идет о явлениях... прямо скажем... сверхъестественных. У меня сегодня начался отпуск, вот и решил перед отъездом в Хорватию посетить дорогие сердцу места.

«Так я тебе и поверил», — подумал Дерибасов, между тем следя рядом с Решитиловым парковой дорожкой. Слева кругились тщательно подстриженные кустарники, в нишах которых белели скамьи для отдыха, справа напряженно шумели, высоко выхлестывая водяные струи, обрамленные невысоким парапетом фонтаны. Солнечный теплый ветер кропил его гранит мелкими брызгами и доносил с набережной дымный запах шашлыка. Парк работал последние дни в прежнем режиме, и, казалось, в са-

мом воздухе — подкрашенном прозрачной голубизной наступающей осени — была растворена ностальгия по уходящей благодати.

— Вот на этой скамье я познакомился со своей женой, — заметил Решитилов. — Студентами мы ездили сюда из общежития на Ленинских горах кадрить девушек. А здесь был знаменитый пивной бар «Пльзень», — указал он на прямоугольную громаду строения, накрытого строительной сеткой. — Светлое и темное чешское пиво... Его привозили в алюминиевых бочонках... Настоящие шпикачки, креветки и даже крабы. Светлые времена юности...

Дерибасов посмотрел на него со стороны, увидел на виске затаившуюся среди русых волос седину, глубокую складку щеки и понял, что Решитилов гораздо старше, чем показался вначале, представляет совсем другое поколение, и это открытие почему-то успокоило пародиста и даже зародило нечто похожее на доверие.

— Если бы мы встретились в мои студенческие годы, — проговорил следователь, когда проходили мимо облупившегося, с выбитыми стеклами павильона, на фасаде которого, над аркой, еще можно было различить слово «Кавказ», — я бы пригласил вас в этот ресторан. Тут подавали лучшие в Москве шашлыки. Но, чтобы попасть сюда, надо было выстоять длинную очередь. Поэтому приглашаю вас в свое любимое кафе, которое чудом уцелело. Ведь вы не откажетесь отметить первый день моего отпуска?

Кафе располагалось на берегу пруда, в котором плавали гордые лебеди и стайки расторопных уток. Беспокойная россыпь воробьев весело чиркала в кронах старых усыхающих верб.

— А здесь мы сидели с женой, — припомнил Решитилов, когда они заняли пластиковый столик под полосатым навесом, — когда она сообщила мне о будущем ребенке. На радостях я скормил водоплавающим весь хлеб со стола.

Коньяк был дрянной, куры пересушены, но, стремительно пьянея, Дерибасов начинал испытывать к следователю почти дружеское расположение, догадавшись вдруг, что в глубине души тот носит тайную и неистребимую боль.

— Роман Михайлович, — неожиданно проговорил Решитилов в середине застолья. — Вам может показаться странным... Но из всей этой истории... У меня к вам совершенно тупой, обывательский вопрос: почему она благоволила гомосексуалистам? Ведь это ее стараниями наша эстрада превратилась в агрессивное, самодовольное сбоще «голубых»!

— Она была несчастливая женщина, — ответил Дерибасов. — Несчастливая с мужчинами. Отсюда и маска роковой женщины, меняющей мужей и любовников. «Голубые» не входили в их число и не могли потенциально причинить ей горе.

— Несколько лет назад, когда Столыпина бурно отмечала свое пятидесятилетие и вытаскивала на сцену всех своих «бывших», с которыми пела дуэтом, внучка задала моей дочери вопрос: «Мама, по-

чему у тети Столыпиной шесть мужей, а у тебя только папа? Это потому, что мы бедные?»

«А может, и вправду дело закрыто, — предположил Дерибасов. — Кажется, он неплохой мужик...»

— А мой младший сын носит косынку всех цветов радуги, тусуется в гей-клубе на Пречистенке, и я ни разу не видел его с девушкой.

Он стал крошить хлеб и щедро разбрасывать подпльвившим лебедям и уткам, а воробы слетели с ближайших верб и с требовательным чирканьем расселились на соседние столы.

— Счастливого вам отдыха в Хорватии, — пожелал Дерибасов, когда последний коньяк был разлит по рюмкам.

— Вашими бы устами да мед пить.

Расплатившись с официанткой, Решитилов поднялся и на прощанье протянул пародисту руку.

— Если бы этого не сделали вы, — проговорил он, заострив на Дерибасове понимающий профессиональный взгляд, — то это следовало бы сделать мне.

Всё на продажу

— Заходи, заходи, старишок! — поднялся из-за своего служебного стола, отрываясь от экрана монитора, хозяин кабинета. — Я тебя люблю! Извини, что не успел выразить тебе... — Он замешкался, подбирая слова. — Относительно Ани... Невероятная, чудо-вищная история!

Директор телевизионного канала «Отечество» Альберт Пукшанский был крупным рыхловатым мужчиной с одутловатым кабинетным лицом, русыми сальными волосами до плеч, и среди коллег имел прозвище Большой Пук.

Благодаря протекции Столыпиной Дерибасов поначалу вел у него юмористическую передачу «Дело в шляпе», а после и вовсе сделался лицом канала, неизменным ведущим всевозможных конкурсов, ток-шоу и денежных розыгрышей.

Начало успешной телекарьера Пукшанского пришлось на «лихие девяностые», когда он с единомышленниками организовал общественно-политическую передачу «Демос», отважно защищавшую нарождающуюся демократию России. Впоследствии эти молодые журналисты, не раз рисковавшие жизнью из-за своей незамутненной честности, разочаровались в ельцинском режиме и разбежались кто куда. А Большой Пук сделался матерым чиновником и научился ладить с властями, о чем свидетельствовали многочисленные дипломы, почетные грамоты и фотоснимки на стенах, запечатлевшие Альberta с известными личностями, в том числе и с Донной Анной.

— Не успел, потому что был в командировке. Нет, мы никогда не научимся жить по-европейски... Водка, коньяк, виски? — Он, грузновато обернувшись, открыл дверцу бара, встроенного в книжный стеллаж. — Вернулся из Норвегии... Маленькая северная страна — скалы, фьорды, полярная ночь... Но

ловят рыбу, добывают нефть, и народ социально защищен. У стариков прекрасная пенсия, молодожены обеспечиваются жильем. И все учреждения работают как часы! Открыть свой бизнес — плевое дело! А у нас, чего ни коснись, сплошной бардак и вымогательства! Э-э-э... да что говорить... Ты не представляешь, как я расстроен из-за Ани... Давай помянем... Хотя кто знает... Может, она уже приспособилась в этом чертовом параллельном мире.

— Тоже хочу надеяться, — скорбно проговорил Дерибасов. — У нее деловая хватка и немеркнувший талант...

Все же выпили не чокаясь.

— Сочувствую тебе, старишок, — покачал головой Пукшанский. — Потерять такую женщину... Я с ней дружил... Можно сказать, был даже влюблён...

— В нее невозможно было не влюбиться, — поддержал Роман.

— Давай еще по «вискарю», — предложил Большой Пук. — Чтобы ей было хорошо там, куда попала.

— Она была необыкновенная женщина, — проговорил Дерибасов, проглотив обжигающую янтарную жидкость.

— Предельно искренняя и ранимая, — поддержал Пукшанский. — Всю свою биографию выстраивала честно. Никогда не совершила поступков, за которые было бы стыдно. Никогда ни под кого не ложилась ради карьеры... — Выпуклые водянистые глаза директора внезапно набухли слезами. — Представляю, как тебе тяжело.

Дерибасов всхлипнул и полез в карман за носовым платком.

— Я словно... как будто осиротел.

После того, как бутылка подошла к концу, Пукшанский достал из бара новую и заказал секретарше холодные закуски.

— Даже пить по-европейски мы не научились, — усмехнулся он, когда поднос с едой был поставлен на его рабочий стол.

— Да хрен с ней, с Европой, — заметил Дерибасов. — Нам бы самим выжить.

— Вот именно! — воздел палец Большой Пук. — Для этого я тебя и вызвал... на откровенный разговор...

— И этот разговор, как понимаю, начинается у нас со второй бутылки, — мрачно пошутил Дерибасов.

— Старишок, — доверительно произнес директор несколько позже, дожевывая бутерброд с осетриной после очередного возлияния. — Конечно... как принято говорить в таких случаях... потеря наша невосполнима. Помним, любим, скорбим и так далее... А теперь оставим сантименты, потому что в голове Пукшанского созрел гениальный план... Что мы имеем на сегодняшний день? Исчезновение самой популярной певицы стало главным событием в стране. Спрос на информацию о мегазвезде, подогретый былями и небылицами желтой прессы, достиг апогея... И в этот момент мы запускаем телепроект «В

поисках утраченной Анны»... или что-нибудь в этом духе... Рейтинги — высочайшие, это гарантирую. Твой замок — идеальное место действия. Приглашаем известных экстрасенсов, магов и колдунов. Устраиваем нечто вроде конкурса. Первая премия — тому, кто найдет пропавшую...

— Можно усилить интригу, — загорелся Дерибасов. — Для начала пригласить кинологов с собаками из Службы спасения... И когда ничего не найдут — подключать твоих экстрасенсов.

— Отлично! — одобрил Большой Пук. — Ты представляешь, какие бабки можно срубить?!

Вторую бутылку до конца не усидели, но достигли главного: чувства, что они удачливые, безраздельно доверяющие друг другу сообщники.

Именно поэтому, прежде чем рас прощаться, Дерибасов задал Пукшанскому сокровенный вопрос, на что едва ли отважился бы в трезвом виде:

— Альберт, а что если... Чем черт не шутит... поиски увенчаются?..

Большой Пук громко расхохотался:

— Старишок! Во-первых, вся эта их магия — полная хрень, уж я-то знаю! А во-вторых, экстрасенсы, которые примут участие в конкурсе, — *мои люди!*

Реалити-шоу

— Как можно больше мрака и таинственности! — надрывался телевизионный режиссер Ефим Зельдис во время ночных съемок замка, когда был выставлен свет и оператор прильнул к окуляру камеры. — Никаких огней в окнах донжона! Мертвенная луна и мистическое предощущение ужаса! Чтобы у зрителя мороз по коже! — Казалось, глаза его мерцали фосфорически, а мелко вьющиеся волосы, вздыбленные вокруг лысины, наэлектризованы этим самым ужасом.

Уже недолю телевизионщики хозяйничали в усадьбе Дерибасова. Их громоздкий автобус с аппаратурой стоял во дворе, а участники реалити-шоу и технический персонал размещались в «библиотечном флигеле». Это был последний день съемок, наконец-то наступившее полнолуние, которого так ждал Зельдис, и он — в своей знаменитой джинсовой жилетке со множеством карманов — вдохновенно руководил процессом, поочередно поднося ко рту то мегафон, то курительную трубку.

В это время обслуга замка под руководством дворецкого Викентия накрывала в гостиной донжона столы для торжественного ужина, посвященного завершению работы «на натуре».

Два дня назад замок посетил сам Арнольд Пукшанский и остался доволен отснятым материалом.

Начато было реалити-шоу профессионалами из Службы спасения с розыскными собаками, натасканными на поиск людей, взрывчатки и наркотиков. Эти опытнейшие кинологи под прицелом телекамеры прочесали всю усадьбу, подсобные и жилые помещения, и, когда их питомцы — поочередно — за-

вершали безрезультатный поиск перед наглухо зачехленным зеркалом «Комната смеха», виновато поискивая, вывод специалистов был однозначен: на обследованной территории Донны Анны не обнаружено, а последний след актрисы обрывается именно здесь.

Конкурс экстрасенсов открыла худая, нервическая особа с отрешенным меловым лицом, известная в оккультных кругах как «черная колдунья Инга». Стремительно и порывисто проносясь по коридорам и лестницам замка с цветной фотографией Столыпиной в руках, она то и дело в изнеможении падала в ближайшее кресло («Не могу, она меня душит... она недовольна, что мы ищем здесь, а она со всем в другом месте»), хваталась то за сердце, то за сигарету; снова и снова прикладывала узкую ладонь к портрету пропавшей («Ее тут не любили, но делали вид, что любят... Это не касается самого близкого человека... Это общая атмосфера... Анна была тут... нежелательная, чужая... Кто-то ее даже ненавидел...»). В «Комната смеха» она и вовсе оказалась близка к обмороку, и двое дюжих осветителей успели подхватить ее и усадить на диван. («Отсюда... она ушла навсегда, — с трудом проговорила колдунья, прия в себя после очередной сигареты. — Но она не мертвая... Обычно в таких случаях от фотографии веет могильным холодом... Но и тепла не чувствую... Нет, больше не буду! Мне плохо! Пошли вы все к черту!») С истерическими рыданиями Инга выскочила из комнаты.

Следом приступил к поиску экстрасенс из Новосибирска Алексей Машков, скромный молодой человек в жидкой бородке, с лихорадочным блеском в глазах. Несколько лет назад, во время рыббалки на озере Чаны, его ударило молнией, после чего парень обнаружил в себе дар целителя и ясновидца. Отрешенно, с полуприкрытыми веками, он на ощупь обследовал белый рояль в комнате Столыпиной, взял даже несколько нот и сомнамбулически забормотал: «Смутно... смутно... Вижу белое и черное... белое и черное в ее душе... Толпа... много людей, скорее всего, ее поклонники... На них обращена ее чернота... А белое — лишь на одного человека... Кажется, она его любила... За этим инструментом ей было хорошо, она и не помышляла об уходе...» В «Комната смеха», бережно оглаживая фотографию Столыпиной, экстрасенс обескураженно проговорил: «Тепло... а теперь холод... Ничего не понимаю... В моей практике такого не было... Как понять... Скорее всего, это сигнал: пропавшая жива, но не для нас... Оттуда, где она сейчас, возврата нет».

Дерибасов, который напряженно следил за всеми действиями ясновидящего в течение сеанса, только теперь расслабился и вздохнул с облегчением.

Уфолог и эзотерик, кандидат медицинских наук Герман Коростылев прибыл на эксперимент с двумя помощниками и массой аппаратуры, которая была установлена в «Комната смеха». Грузный, обильно

потеющий, с неопрятными распадающимися волосами, он сперва обследовал специальным шупом стены и зеркала, потом облепил Дерибасова датчиками, усадил на стул и огородил вопросом:

— Припомните, Роман Михайлович, какой у Анны был размер головы? Размер ноги?

Артист не нашелся что ответить, а когда из покоя Столыпиной были доставлены фетровая шляпка и туфли певицы, экстрасенс внимательно обследовал их и заключил:

— Очень хорошо. Я так и думал. Была ли у нее аллергия на лекарства, косметику, пыль?

— Гастроли в Смоленске пришлись на время тополиного пуха, и у Ани появились насморк и одышка, — припомнил Дерибасов.

— Очень даже хорошо.

Это тестирование один из помощников Коростылева фиксировал на ноутбуке, что напомнило пародисту допрос у следователя Решитилова.

Была ли ее кожа смуглой или очень белой? Можно ли считать Столыпину склонной к педантизму или, напротив, она отличалась безалаберностью? Быстро ли у нее заживали раны и не казались ли ее руки слишком прохладными? Упоминала ли она что-нибудь о Марсе?

После того, как Дерибасов ответил на этот град вопросов (под тихий треск, разноцветные мигания и мирное гудение работающих приборов), ученый попросил всех присутствующих выйти на несколько минут и, направив на пародиста беспрекословный взгляд исследователя, доверительно спросил:

— А теперь... деликатный вопрос, Роман Михайлович... Насколько Донну Анну интересовал секс?

— Она была... страстной любовницей, — ответил Дерибасов, на что аппаратура Коростылева отозвалась световым и звуковым взрывом.

Вывод из эксперимента Коростылев огласил под прицелом телекамер в покоях Столыпиной на третьем этаже примыкающего к донжуону флигеля:

— Мы, уфологи, уже убедились, что пришельцы с других планет, так называемые «подселенцы», давно среди нас. Они «живут» в человеческом теле с целью подарить нам новые знания, а также накопить информацию о землянах и по энергетическим каналам передать «своим». Такими были Леонардо да Винчи, Вольтер, Менделеев, Элвис Пресли, таковы президент Медведев и певица Жанна Агузарова. Лично у меня не вызывает сомнений, что Анна Столыпина — из их числа. А это значит — она выполнила свою миссию на Земле и доставлена инопланетянами на ее «историческую родину». Как раз в период исчезновения выдающейся актрисы мы наблюдали появление НЛО над акваторией Истринского водохранилища.

Знахарка баба Вера, аккуратная, округлая старушка с розовыми щечками благостного лица и плавной речью, считалась наследницей знаменитой Ванги в России. Подобно ей, она использовала в своих предсказаниях сахар-рафинад, с помощью ко-

торого вступала в контакт с душами умерших и получала от них нужную информацию.

Ясновидящая не стала обследовать замок, а повязавшись белым платочком в горошек и прихватив дешевый зонтик китайского производства (серый осенний день сыпал мелким дождем), уведомила Зельдиса:

— Прогуляюсь чуток по лесу. Чую, тут неподалеку могилка. Дело божественное, и посторонние глаза мне не нужны.

Двоих сопровождающих с телекамерой Ефим все же снарядил, с условием, что те будут двигаться на расстоянии и не помешают захарке общению с посторонними силами.

Как засвидетельствовала съемка, показанная участникам эксперимента позже, старуха решительно и ходко вышла через светлый березняк дачного участка к заглохшим барским прудам, свернула к бывшей часовне, обозначенной чуть приметной, раскрошившейся кладкой фундамента, и опустилась на колени возле едва приметного холмика, поросшего незабудками. Там она вытащила из носового платка, стянутого в узелок, кусок сахара, положила перед собой и долго молилась, отвешивая старательные поклоны.

— Нету ее среди умерших, милок, — доложила она Зельдису по возвращении. — Мне барин с того света сообщил, чью могилку навестила. Ищите среди живых.

За богатым столом, накрытым в донжоне в связи с завершением съемок, Ефим Зельдис произнес благодарственную речь, упомянув заслуги каждого из участников реалити-шоу — от экстрасенсов до осветителей, — которую закончил традиционным: «Всем спасибо! Берегите себя».

Чем больше хмелели пирующие, тем громче становились их голоса, профессиональные разговоры сменялись шутками и анекдотами, а потом уфолог Коростылев, побурев лицом, затянул романс таким свирепым басом, что зазвенели хрустальные подвески под потолком гостиной:

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! Всегда, везде с тобою
Душа моя.

Любви безумного томления,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл...

При этих словах вдруг погасло электричество; в наступившем беспросветном мраке постепенно проявился призрачный лунный свет, струящийся из высокого стрельчатого окна. В нем образовалось зыбкое голубоватое облачко.

— Спиваетесь, господа? — раздался из него глухой укоризненный голос. — Ну, спивайтесь, спивайтесь...

Ярко вспыхнула люстра, видение пропало, гости застыли в краткой немой сцене полного недоумения, и тут баба Вера, часто крестясь, покаянно заголосила:

— Прости меня, Господи, грешную... Это я потревожила его могилку. Ой, лихо мне...

И грохнулась в обморок.

2009, зима. Первый звонок

Пукшанский нервно теребил лежащую на его письменном столе газету, выкрашивая желтым маркером заинтересовавшие его куски текста.

— Беда, старичок! Мир сползает в новую Великую Депрессию! — вовлек он в свои размышления вошедшего Дерибасова. — На Западе даже порноиндустрия на грани выживания! «Стремительно растущее изобилие бесплатного и недорогого порно в Интернете на фоне глобального экономического кризиса», — зачитал он, — лишает многих работников этой сферы услуг работать по-старому. Они вынуждены срочно переключаться на производство всевозможных сексуальных приспособлений. По-прежнему доминируют фаллоимитаторы. Изощренный механизм двойного действия рекламировала недавно на эротической ярмарке в Берлине «Венера-2009» известная манекенщица и певица Надель...»

— Ты вызвал меня, чтобы предложить подобную рекламу? — иронично вскинул бровь пародист.

— Ты близок к истине... — вздохнул Большой Пук. — Дела на канале из рук вон... Рейтинги падают. Вчера просидели с Хозяином до полуночи. От некоторых программ придется отказываться...

Говоря все это, Арнольд мученически кривил одутловатое лицо и ускользал взглядом в сторону.

Владельцем телеканала «Отечество» был алюминиевый магнат Марлен Багиров, выходец из КГБ, который в период перестройки вместе с амбициозными коллегами и комсомольскими вожаками придумал программу «Голос» и «протолкнул» через Политбюро. Зная, что коммунистическая империя долго не протянет, эти расторопные молодые люди позабочились о своем будущем и сумели отхватить лакомые куски от отечественного «пирога». Теперь они наезжали в Россию, работая «вахтовым методом», имели основные капиталы в оффшорах и западных банках, а недвижимость — в Лондоне, Женеве и на тропических островах.

— Ты хочешь сказать, я вам больше не нужен? — напрямую спросил Дерибасов.

— Ну зачем же так... — засопел Пукшанский, покручивая в руках маркер. — Речь о временных preventivных мерах... Тебе нужно исчезнуть с экрана, как бы сказать, на время... Пока все устаканится... Потом посмотрим...

— Арнольд, — возмутился Дерибасов. — Ты хочешь, чтобы я поверил, что из-за мирового экономического кризиса и проблем в западной порноиндустрии

стрии вы избавляетесь от своего популярного телеведущего, да еще в преддверии новогоднего шоу-бума?!

— Нет! Ну, конечно же нет! — С неожиданным для своей тучной комплекции проворством Пукшанский выскочил из-за стола и забегал по кабинету. — Дело не в этом... Речь о другом... Видишь ли, мы с тобой хорошо заработали на исчезновении Анны, но ты слишком засветился... Кто же мог предположить... Закон диалектики... Переход количества в качество... В общественном сознании пропажа Столыпиной плотно увязалась с твоей персоной. Хозяину не нравится, что ты замешан в этом скандале... «Лицо канала» должно быть чистым и непорочным! Вот что он мне заявил.

— Ну что ж, никогда никому не навязываюсь, — проговорил Роман, поднимаясь и полыхая щеками от негодования. — Если «Отечеству» не нужен Дерибасов, то и Дерибасову не нужно «Отечество».

— Да тебя... где угодно с руками оторвут! — с облегчением воскликнул Пукшанский. — Тем более, скоро наступит время предновогодних корпоративов. А я... ничего не смог поделать... Самого могут в любой момент турнуть.

Дыхание кризиса

— Какой может быть пилов без баранина, хозяин? — возмущался Алимжан, с достоинством водруженная на голову накрахмаленный поварской колпак. — А он привез перемороженный говядина, — указал он на хмурого Николая Свиридова, переминающегося рядом. — Люди скажут: Алимжан плохой повар, диплом по блату получил...

— А я тут при чем? — прогудел Свиридов, который теперь совмещал обязанности кладовщика и уволенного на днях экспедитора. — По деньгам и мясо... Если бы баранину взял, не хватило бы на репчатый лук и морковь.

Он вынул из кармана телогрейки замызганный блокнот и стал уныло зачитывать свои траты на кухню.

Это было пятничное утро, которое Дерибасов, по обыкновению, проводил в своем кабинете административного корпуса, принимая сотрудников «личным и производственным вопросам». В эти часы он старался быть придирчивым и неприступно строгим, давно убедившись в том, что подчиненные уважают лишь того хозяина, которого боятся.

— Что вы морочите голову своему королю?! — раздраженно повысил он голос. — Не знаете, какие ныне времена?! Экономия и еще раз экономия! — стукнул он ладонью по столу. — Нет плюва — накормите коллектив котлетами!

— Котлетами так котлетами... — пробормотал Алимжан, вслед за Николаем покидая кабинет. — Я не хочу свой авторитет терять...

Задумывая свой замок как залог творческой независимости и романтическое продолжение отроче-

ской мечты, Дерибасов даже предположить не мог, сколько неучтенных хозяйственных проблем и неопределенных затрат возникнет в связи с его строительством и управлением. Кажется, совсем недавно он беспечно сорил деньгами, даже не утруждая себя определить свой «совокупный капитал». Но вот его уволили с телевидения, новогодний артистический «чес» обернулся лишь двумя корпоративными вечеринками (раньше с Анной они обслуживали до десяти), за которые к тому же ему заплатили унициально мало... И пародиста охватил внезапный страх бедненежья. Он стал экономить на всем, ибо его раз рекламированная на всю страну претенциозная усадьба, равной которой не было у коллег, цитадель головокружительного преуспевания, могла обернуться тягостной обузой, а сам он — предметом насмешек...

В широко распахнутых голубых глазах пришедшей на прием Жени Завьяловой, которая заведовала спортивным комплексом с тренажерами, залом для тенниса и плавательным бассейном, Дерибасов прочел затаенный страх, понял, что она уже знает исход предстоящего разговора.

— Все хорошо, Женечка, — начал он, мысленно укорив себя за фальшивость тона. — Присаживайтесь, угощу вашим любимым «боржоми»...

Она осталась стоять, с беззащитно скрещенными на груди руками, и, дрогнув ресницами, тихо спросила:

— Роман Михайлович... Вы... меня увольняете?

В свое время Завьялова была чемпионкой Москвы по теннису среди юниоров, потом пошли спортивные травмы, неудачное замужество и развод; сейчас она в одиночку «тянула» дочь-пятиклассницу, готовя к восхождению на теннисный олимп.

— Вы знаете, как я вас ценю... — отозвался Дерибасов. — Думаю, это временная мера... Кризис, надеюсь, скоро кончится... И, разумеется, вы можете с девочкой использовать мой корт...

— Всё поняла... Спасибо, Роман Михайлович.

Проблеснув слезами, она поспешно выскользнула за дверь.

От есаула Приходько, бочкообразное тело которого было тугу затянуто в пятнистый бушлат, пахло морозом, сапожной ваксой и табаком. Слушая Дерибасова, он напряженно сопел, покручивал прокуренный кавалерийский ус и, когда хозяин смолк, недовольно пробасил:

— Мы, конечно, понимаем... кризис и все такое... Да только если моих хлопцев выгоните, так и я вместе с ними.

Иван Карпович был родом из кубанской станицы Ахтанизовской, после эпидемии свиного гриппа разорился и приехал в столицу на заработки с двумя земляками, дальними родственниками. Втроем они несли охрану внешней границы усадьбы, а еще помогали фитодизайнеру Филозову в посадке парковых крупномеров и очистке лесопарка от бурелома и больных деревьев.

— Не хотел вам говорить, хозяин... — вздохнул Приходько. — Вы человек чувствительный, артистический... Да только соседи-худобинцы ненавидят вас... Несмотря на подарки, что Анна Петровна посыпала к праздникам. Завидуют и выбирают каждый момент, чтоб напакостить... То дырку в ограде проделяют, то непотребное слово краской намалюют. Дрова в лесу воруют прямо из штабелей... Снимете охрану — они и подпалить вас могут.

С этими доводами пришлось согласиться.

Были и другие кляузные дела (после того, как забеременевшая горничная-филиппинка покинула усадьбу, ее землячки дружно явились к Дерибасову и потребовали вернуть им паспорта; дворецкий Викентий Зачесов принес заявление, чтобы с Филозова была взыскана сумма за порчу его очередным «племянником» сукна биллиардного стола). Но день закончился и вовсе скверно: Николай Nikolaevich Сукачев привез подписанный генеральным директором строительной фирмы документ о прекращении работ на объекте «Театр Дерибасова» — «в связи с отсутствием финансирования со стороны заказчика»...

— Я уж уговаривал гендира как мог... — оправдывался прораб. — Но он — ни в какую... Очень уж много сейчас неплатильщиков. Супруга моя переживает — до слез... Мы так мечтали стать завсегдатаями вашего театра!

— Не до жиру, быть бы живу, — невесело отозвался артист.

Отопление и освещение замка, содержание обслуги, выплата налогов... Теперь он уже всерьез занимался своими финансами. Накопления его катастрофически таяли, а нынешние заработки не покрывали расходов. Неужели впереди банкротство?

Возвращение продюсера

Секретарша в офисе Алиханова в ответ на звонки Дерибасова однообразно отвечала «Тимур Ахатович занят», и в очередной раз пародист решил представиться президентом Медведевым, изобразив его четкую назидательную интонацию. От неожиданности девушка тихо вскрикнула, раздался удаляющийся цокот ее каблучков, и вскоре в трубке прозвучал знакомый уверенный баритон:

— Алиханов слушает.

— Дорогой Тимур Ахатович, — продолжил Роман розыгрыш. — Позвольте мне поздравить вас с возвращением на родину. Сейчас, в условиях экономического кризиса, мы особенно остро нуждаемся в талантливых предпринимателях, озабоченных будущим России...

— Благодарю, Дмитрий Анатольевич... — неуверенно отозвался продюсер.

— К моим поздравлениям присоединяется и наш известный пародист Роман Дерибасов, — весело добавил артист.

— Ромка! Ах, шайтан! — узнавающее воскликнуло Тимур. — А я чуть было не поверил. Ты не теряешь

форму... Говоришь, встретиться? Зачем офис, слушай? Приезжай ко мне в Бекешино на уик-энд!

Это предложение окрылило: оно подтверждало, что за годы эмиграции Алиханова рейтинг Дерибасова как успешного артиста неизмеримо вырос, и они теперь могут разговаривать почти на равных. Что же касается возвращения магната на родину, то оно было широко разрекламировано прессой — во многом благодаря тому, что Тимур привез из Англии с целью женитьбы знаменитую западную киноактрису и топ-модель, рослую мулатку Джоди Армстронг, известную под кличкой Черная Вдова (трое ее престарелых мужей-миллиардеров поочередно умирали, прожив с красивой и вздорной женщиной чуть больше года).

Солнечным субботним днем один из братьев Самолетовых, управляя стремительным оранжевым «бентли» Дерибасова (второй близнец присутствовал в качестве охраны), мчал хозяина по Рублевскому шоссе мимо милицейских дорожных постов, богатых коттеджных поселков и ухоженных ельников, нагруженных сверкающими снегами.

Прихватившую виллу Алиханова — с золотистой кровлей башенок, застекленным зимним садом, подвалом эксклюзивных вин, оружейной с уникальной коллекцией ятаганов, алебард и мушкетов, плавательным бассейном, а также многочисленными спальнями, ванными и туалетами — пародисту доводилось посещать прежде, до эмиграции продюсера, и тогда строение казалось обширным и нарядным. Сейчас же он с удивлением обнаружил, как сузилось его пространство и как жилище магната проигрывает в роскоши по сравнению с его замком. Это потешило самолюбие Дерибасова и отозвалось тайным осознанием некоего своего превосходства.

По двору вились тщательно расчищенные от снега дорожки. Одна из них, со следами копыт и помета, вела к просторной конюшне. В кирпичном барбекю возле летней кухни курился голубоватый дымок, доносящий запах шашлыка. Там хозяинчал тучный повар кавказской наружности в белом фартуке и ушанке.

Алиханов — в толстом пуховике и валенках — стоял на вымощенной мрамором площадке перед входом в здание; рядом куталась в шубку леопардовой масти Джоди Армстронг, пряча от русского мороза руки в муфте. Она распахнула перед гостем хорошо поставленную белозубую улыбку и протянула для поцелуя узкую шоколадную ладошку, промяукая:

— Добири ден... Я тебя люблю... Елька палька.

— Джоди только начинает осваивать русский, — усмешливо предупредил Алиханов.

Во время обильного застолья с блюдами кавказской кухни и красными сухими винами, которые хозяин предпочитал крепким напиткам, Дерибасов поразился, что при незаурядном аппетите Тимур многие годы сохраняет стройность фигуры.

— Конные прогулки — лучшее средство для мужчины сохранять спортивную форму, — заметил Алиханов.

— Я тоже подумываю о своей конюшне, — служил Роман.

На стол подавала симпатичная молоденькая блондинка с густо запудренным синяком под глазом.

За пристрастием мужчин, сопровождаемым цветистыми тостами и частыми возлияниями, топ-модель наблюдала почти с ужасом; сама же она медленно поглощала отварной рис из неглубокой мисочки, заливая соком. Завершив трапезу двумя дольками грейпфрута, Джоди взглянула на свои наручные часы, спешно поднялась из-за стола и удалилась своей знаменитой походкой манекенщицы, послав мужчинам воздушный поцелуй:

— Pardon me! Bon appetit!

— По расписанию у нее сейчас фитнес, потом бассейн, — пояснил Алиханов. — У девочки железный характер. При этом темперамент... Просто огонь! Видел у официантки фингал? Приревновала ко мне! — Он дробно рассмеялся и продолжил, выложив перед гостем альбом с фотографиями: — Норовистая лошадка... Поначалу ссорились каждый день, но все же удалось ее объездить... Это мы на Сейшелах... У побережья Барбадоса ловим тунца с палубы моей яхты... Бунгало, которое ей подарил... А здесь мы на ковровой дорожке кинофестиваля в Каннах...

Дерибасов невольно отметил, что если внешне Алиханов почти не изменился (разве что пропала первая седина в его вычурной восточной бородке), в натуре его, похоже, произошла заметная перемена: почти на всех снимках он рядом с Джоди имел счастливый, подчиненный и даже поглупевший вид. Да и можно ли было представить себе несколько лет назад, чтобы этот циничный потребитель доступных женщин остановился в гонке за удовольствиями и сентиментально перебирал в памяти часы, проведенные с одной из них?

«Да он ее просто любит!» — сделал пародист открытие.

Когда они изрядно нагрузились спиртным, а тосты начали иссякать, Дерибасов решился наконец на главный разговор:

— Тимур Ахатович, почему бы нам не вернуться к прежнему сотрудничеству?

— Я ждал этого вопроса, дорогой Роман, — отозвался магнат, отстригая кончик сигары. — И потому сразу говорю: «нет». На это есть свои причины. Во-первых, я ухожу из шоу-бизнеса в политику. Помнишь классическую Марксову формулу: «товар — деньги — товар»?

— Естественно, — уязвленно отозвался пародист.

— Сейчас в России она звучит так: «деньги — власть — очень большие деньги». Я намерен купить власть. — Алиханов закурил, разгоняя дым рукой. — А во-вторых, — говорю это напрямик, из уважения к оригинальному актеру Дерибасову, — в нынешних условиях никогда не взялся бы тебя продюсировать.

— Почему? — невольно вырвалось у Дерибасова.

— Потому что ты *сбитый летчик*. Зритель при вык видеть тебя рядом с Донной Анной, а точнее... за ее спиной. При всех твоих несомненных талантах tandemом рулила она, ты же уважительно занимал заднее сиденье. С исчезновением Столыпиной интерес публики к тебе упал, к тому же активизировались завистники. Если бы ты успел создать свой театр — другое дело... Но ты выстроил замок... Не понимаю, для чего? Содержать его дорого, продать невозможно. Он мог бы стать идеальным местом для казино, однако власти намерены, как ты знаешь, вынести игорный бизнес в особые зоны. В политику ты не пойдешь, потому что талантлив и честен... Открыть в твоем замке бордель — опасно; проститутки отделяются штрафом, а ты можешь загреметь по статье за содомию. Ума не приложу, что тебе посоветовать... — Он глубоко задумался, чадя сигарой. — Послушай, может, в твоем замке «поселить» привидение? Организовать экскурсии... Так в Англии зарабатывают разорившиеся аристократы. На роль призрака можешь пригласить безработного Игоря Теплякова.

Это прозвучало как добрый совет; но уже по пути домой, в автомобиле, когда частично выветрились винные пары, обернулось откровенной издевкой.

«Выходит, даже он мне завидовал, — сделал неутешительное открытие Дерибасов. — А пригласил, чтобы продемонстрировать свою мулатку...»

Разруха

Через несколько дней, оставив после себя казенную чистоту помещений, неожиданно и тайно исчезли, подобно чутким природным существам, уловившим приближение катастрофы, филиппинки.

— Я же уговаривал вас, хозяин, предлагал... — сетовал дворецкий, явившись в административный корпус на утреннюю планерку. — Не надо было отдавать им паспорта.

— Они работали по контракту, — возразил Дерибасов. — А то, что ты предлагал, называется рабством.

Замесов тяжело вздохнул, в нерешительности поскребывая свои вспущенные бакенбарды:

— Роман Михайлович, уважаемый... Давно хотел вам сказать. Вы великий артист и все такое прочее... Но с народом вы неправильно. Мало с него требовать. Надо *угадывать*, как он поступит в ответ... Вот сочинили, к примеру, «Устав замка», очень даже замечательный. Да только наш народ никогда не живет по закону, он живет *в обход*, потому и выживает. Вы требовали от obsługi исполнять правила, а по сути, подсказали, как эти правила обойти, чтобы воровать.

— И все... воровали? — осторожно спросил Дерибасов.

Викентий беспомощно развел руками.

— Вспомните, чего только не придумывали, когда Горбачев объявил трезвость. Я служил при воен-

ном аэродроме, так мы сливали из самолетов спирт, который против обледенения, а брагу готовили в огнетушителях, развезенных в соответствии с правилами пожарной безопасности... Нынче проституция запрещена, а девицы шеренгами стоят вдоль шоссе. За изготовление и сбыт порнографии положено три года, а наша порнозвезда Перкина — в гламурных журналах и светских тусовках...

— И как же с ним надо... с народом?

— Не подумайте, что я упертый сталинист. Деда кокнули в тридцать восьмом за правый уклон. Но давайте смотреть правде в глаза: после всех революций, перестроек, реформ, что свалились на Россию, люди уже не верят ни правым, ни левым, ни церкви, ни коммунизму. Остается последнее средство охранить страну: страх.

— Это будет не страна, а очередной концлагерь, — удрученно заключил Дерибасов.

— А теперь давайте решим вопрос с кирпичом, — деловито предложил Замесов, надевая клетчатую кепку.

Солнечный апрель напоен был голубоватым воздухом, в котором плавали робкие запахи прели и нарождающейся травы. На припеке пятнами зеленели веселые полянки, отблескивающие талой водой по соседству с обрюзгшим, ноздреватым снегом, сохранившимся под елями и в тени стен. Вернувшиеся с зимовки дрозды с мягким фурчанием крыльев рассыпались по малооблачному небу, жизнерадостно треща голосами.

Остов недостроенного театра с темными потеками влаги на серых сваях был заселен воронами. В их неторопливой, равнодушной повадке и карканье было что-то кладбищенское, и Роман, пожалуй впервые, остро осознал, что своего театра у него никогда уже не будет. Надо признать, о несыгранной роли Гамлета либо своей несостоявшейся миссии просветителя народа он сейчас не думал. Надо было срочно, любой ценой, спасать свою репутацию всенародного любимца, которая с исчезновением Донны Анны очевидно и неуклонно меркла... Он все реже появлялся на экране телевизора, его концерты в провинциальных городах уже не собирали полные залы, а запредельные гонорары «черным налом» на корпоративных вечеринках остались в прошлом. Пришлось закрыть офис на Большой Якиманке, распродать коллекцию дорогих автомобилей и отказаться от покупки лошадей, для которых в усадьбе были выстроены теплая конюшня и манеж. Но больше всего огорчался Дерибасов, испытывая гнетущую душевную боль, когда где-нибудь на окраине Москвы видел свою старую афишу, истерзанную ветром и дождями...

— Предлагаю все завезенные для театра стройматериалы, мебель и электрооборудование срочно продать, — предложил Викентий. — Иначе все равно разворуют.

Извилистые следы этого воровства, оставленные тачками, вели от замороженной стройки театра к чернеющему пролому в заборе.

Казакам, несшим службу по периметру усадьбы, платить стало нечем, и они отбыли на Кубань. В сторожку у въездных ворот за небольшие деньги пришлось посадить худобинского мужика, который пребывал либо в пьяном, либо в полусонном состоянии.

Вечером, при погашенных люстрах, Дерибасов сидел у камина, накачиваясь виски, и скорбно примерял на себя роль изгоя и неудачника. В такие минуты открывалось вдруг, что роль Гамлета ему не по плечу даже сейчас, когда стали приоткрываться тайны непредсказуемой и порочной человеческой природы. Всего несколько лет назад он, безвестный актеришко, прибыл в Москву с тощей спортивной сумкой, зарабатывал на еду в подземном переходе у Курского вокзала и был нескованно рад, получив временное пристанище у местных простиуток. Сейчас известный всей стране пародист и телеведущий Роман Дерибасов, владелец банковских депозитов, ценных бумаг и дорогой недвижимости, пребывал в унынии оттого, что приходится *понижать свой статус...* «Так «быть или не быть»? — с пьяной самоиронией вопрошал он, все больше хмелая. — А может, все проще: «Быть или казаться»? Да, он мог бы вместо эксклюзивного французского шампанского употреблять незатейливое отечественное пойло; услуги самых дорогих «девушек по вызову» заменить бесхитростными ласками собственных горничных, а зимний Куршевель — подмосковной Тараковкой. Но в таком случае он выбывал из элитного, нагло закрытого для *простых людей* общества, которое в душе презирал за фальшь и показуху, но от мнения которого безнадежно зависел... Находя, как это часто бывало в минуты слабости, поддержку у великого Шекспира, он печально декламировал:

Отверженным быть лучше, чем блестать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде...

Митинг в Худобине

Вернувшись в замок из служебной поездки в Москву, Викентий настойчиво зазвонил по селектору в апартаменты Дерибасова. Открыв дверь, артист обнаружил дворецкого в крайне возбужденном состоянии: его лицо пылало, трясущейся рукой в белой перчатке он утикал струящийся с висков пот, а вздыбленные пышные бакенбарды вызвали у Романа ассоциацию с разъяренным котом.

— Вы только представьте, хозяин... — сквозь гневную одышку проговорил он. — Эти неблагодарные скоты... перегородили проезд и вылили на мою машину ведро помоев! Еле прорвался сквозь них! И это после всего, что мы для них сделали!

Уголь и дрова, кирпич по дешевке, десять кулей цемента, можно сказать, задарма! Нет, с народом так нельзя! Ведь в чем его подлость: чем больше ему дашь, тем он больше требует! Сделай им добро десять раз, а один раз уклонись, так они тебя на части разорвут! Раньше, по доброте душевной, Анна Петровна избаловала их... Пенсионерам гречку, соль и сахар, детям карамельки... А теперь Столыпина пропала, халюва кончилась! Сегодня они меня помямы, а завтра усадьбу спалят! И всегда будут нас ненавидеть, потому что мы *даем, а они берут*. Да вы сами посмотрите!

В сопровождении неразлучных братьев Самолетовых они поднялись в лифте на смотровую площадку донжона, и Дерибасов прильнул к трубе телескопа, через которую обычно наблюдал ночные звезды и контролировал окрестности. Скользнув по кудрявым верхушкам берез в светлой майской листве, объектив выявил желтую полоску пустынного дерибасовского пляжа, павильон для хранения прогулочных шлюпок и причал, где уже не суждено было швартоваться белоснежной яхте артиста, приобретение которой совсем недавно казалось реальностью...

Водохранилище искрило солнечной рябью, на нем терпеливо чернели лодки рыбаков, а в небе ярко вспыхивали чайки в хищном поиске добычи. От этой идиллической картины Дерибасов переключился на прибрежное Худобино и обнаружил на центральной деревенской улице, возле колодца с журавлем, бес покойную толпу, которая все пополнялась за счет селян, спешно и целенаправленно покидающих дворы и взрыхленные весенние огорода.

Импровизированной трибуной была грузовая «газель» с откинутыми бортами; на ней ораторствовал через мегафон патлатый молодой человек в майке с изображением серпа и молота. Пламенной речи его было не разобрать из-за дальности расстояния и порывистого ветра, но жестикуляция, общий напор эмоций и отдельные слова, долетающие до пародиста, не оставляли сомнений в протестном характере выступления. А рев толпы, судя по всему, повторяющей лозунги оратора, вызвал у Дерибасова ощущение дежавю. Словно он стал свидетелем какой-то исторической революционной киноходки.

Толпу осенял красный флаг на коряве древке, а под ним, на куске фанеры, было начертано:

«СВОБОДУ АННЕ СТОЛЫПИНОЙ!»

— Тут ведь какое дело... — пояснил Замесов. — Местной знахарке бабе Дуне привиделась во сне Анна Петровна — «в золотой короне и железных оковах», ну и поползли по деревне слухи, вроде бы на концерте она спела про кризис, против власти, значит, а за народ, ее и посадили в башню замка под домашний арест...

— Жлобы, — презрительно заметил один из Самолетовых. — Им Столыпина до фени, главное —

гречка и сахар. Мы с Гришкой уже вызвали *реальных пацанов*. Эта деревенщина забудет, как права качать.

Взращенные в беспризорной вольнице, братья имели тесные связи в уголовном мире и не раз помогали Дерибасову решать конфликты *по понятиям* в случаях, когда бывали бессильны милицейские. И еще одно качество вынесли они из своего пестрого и бедового житейского опыта: уважение к хозяину и беспрекословную преданность ему.

Два дня спустя Дерибасов привычно проводил вечер у телевизора с бутылкой виски. Ему почти удалось достичь состояния ненадежной хмельной умиротворенности, когда явился негодующий Викентий Замесов со свежим номером желтой газеты.

— Нет, вы только послушайте, хозяин! До чего додумались наши бандюки Самолетовы! Я всегда говорил: гнать их в три шеи! — Приняв от Дерибасова хрустальный стакан со спиртным, дворецкий прошел: — «У знаменитого в недавнем прошлом пародиста и телеведущего Романа Дерибасова, выстроившего роскошный замок на окраине села Худобина, после мистического исчезновения Анны Столыпиной окончательно осложнились отношения с сельскими соседями.

Певица оказывала им гуманитарную помощь, пародист же не только лишил их этого, проявив поразительную черствость в отношении собственного народа. Худобинцы ответили митингом протesta, после чего в селе появилась агрессивная группа бритоголовой молодежи с битами, чтобы «разобраться» и «навести порядок». Имеются легкораненые. Зачинщиков драки задержать не удалось. Не хочется верить, что всенародный любимец середины двухтысячных имеет к этому отношение».

— «Услужливый дурак опаснее врага! — возмущился артист. — Это называется «перетерли вопрос»!

— Вот и я о том же, — поддержал Замесов. — Брожение протesta в Худобине дошло до крайности, как сообщили мне надежные люди. Может, в чем-то худобинцы и правы... В усадьбе иллюминация и фейерверки, а у них перебои с электричеством и коптилки... В Худобине безработица, а мы набрали заморских филиппинок, узбека Алимжана и ахтанизовских казаков... Между прочим, когда вырос замок, один мужик, Дегтярев Иван, повесился по пьяни, потому что осознал, в какой нищете прожил жизнь; даже записку оставил... А еще, — перешел Викентий на полуслепоту. — Старухи худобинские гурьбой в церковь побежали... Не только бабе Дуне видение было... Говорят, в ночь на Ивана Купала кто-то видел на берегу саму Анну Петровну Столыпину в прозрачном балахоне и с короной на голове... Кто знает, что у нее в мыслях... Может, мстить кому-то будет, что не упокоилась с миром, по христианскому обычанию... — деликатно намекнул дворецкий. — И вообще... сдается мне... после того, как объявился призрак Крестинского, у которого мы отхватили часть усадьбы с могилкой и часовней... *нечистое это место*... Боюсь, хозяин, не пришлось бы нам отсюда «делать ноги»...

**Генеральный
директор***Олег Болдырев***Главный бухгалтер***Людмила Дьячкова***Художественный
редактор***Татьяна Погудина***Цветоделение****и компьютерная****верстка***Александр Муравенко***Заведующая
распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 123007, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2 000 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 4597-2017

Адрес редакции:

Россия,

107078, Москва,

Новая Басманская, д. 19

Телефоны**редакции:**

8(499) 261-84-61

отдела распространения:

8(499) 261-95-87

Факс:

8(499) 261-49-29

E-mail:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.Отклоненные рукописи
сохраняются в течение года.**Бегство**

Долетевшие в спальню Дерибасова наружные рваные звуки показались отдаленными, но вызвали паническую тревогу и заставили артиста выметнуться из постели и подбежать к окну. Распахнув его, он перегнулся через холодный подоконник в черную августовскую ночь и увидел у кованых ворот замка беспорядочную пляску дымных факелов поверх галдящей толпы, вооруженной кольями, вилами и охотничими ружьями.

«СВОБОДУ АННЕ СТОЛЫПИНОЙ!» — качался над ней знакомый призыв, и где-то там невидимый гармонист играл «Интернационал», путая кнопки и помогая себе дурным пьяным голосом: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Музыкальное сопровождение нашествия заглушалось звонкими ударами по металлу: двое мужиков, поочередно маха кувалдами, пытались сбить замок с калитки возле будки охраны. Другие с обезьяньим проворством карабкались по приставным лестницам на высокий кирпичный забор и срезали с него длинными клещами мотки тусклого поблескивающей колючей проволоки.

Во дворе взревел автомобильный мотор; испуганно помигивая красными стоп-сигналами, какая-то легковушка вынырнула из-за оранжерейного корпуса и скрылась за углом конюшни.

— Хозяин, пора сваливать, а то поздно будет!

В спальню вбежали братья Самолетовы в куртках-ветровках и спортивных костюмах.

— Филозова только что увез «племянник», а Замесов снялся еще раньше!

— И сейф прихватил!

— Но мы его, суку, достанем!

В сумятице нервических, торопливых сборов артист оделся, прихватив с собой лишь ноутбук и чемодан со сценическим костюмом и незначительной наличностью.

Когда они спустились через черный ход во двор, туда уже ворвались ночные тати и гармонист, усевшись на гранитный бордюр фонтана, наяривал «Яблочко».

«Мерседес», ведомый Мишкой, с погашенными фарами тихо проскользнул к служебному выезду из усадьбы и не был замечен худобинцами: одни из них уже приступили к разграблению донжона, другие добрались до винного погреба и с алчным гоготом таскали оттуда охапки бутылок.

Дерибасов отстраненно скользил сквозь фиолетовую ночь, помеченную размытым мельканием электрических огней, и все происходящее казалось ему продолжением фантасмагорического сна. Лишь на взгорке перед выездом на Новорижское шоссе он словно бы очнулся и велел остановить машину.

Ступив на асфальт, он услышал доносящиеся со стороны замка звуки стрельбы, а потом понял, что это рвется шиферная кровля пылающей конюшни: огненные куски ее, по крутым траекториям диковинного фейерверка, взмывали ввысь и гасли.

Пламя, охватившее донjon, подбиралось к флюгеру в виде Дон Кихота, и тот метался в дымных потоках горячего восходящего воздуха, не зная, куда направить свое копье. Языки огня выбивались из окон библиотечного корпуса, коптя стены. И над четким, изысканным силуэтом замка, отпечатанным в ночном небе, вставало багровое зарево, придавая всей картине мрачное, библейское величие.

Дерибасов со страхом и отчаянием сознавал, что гибнет не просто его роскошное жилище, а символ собственного общественного преуспевания, на которое затрачены лучшие годы жизни. Но это заслонилось вдруг кощунственным *восторгом разрушения*, пришедшим от созерцания всепоглощающего пожара. Черным восторгом, за которым открывалась неведомая свобода.

Гришка Самолетов вышел из автомобиля и накинул на плечи Дерибасова свою ветровку.

— Шли бы вы в машину, хозяин, — предложил он. — Прохладно, а у вас горло слабое.

2011–2017

Начало см. на 2 стр. обложки.

«РГ» на Красной площади

Поэтесса Т. Пискарева

Ответственный редактор Е. Русакова, прозаик В. Пронин и главный редактор «РГ» Ю. Козлов

Поэт А. Согдида

Наш 13-й павильон

Зав. отделом распространения И. Бродянская

Прозаик Е. Шишкин

Гости на встрече с редакцией «РГ»

